

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

ИСТОРИЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОГРАФИЯ

№ 1 ЯНВАРЬ-
МАРТ
2009

МИР ЕВРАЗИИ
научный журнал

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издается с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2009. №1(4) Январь—Март

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор

Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАН
(г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора

В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе
(г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) —
доктор философских наук, профессор,
академик РАН, ректор ГАГУ
(г. Горно-Алтайск)

А.Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)

Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук профессор (г. Новосибирск)

О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)

А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАН
(г. Кемерово)

В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)

М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора)
кандидат исторических наук, доцент
(г. Горно-Алтайск)

А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

О.М. ГАНБОЛД — профессор
(г. Ховд, Монголия)

Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

Подписано в печать 15.03.2009. Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 11,57. Тираж 150 экз.
Зак. №09370

Отпечатано в типографии
ИП «Высоцкая Г.Г.»

649007, Горно-Алтайск, ул. Ленина, 199-

© Горно-Алтайский государственный
университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность
цитат, имен, названий и иных сведений, а также
соблюдение законов об интеллектуальной
собственности несут авторы публикуемых
материалов

Адлыкова А. П. ИЗ ИСТОРИИ ЧЕМАЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ.	2
Алушкина М. М. ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В ГОРНОМ АЛТАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)	6
Bourgeois J., Gheyle W., Goossens R., De Wulf A., Dvornikov E., Ebel A.V., Van Hoof L., Loute S., De Langhe K., Malmendier A., Van de Kerchove R., Cappelle R., te Kiefte D SURVEY AND INVENTORY OF THE ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE VALLEY OF THE KARAKOL (UCH ENMEK PARK). REPORT ON THE BELGIAN-RUSSIAN EXPEDITION IN THE RUSSIAN ALTAY MOUNTAINS 2007-2008	10
Бутанаев В. Я. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ХАКАССКОГО НАРОДА С. д. Мойногашев (1886—1920 ГГ.)	21
Оръяс М. Ганболд ТРАДИЦИИ ОБРЯДОВ ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ У ОЙРАТОВ-МОНГОЛОВ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКИХ УРЯНХАЙЦЕВ И ЗАХЧИНОВ)	24
Дацышен В. Г. , Модоров Н. С. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСУДАРСТВА ЦИН И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С СОСЕДЯМИ В XVII-НАЧАЛЕ XVIII ВВ.	28
Модоров Н. С. ПРИНЯТИЕ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1756 ГГ.	35
Ложкина Н. Н. ПОЛИТИКА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1965—1985 гг.	39
Орлов Д. С. ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В 1976—1985 гг.	43
Пак Н. В. РАЗВИТИЕ МЕСТНОЙ И КООПЕРАТИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ	50
Пустогачева Т. С. СТРОИТЕЛЬСТВО ЧУЙСКОГО ТРАКТА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.: ВАРИАНТЫ, ДИСКУССИИ.	53
Юдина А. Ю. СОСТОЯНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УЧЕРЕЖДЕНИЙ г. БИЙСКА В 1945 г.	57
Анкудинова Т. В. К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГОРОДА ГОРНО-АЛТАЙСКА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	61
Анкудинова Т. В., Гонохов А. Г. СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРНОГО АЛТАЯ В 90-е гг.	64
Гонохов А. Г. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРНОГО АЛТАЯ В 90-Е ГГ. XX в.	67
Мезенцев, Р. В. Сидоренко Д. И. КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (на примере Алтая)	68
РЕЦЕНЗИИ	72
ИНФОРМАЦИЯ	75

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет,
редколлегия Журнала «Мир Евразии»,
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

УДК 902

А. П. Адлыкова

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕМАЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ.

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, освещена история становления и развития Чемальской женской общины Алтайской духовной миссии.

Горный Алтай, Алтайская духовная миссия, женская община, миссионер, церковь, монастырь, миссионерская школа, учительница, детский приют.

Говоря о «деяниях» Алтайской духовной миссии, действовавшей в Сибири, в частности в Горном Алтае, а потом, начиная с 80-х гг. XIX века, и за его пределами, конечно же, нельзя не рассказать, хотя бы кратко, о ее просветительской и благотворительной деятельности, которой ее служители отдавали много «сил и старания». Были в их числе и служители и наследницы Чемальской женской общины. В ряду монастырей и монашеских общин Алтая последняя занимала, без преувеличения, особое место. Ее специфичность и особенность дали законное основание современникам и исследователям истории Алтайской духовной миссии утверждать, что женская община во имя иконы «Всех скорбящих радость» в Чемале не совсем вписывались в общую картину проповедования и приобщения обителей Горного Алтая к «вере Христовой». Повод для такого обобщения давала уже сама история возникновения женской общины. Она же возникла, как отмечали даже современники, совсем не так, как все другие обители Алтайской духовной миссии. Женская православная община, возникшая в Чемале, «зародилась» (и стала в дальнейшем развиваться) на базе детского приюта, имевшегося в поселении. Став его правопреемницей, она поставила в качестве своей главной цели «воспитание и образование инородческих детей» в христианском, миссионерском духе. И, забегая вперед, надо сказать, что община успешно справилась со своей задачей. Это обстоятельство даст руководству Алтайской духовной миссии, да и светским властям все основания назвать ее «образцовым подразделением Алтайской Духовной миссии», которое будет финансироваться «по особым статьям», и перед которым будут ставить те и другие власти «самые высокие задачи».

Пока же, в 1896 году Чемальским приходским попечительством был создан небольшой детский приют (для нескольких детей — А.А.), главным образом, «сирот новокрещенных «инородцев», проживавших в Чемале. Глава его, чемальский миссионер Петр Бенедиков весьма подробно описет со временем причины, побудившие миссию создать это заведение. «Мысль о призрении бесприютных сирот, — подчеркивал он в своих воспоминаниях, — давно занимала миссионеров Чемальского отделения, но по недостатку средств она не могла осуществиться. А тем временем, за горсть толокна, за предоставление крыши юрты для житья, родичи, приютившие этих детей, заставляли их нести непосильные работы,

причем колотушки, а иногда и сильные побои, так и сыпались на головы на несчастных сирот. С открытием Чемальского приходского попечительства его особое внимание было обращено именно на этих детей. Тем семьям, где были сироты, выдавались, как известно, ссуды хлебом, деньгами, одеждой. Но эта помощь, увы, не поступала по назначению. Ссудой пользовались взрослые, а положение сирот не улучшалось. Видя это, мы и решили устроить приют, причем, не имея средств, а всецело полагаясь в этом деле исключительно на помощь Божию» [1, с. 373].

Для приюта были возведены первые здания, освящена церковь и приглашена учительница и воспитательница для детей — Ирина Федоровна Козлова, учительница Чемальской школы, воспитанница о. Макария (Невского). В первый год существования, в «новоявленный» приют пришло жить шесть детей [2, с. 11].

Первоначальные цели деятельности этого заведения были весьма скромными. Об этом откровенно говорил основатель приюта. «Мы, — подчеркивал он, — не задавались высокими целями и желали только одного: оказать посильную помощь страждущим из прихожан. Воспитание 5 — 6 детей — сирот до того возраста, когда они сами смогут заработать себе кусок хлеба, причем приучить их к труду, опрятности, научить страху Божьему, да приютить елико возможно безродных, дряхлых и больных — вот [что составляло основные] задачи нашего приюта — богадельни» [1, с. 372].

Своеобразная «скромность» поставленных «первопроходцами» задач вытекала на первых порах, главным образом, из возможностей приходского попечительства в деле оказания материальной помощи приюту. Не в состоянии была оказывать ему достойную помощь и местная церковь, поскольку ее доходы были также невелики. Поэтому, деньги, которые она выделяла приюту было явно недостаточно для содержания детей. В этой сложной для последнего ситуации, к решению его проблем подключились жители Чемала. Видя бедственное положение приюта они стали добровольно поставлять (кто сколько может) хлеб, мясо и другие продукты питания. Те же, кто не имел продуктов и средств, приходили в приют и работали в нем, а также помогали ему в обустройстве приютских помещений [1, с. 373]. Со временем в приют стали поступать продукты и денежные пощертования и из других мест. Со временем помочь ему стала оказывать и Алтайская миссия. Она стала ежегодно выдавать ему по 100 руб. [2,

с.12]. Однако, этого было крайне недостаточно для решения всех его проблем. Для нормального существования приюта нужна была более значительная помощь. Ее могли оказать только солидные благодетели. И они, надо сказать, нашлись. Одним из них, по праву главным, стал Владыка Макарий (Невский). Надо сказать, что он не только же взялся помогать приюту, но обязался отыскать постоянный и надежный источник средств для содержания приютских детей. И он был найден Владыкой. Метод, который он предложил, был, без преувеличения, весьма оригинальным, а посему о нем следует сказать чуть подробнее.

В конце XIX — начале XX века селение Чемал и его окрестности получили широкую известность как местность, располагающая уникальным климатом, который содействует излечению многих болезней, а в особенности туберкулеза. И, действительно, этот район Горного Алтая был окружен высокими горами и густым хвойным лесом, препятствовавшим проникновению сюда холодных ветров. Ознакомившись в 1915 году с природно-климатическими и лечебно-профилактическими условиями Чемала и его окрестностями, видный ученый, фтизиатр Вершинин назвал это удивительное место «Швейцарией» и «Жемчужиной России». Действительно, мягкий горный климат, по мнению врачей, ставил Чемал в один ряд с такими знаменитыми курортами России какими являлись в то время Ялта и Анапа. Широкой популярности этой естественной лечебницы способствовала и местная, редкой красоты, природа [3, с. 5]. Все это вместе взятое, естественно, было широко разрекламировано газетами, а потому и привлекло сюда множество туристов, не только из Сибири, но и из центральной России. Именно Владыке Макарию и пришла в голову мысль о том, а «нельзя ли привлечь средства дачников и туристов на развитие детского приюта». Реализуя ее, он распорядился построить на приютской земле «санаторий» — два дома, для размещения в них приезжающих в Чемал дачников. Полученная с них плата за аренду вышеуказанных приютских помещений должна была пойти на содержание воспитанниц приюта. Не без участия Преосвященного Макария, было обеспечено и «финансирование» строительства этих домов. Их пожертвовали приюту найденные им благотворители, каждый из которых дал ему немалые, по тем временам суммы (800 руб., 1000, и более руб.). Благодаря этому, дачные дома были быстро построены: первый — одноэтажный, под железной крышей, разделенный на две половины широким коридором и второй — двухэтажный, с пристройкой для погреба и завозни. Стоимость проживания в них была определена в 72 руб. в месяц с человека [2, с. 111]. Расчет Владыки оказался верным. С вводом их в строй, они стали приносить приюту немалую прибыль. К примеру, в 1916 г. от сдачи дачникам этого жилья, община получила почти две с половиной тысячи рублей [4, л. 38].

С вводом в строй «санаторных» дач жизнь приюта заметно облегчилась. Однако не до конца. Стремление извлечь большую выгоду от дачников, создала много «неудобств». В погоне за «прибы-

лью», детям и их наставницам приходилось каждое лето (вплоть до 1912 г. — А. А.) переселяться в бараки, а дополнительно, освободившиеся помещения «сдавать в аренду» дачникам.

Наряду с туристами и отдыхающими, определенный доход приюту приносил и его огород. Овощи, выращенные на нем, опять — таки, продавались «дачникам и лечебникам», что также было неплохим подспорьем [5, с. 229]. Наконец, становлению «экономической монополии» приюта способствовало и увеличение ему суммы субсидии, ставшей поступать ему от миссии. К 1911 году она возросла до 400 руб. в год [6, л. 9].

Все время, ушедшее на «становление на ноги» приюта, им руководила Ирина Макаровна Козлова. После тринадцати лет службы, она ушла «на покой». После ее ухода заведующей этим учреждением была назначена Лидия Тихоновна Михайлова, бывшая послушница Томского Иоанно-Предтеченского монастыря. Ее помощницами в этом деле стали (по рекомендации Владыки Макария — А.А.) две «сестры» этого же монастыря: одна из них стала, как бы мы сказали сейчас, «заместителем по учебно-воспитательной работе», а тогда — «для занятий с детьми в школе», а другая, — «для ведения хозяйства». В это же время при приюте, по инициативе и ходатайству Преосвященного Макария (Невского), была учреждена и женская община, открытие которой состоялось 1 мая 1911 года [7, с. 76].

Как известно, куратор приюта и инициатор устройства Чемальской женской общины, Владыка Макарий (Невский) связывал с нею весьма большие планы. На ее открытии он прямо заявил, что ее «сестры» будут нести обязанности «первохристианских диаконис», что они «станут истинными светильниками христианства для языческого Алтая» [7, с. 79].

В качестве главной задачи деятельности «новоустроенной общины», онставил подготовку воспитанниц приюта для работы «на благо Алтайской миссии». Из девочек — сирот, по его мнению, должны были «вырасти учительницы, обладающие твердыми знаниями и горячей верой». По выражению миссионеров, община должна была «дать кадры религиозно-воспитанных учительниц для всех школ Алтая. Воспитанницы, получившие воспитание в стенах обители будут, по их мнению, лучшими проводниками религиозно-нравственных понятий в среду алтайских инородцев» [7, с. 77].

И надо сказать, что поставленные задачи обитель решала на должном уровне. Как свидетельствуют источники, обучение девочек было поставлено — по местным меркам — «весьма прекрасно». Еще в начале деятельности приюта, к нему, как уже упоминалось выше, была приписана Чемальская двухклассная церковно-приходская школа, «основанная» в 1882 году на средства благотворителя, бийского купца Пискарева. 16 августа 1913 года она была преобразована во «второклассную», а в 1915 году — по особому ходатайству Епархиального училищного совета — при ней был открыт четвертый — дополнительный — учительский класс для подготовки воспитанниц на звание «учительницы церковно-приходс-

кой школы». Эти «нововведения», естественно, потребовали дополнительных помещений. В связи с этим, и было запланировано строительство новой школы. В 1913 году на постройку ее нового здания было отпущено 20 тыс. руб. казенных денег. В добавок к ним, Владыка Макарий выделил из своих личных средств, еще 20 тыс. руб. [8, л. 39].

План нового здания школы был мало похож на приспособленные для учебного процесса прежние деревянные избы, в которых размещалось до этого большинство школ Алтайской духовной миссии. Планировка новой школы была продумана до мелочей. В соответствии с проектом, на первом этаже должны были разместиться две кухни, столовая, больничная палата, спальня, бельевая, кладовая, четыре комнаты для учителей и комната для сторожа. Второй этаж был полностью отведен для учебных занятий. Здесь помещались пять классных комнат и большая библиотека. Если говорить о внешнем виде здания школы, то можно отметить, что оно было рубленным, под железной крышей и отличалось богато украшенным фасадом [9, л. 15].

Педагогический коллектив школы состоял из восьми учительниц. Если говорить о программе обучения, то она, без преувеличения, была достаточно обширной и включала в себя Священную историю, письмо, русский и церковно-славянский языки, географию, арифметику, чистописание, церковное пение, катехизис, гражданскую историю, геометрию, дидактику, физику, словесность и литературу, гигиену и рукоеделие. Словом, судя по программе, школа давала весьма неплохое по тому времени образование [10, л. 25].

К 1918 году школа осуществила уже два выпуска. Все девушки (а их выпустилось 19 чел.) оправдали, по мнению членов Епархиального Училищного совета, возложенные на них «надежды» не только по показанным на экзаменах знаниям, но и последующей своей работой в школах миссии [11, л. 40].

Согласно документам, в 1914 году приютско — школьный комплекс Чемальской общины представлял собой небольшой городок, на территории которого располагались школа, дом для сестер, приют для девочек, дом для мальчиков, одно жилое помещение, старая и новая церковь и новостоящаяся церковь [9, л. 15].

По сравнению с другими учреждениями миссии, община и приют финансировались, надо признать, очень неплохо. Кроме 400 руб. ежегодно выделяемых им миссией и многочисленных пощертований, они получали и значительные суммы из средств Святейшего Синода. В частности, он выделял деньги на жалование учителям, учебные пособия, на содержание учениц и зданий. Зарплата учителей в школе, и это тоже надо отметить, по тем временам была не так уж и маленькая, и доходила до 470 руб. Кроме основной зарплаты, учителя получали и дополнительную оплату, предусмотренную за работу «по совмещению» [12, л. 5].

Согласно документам, уклад и стиль жизни в приюте и общине были образцовыми. Но несмотря на, казалось бы, неплохое финансирование, обитель жила все же небогато. К примеру, ей не хватало средств, чтобы построить колокольню. Ее роль долгое время выполняла старая сосна, на которой и висел колокол. Кстати, он тоже был не свой, а был подарен общине Преосвященным Макарием [5, с. 230]. Не отличалась богатством и роскошью и сама церковь — это было маленькое, деревянное строение, с миниатюрным иконостасом. Главной ее достопримечательностью был большой, запрестольный образ Богоматери, написанный и подаренный храму графиней А.А.Орловой. Скромно одевались и «приютянки». Они ходили в спитых ими же самими платьях, из тканей, подаренных обители благодетелями.

Но, как свидетельствуют источники, материальное благополучие и достаток не были главным для наследниц приюта. Руководство, дети и сестры общины смиренно признавали, что «у них все есть». И, довольствуясь малым, они «самоотверженно и с увлечением отдавали себя любимому делу» [5, с. 227].

И надо сказать, это были не просто слова. В них просматривалась большая и постоянная забота о детях. Так средства, присылаемые в обитель благотворителями, ее руководство тратило в основном на детей и на обустройство приюта. В 1915 году для их питания было закуплено мясо, грибы, овощи, рыба (язь, щука, окунь, кета), масло, молоко и молочные продукты и многое другое. На одежду, обувь и одеяла для учениц в указанном году было израсходовано 8350 руб. [8, л. 41]. Проявлять подобную заботу о детях позволяли не только средства, полученные от благотворителей, но и собственные капиталы. Из трех приютов Алтайской Духовной миссии, лишь Чемальский располагал значительными средствами. Так, в 1911 г. на счетах Улагинского приюта имелось 1600 руб., Чулышманского — 2200 руб., а Чемальского — 5900 руб. [13, л. 5].

Как уже указывалось выше, все приюты Алтайской Духовной миссии создавались при монастырях. Однако они не ставили своей целью воспитывать из своих детей монахинь и монахов. Вот как описывала свои задачи настоятельница Чемальской обители Л. Т. Михайлова в разговоре с московской посетительницей приюта. Свой визит последний, подробно описала в одном из изданий Православного Миссионерского общества. «Нас, — говорила настоятельница, — обвиняют в том, что мы готовим из своих призреваемых монахинь. Ничуть! Мы приготовляем из них хозяек и хороших жен инородцев-христиан. Средств у нас мало, а в общине — даровые работницы, вот и все. Мы не принуждаем детей к вечному посту, мы радуемся их молодому веселю, а все наши цели сводятся к тому, чтобы через них распространять нравственность, трудолюбие, желание обставить жизнь удобствами и довольствием» [5, с. 227].

Именно благодаря такому воспитанию, утверждает корреспондент, девушки, воспитанные в приютах миссии, по праву считаются «завидными невестами». Прежде всего, они обладают твердыми нравственными устоями. Во-вторых, приюты обеспечивали им хорошее приданное. Наконец, они были прекрасными, домовитыми хозяйками, к тому же неплохо образованными. В те времена последнее было большой редкостью. И только при большом желании девушка могла остаться в монастыре или устроиться учительницей в одну из школ миссии [5, с. 228].

В отличие от выпускников современных детских домов и интернатов, эти дети были прекрасно подготовлены к взрослой самостоятельной жизни. В период нахождения в приюте, их никогда не ограждали от работы. В силу этого, они прекрасно понимали, что выращенные ими на огороде овощи и запасенные ими на зиму дрова нужны для них самих же. Потому-то они активно работали на огороде приюта, выращивая капусту, картофель, дыни и арбузы. Они сами пряли шерсть и вязали себе на зиму чулки, учились шить одежду и т. д. Делать все, успевать везде их приучал распорядок дня приютской жизни. Вот, к примеру, один из таковых, описанный в отчетах миссии: «Дети встают в шесть часов, в семь часов собираются на общую молитву. Вслед за утренней молитвой чай, по окончании которого начинаются занятия девочек в школе. В два часа они обедают. Послеобеденным временем девочки располагали более или менее свободно: кто-то помогал сестрам по хозяйству, кто-то колол дрова, кто-то шел за водой ход, а некоторые приучались вязать, прядь, шить и проч. В пять часов вечера начинались вечерние

занятия — приготовление к завтрашним урокам, в семь часов был ужин, а в восемь — вечерняя молитва» [14, с. 17]. Несмотря на вышеописанную демократию, общий дух приюта и общины, надо признать, был все же консервативный. Не даром ее покровитель, митрополит Московский Макарий, при посещении приютов и сиротских домов Центральной России, велел там снимать с детей новомодные носки, шорты и короткие платья, и одевать их в более «приличную» одежду [15, с. 285].

Подытоживая все вышесказанное, можно утверждать что, приют, женская община и второклассная школа в Чемале были одним из самых удачных опытов Алтайской миссии в деле организации ею благотворительной и просветительской деятельности, ее логическим итогом и завершением. Она стала именно тем заведением, которое на протяжении десятилетий стремились создать миссионеры, но не имели на это достаточных людских и финансовых ресурсов. Здесь не только «призревали» сирот, но и готовили из них грамотных помощников миссии в деле проповеди. Подобное учреждение не могло находиться на самообеспечении. И миссия была не в состоянии содержать и обеспечивать всем необходимым такую организацию. Поэтому главная, решающая заслуга в организации работы приюта и женской общины при нем, и в их финансировании принадлежит Владыке Макарию (Невскому). Особенностью этого учреждения, как уже подчеркивалось выше, являлось и то, что здесь удачно сочетались черты монашеской общины и светской благотворительной и просветительской организации.

Библиографический список

1. Бенедиктов П. Приют-Богадельня в Чемале. // Православный благовестник. 1897. №24.
2. От Улалы до Чемала и Чепоша. — Томск, 1912.
3. Пласкеева А.. Возрождается из пепла. // «Звезда Алтая». 2002. №57.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Д. 843.
5. Коцевольская Л. Чемал. // Православный благовестник. 1912. №5.
6. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 164. Оп. 2. Д. 77.
7. Открытие Чемальской женской общины на Алтае. // Православный благовестник. 1911. №14.
8. ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 112.
9. Там же. Оп. 1. Д. 5.
10. Там же. Оп. 2. Д. 110.
11. Там же. Д. 113.
12. Там же. Оп. 2. Д. 77.
13. ЦХАФАК. Д. 60.
14. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1913 г. Томск. 1914,
15. Епископ Арсений (Ждановский). Воспоминания. М., 1995.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 15.02.09.

A. P. Adlykova

FROM A HISTORY OF CHEMAL FEMALE COMMUNITY THE ALTAI SPIRITUAL MISSION. In article, the paper written on the basis of analized publications and archive materials, light up the history and development of Chemal female community the Altai spiritual mission.

Mining Altai, Altai spiritual mission, female community, missioner, church, cloister, mission school, teather, orphanage.

УДК 902

М.М. Алушкина

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В ГОРНОМ АЛТАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье, на основе отечественных опубликованных источников, освещена история развития библиотечного дела в Горном Алтае (вторая половина XIX — начало XX вв.).

Горный Алтай, Алтайская духовная миссия, миссионерская школа, библиотека, распространение книг

Изучение истории распространения книги и становления библиотечного дела в Горном Алтае в означенное выше время вызывает у исследователей закономерный интерес. Но, несмотря на это, эта проблема до сих пор остается слабо изученной. По ней до настоящего времени нет работ обобщающего характера. Пока мы располагаем лишь отдельными публикациями, посвященными книжной культуре Горного Алтая в те или иные периоды. Среди специалистов, уделявших внимание данной теме, можно назвать имена Б. Пивоварова, Г. Николаевой, Н. Суразаковой, В. Тонкурова, Т. Яйтынова, Н. Копытова. Однако в работах этих авторов вопросы библиотечной истории нашего региона мало освещены.

Библиотечное дело, как известно, получило определенное развитие в дореволюционном Горном Алтае. Сведения о создании первых библиотек на территории Горного Алтая появляются еще в XIX веке. Как свидетельствуют источники, к концу XIX века грамотность населения Горного Алтая составляла 22-23%, а по отдельным селам (Улала, Ильинское, Шебалино, Кебезень, Черный Айы и др.) доходила до 60%. Основными типами школ в Горном Алтае как отмечают исследователи являлись миссионерские (84%), начало которым положила Алтайская духовная миссия, функционировавшая в Сибири в 1830-1917 гг.

С ее деятельностью связана и история создания дореволюционной алтайской книги, а также и «рождение» первых библиотек на территории Горного Алтая. Их появление, вне сомнения, связано с деятельностью высокообразованных личностей, каковыми были священнослужители Макарий Глухарев, Стефан Ландышев, Макарий Невский, Василий Вербицкий, Владимир Петров и другие, бывшие не только миссионерами, но и учеными, этнографами и лингвистами в совершенстве владевшие алтайским языком. Именно они заложили основы переводческой, издательской и просветительской деятельности служителей миссии.

В 30-е годы XIX века основатель миссии, архимандрит Макарий (Глухарев) разработал на основе русского языка алтайский алфавит. Это позволило ему перевести на алтайский язык отрывки из Библии, молитвы и богослужебные книги, которые стали использоваться в первых миссионерских школах, открытых для обучения крещеных алтайцев.

В 1844 году толмачом в миссии стал работать будущий священник М. В. Чевалков. Со временем он стал первым алтайцем, начавшим писать «книги» на родном языке. Помогая руководителю миссии переводами материалов с алтайского языка на русский, Михаил Васильевич стал, позднее, и сам переводить русские тексты на алтайский язык. В числе таковых были «Жития святых» и басни И. А. Крылова. Подражая последнему, он начинает вскоре писать свои басни и назидательные статьи в стихах. Свидетельство тому — «Поучительные статьи в стихах на алтайском языке», впервые увидевшие свет в Казани в 1872 году, а затем переизданные здесь в 1881, а также в Томске в 1893 году.

С 1853 года в миссии начал служить протоиерей В. И. Вербицкий, более 35 лет посвятивший изучению алтайцев. Это был высокообразованный ученый, по-праву избранный впоследствии членом Русского Географического Общества, а также членом Томского статистического общества. Глубоко изучив язык и быт различных племен Алтая, он написал и опубликовал свой капитальный труд «Алтайские инородцы», не утративший своего научного значения и по сей день. Им были переведены на алтайский язык многие религиозные книги, а в соавторстве с другими учеными написана «Грамматика алтайского языка», которая была издана в 1869 году в Казани.

Большое внимание переводческой и издательской деятельности уделял о. Макарий (Невский), начавший с 1855 года службу в Алтайской духовной миссии (в 1884 году он стал ее начальником — М. А.). Им было сделано немало переводов церковных и богослужебных книг, а также осуществлена большая редакторская работа.

С целью издания богослужебных и духовно-назидательных книг на алтайском языке, в 1876 году, при Алтайской миссии создается переводческая комиссия, а также собственная цензура. Все это позволило ей увеличить количество издаваемых миссией книг, расширить их жанровое своеобразие. Создаваемые ею книги печатались, как правило, на русском или церковно-славянском языке и лишь в некоторых случаях в них давались параллельные тексты: на русском и алтайском языках.

Говоря об истории издательской деятельности Алтайской духовной миссии, следует отме-

тить, что исследователи подразделяют ее на три периода. Первый или начальный — охватывает 1864—1869 годы, когда алтайские книги печатались в Синодальной типографии Санкт-Петербурга. Второй период — охватывает 80-е годы XIX века. Тогда книги переводились на алтайский, шорский и киргизский языки и печатались в Казани. И, наконец, третий период начинается с конца 80-х годов XIX века. С этого момента книги на алтайском языке начинают печататься, главным образом, в частных типографиях Томска и Бийска.

Каждый из вышенназванных периодов соответствовал и определенному уровню развития алтайской письменности и алтайского литературного языка. Так, «Петербургские издания» — это были первые алтайские книги вообще. Их содержание определялось насущными потребностями алтайских миссионеров и Алтайской духовной миссии в целом. Со временем все переводы были усовершенствованы, что вполне естественно. «Казанские издания», к примеру, уже отличались более высоким научным уровнем. Новые потребности миссии в книгах и еще более высокий уровень научно-переводческой работы миссионеров предопределили и перечень книг, подлежащих переводу, их литературные и художественные достоинства, а также значимость этих переводов в учебной, миссионерской и просветительской работе.

Наибольшая заслуга в деле издания книг на алтайском языке принадлежит, как уже упоминалось выше, о. Макарию (Невскому). В его послужном списке за 1878 год указано: «В 1864 году по распоряжению начальства находился в Санкт-Петербурге для напечатания составленных при участии переводчика Михаила Чевалкова переводов на алтайский язык: 1) Литургии св. Иоанна Златоуста; 2) Священной истории Нового завета; 3) Евангелий воскресных — утренних и праздничных; 4) Последования часов и изобразительных и огласительных для готовящихся ко святому причащению...» [1, с. 44].

Особое место среди первых изданий (на алтайском языке) занимает «Азбука для обучения грамоте алтайских инородческих детей» («Алтай кижилик балдарын бичикке урдереге азбука») (1868). Это был первый букварь, вышедший когда-либо на алтайском языке. Автор его не указан, но в примечании переводческой комиссии говорится, что «...в 1868 году явился в свет “Алтайско-русский букварь” и, в соединении с ним, молитвы из Священного Писания на алтайском и русском наречиях. Букварь был составлен Алтайскою Миссиюю и напечатан в Санкт-Петербурге, Синодальной типографией... Дотоле на алтайский язык переводились и часто печатались такие книги и в таком виде, что они могли служить пособием только миссионерам, т. е. русским членам Миссии и только случайно и как бы ненароком попадали в руки туземцев» [2, с. 45]. Этот букварь выдержал пять переизданий.

«Грамматика алтайского языка», изданная в Казани (1869) заслуживает особого внимания. Это труд, почти сорокалетней переводческой и научной деятельности алтайских миссионеров, кото-

рый не утратил своей научной значимости и по сей день. Именно на ее основе были написаны грамматики других тюркских народов. Больше всех над ее составлением потрудился протоиерей В. Вербицкий. Также нужно отметить, что большое научное значение имел выпуск «Словаря алтайского и алдагского наречий тюркского языка» (1884), автором которого явился также В. Вербицкий. Он же стал и одним из первых инициаторов научного изучения языка алтайцев и их устного народного творчества.

Первые буквари распространяли не только христианскую веру в Горном Алтае, но играли и прогрессивную роль в распространении грамотности среди коренного населения.

Наряду с отмеченными, в Казани были напечатаны два сборника сочинений М. В. Чевалкова: «Поучительные статьи на алтайском языке» (1872) и «Поучительные статьи в стихах и прозе» на алтайском языке (1881).

В 1882—1884 гг. алтайскими миссионерами был издан свод агиографических памятников — «Жития святых» — на алтайском языке в четырех выпусках, общий тираж которых составил — 6200 экземпляров.

В Казани книги на алтайском языке издавались, благодаря тесному сотрудничеству алтайских миссионеров с Переводческой комиссией Православного миссионерского общества, при Братьстве св. Гурия Казанского. Общий тираж книг, изданных в Казани на алтайском языке за 1879—1887 гг., составил 12600 экземпляров.

Как показывают отчеты и современные библиографические изыскания, в конце XIX — начале XX столетия Алтайская духовная миссия издала в Томске и Бийске «Священные писания», проповеднические, катехизические, нравоучительные, а также учебные пособия и оригинальные сочинения на алтайском языке.

Заслугой миссии явилось не только создание ее системы школьного образования, но и открытие библиотек в регионе. Первые школы в Улале и Майме появились, как известно, при Макарии Глухареве. В начале 30 гг. XIX в. их было две. Спустя восемь десятилетий, в Горном Алтае насчитывалось уже 90 миссионерских школ [3, с. 271].

В конце XIX — начале XX вв. появились на Алтае и первые библиотеки. Это были церковные библиотеки. Они открывались при миссионерских храмах. Так, при Улалинской церкви, читаем в документе, «находится миссионерская церковная библиотека, в коей имеется книг разных наименований 685, в 263 томах, пользуются книгами прихожане и миссионеры при воскресных чтениях народу». По данным за 1898 г. имелась библиотека и в с. Черный Ануй. Она располагала книгами 56 наименований в 123 экземплярах, в с. Ильинском — 37, книг в 160 экземплярах, в с. Абайском — 17 книг в 57 экземплярах [4, с. 152].

В описи имущества Кондомской миссионерской школы, составленной в 1887 г. учителем Диомидом Лозиным, указаны и книги из библиотеки школы. Среди них были книги на алтайском и шорском языках, в частности «Земная жизнь Иисуса Христа» (алт.) — 9 книг; «Священная

история Нового завета» (шорс.) — 8 книг; «Шорских букварей» — 25 экз. [5, с. 51].

О наличии книг свидетельствует и отчет священника Чемальского отделения Алтайской миссии за 1895 г. «В связи со школьным делом, — говорится в нем, — развивается и другое дело — богослужебные беседы... Жаль, только ощущается, недостаток в книгах для чтения. Грамотные (а их в Чемале более ста человек) на беседах осаждают просьбами о книгах, а дать почти нечего, да и средств на выписку книг не могу изыскать. По этому поводу я писал в отчетах сего года об устройстве народных библиотек при станах миссии...» [6, с. 87]. Материалом для духовно-нравственных чтений, устраиваемых учителями миссионерских школ на алтайском языке, служили сборники «Жития святых», переведенные в свое время М. В. Чевалковым под руководством Преосвященного Макария Невского, а также оригинальные и поучительные статьи М. В. Чевалкова.

Открывая школы, библиотеки, приобщая алтайцев к грамоте, миссионеры содействовали, тем самым, и общему культурному их росту. Благодаря этому, из алтайской «инородческой» среды вышла плеяда выдающихся деятелей — учителей, фольклористов, писателей и художников. В их числе следует, в первую очередь, назвать Стефана Борисова, Николая Никифорова, Мирона Васильевича Мундус-Эдокова, Макария Михайловича Абышкина, Гавриила Васильевича Оттыгашева, Михаила Сергеевича Тырмакова, Ивана Матвеевича Штыгашева, Михаила Васильевича Чевалкова, Григория Ивановича Чорос-Гуркина и др. Каждый из них сделал очень много для просвещения своего народа.

Именно благодаря усилиям первых представителей алтайской интеллигенции, неравнодушных к идеям и нуждам народного просвещения, осуществлялось и развитие публичных провинциальных библиотек.

Для того, чтобы облегчить крестьянам возможность обзавестись библиотекой в своем селе, еще 23 сентября 1901 г. в Томске, по инициативе известного издателя, книготорговца П. И. Макушкина, было создано «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии» [7, с. 173]. Кто же он, так пекшийся об «устройстве сельских библиотек-читален?

Петр Иванович Макушин родился в 1844 году в с. Путино Пермской губернии. Учился в Пермской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии. В середине 1860 года он прибыл в Улану, для « осуществления миссионерской деятельности ». Став служителем Алтайской духовной миссии, Макушин объездил почти весь Горный Алтай, занимаясь изучением верований местных жителей и собирая их фольклор. В 1868 году он был назначен смотрителем Томского духовного училища. Спустя три года, он занялся книгоиздательской деятельностью. Многие работы Алтайской Духовной миссии печатались в типографии П. И. Макушкина. В числе их было немало учебных пособий. Так, в 1896 году были напечатаны «Азбука для обучения грамоте алтайских инород-

ческих детей» и «Избранные статьи (из книги «Училище благочестия на наречии алтайских инородцев»), перевод миссионера М. В. Чевалкова». В 1897 году в Томске вышли «Букварь для детей крещенных киргизов», а также «После азбуки. Книга для чтения для алтайских и инородческих школ» [8, с. 65].

Вся жизнь П. И. Макушкина была посвящена просвещению народных масс. И главным его «орудием» в борьбе с неграмотностью, невежеством была книга. Немало им было сделано и по линии «Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален».

К 1905 году в его рядах состояло 50 чел. Совет общества брал на себя «возбуждение ходатайства о разрешении библиотеки», а по получению его — подбор книг, их переплет и посылку в село. Средства, на которые «жило» общество, поступали от взносов членов, каждый из которых ежегодно должен был вносить 3 рубля. К концу 1907 года в Томской губернии работало уже около 50 библиотек, располагавших фондом в 17 тыс. книг. Из них 18 были открыты по инициативе народных учителей, 11 — по постановлениям сельских сходов, 4 — по инициативе священников, 6 — крестьянских начальников, 4 — кружками местной интеллигенции и 4 — по инициативе комитетов народной трезвости. Чаще всего библиотеки открывались на средства самого общества. Но были и исключения. В с. Алтайском, Улалинском, деревне Мало-Башталакской Бийского уезда они создавались на средства, собранные кружками местной интеллигенции [9, с. 173].

При содействии именно этого общества открылась в 1909 году в с. Анос библиотека — читальня, работу которой возглавил художник Г. И. Чорос-Гуркин. Об этом свидетельствует письмо председателя Томского совета, «Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек — читален», П. И. Макушкина (от 22 мая 1909 г.). В нем он сообщал Томскому губернатору, что в с. Анос открыта библиотека — читальня, заведующим которой согласился быть Г. И. Гуркин [9, с. 396]. Село Анос, как известно, было образовано в 1857 г. Спустя почти 40 лет, в нем была открыта школа, при которой «была устроена школьная библиотека, в «коей в 1895 г. имелись книги 32 наименований» [9, с. 345].

В конце XIX — начале XX вв. с. Анос как и Чемал, являлся культурным и общественным центром Горного Алтая и даже региона. Это, естественно, было связано с именем Г. И. Чорос-Гуркина. Поселившись здесь в 1903 году он прожил в Аносе до 1937 года. Росшая с каждой выставкой известность художника, превращала Анос в центр культурной и общественной жизни Горного Алтая. Сюда регулярно приезжали сибирские художники, поэты и писатели (Г. Д. Гребенщиков, Г. А. Вяткин, И. И. Тачалов, В. Я. Шишков и др.). С 1905 года сюда регулярно приезжал — на отдых — Г. Н. Потанин.

Говоря о библиотеке в Аносе, следует отметить, что конкретных материалов по комплектованию сельской библиотеки у нас пока нет. Но в отчете «Общества содействия устройству сельских

...библиотек...» в Томской губернии можно прочесть: «Ввиду того, что со временем предполагается обмен библиотек между ближайшими из селений, подбор книг делается не по одному какому-либо каталогу, а каждая библиотека имеет комплект книг значительно разный от других при подборе книг по отделу сельского хозяйства того селения, где открывается библиотека. Размер библиотеки, соображаясь со средствами Общества, определяется, на основании предварительно собранных данных, числом жителей селения, числом грамотных взрослых и числом учащихся. Число названий книг в каждой из народных библиотек, в зависимости от вышеуказанных данных далеко не одинаково — колебалось между 100 (минимум) и 1 500 (максимум), стоимость от 25 рублей до 350 рублей» [9, с. 251].

В июле 1917 г. на Бийском съезде представителей инородческих волостей был создан первый орган местного самоуправления алтайцев — Алтайская горная дума под руководством Г. И. Чорос-Гуркина. Она предприняла ряд шагов для привлечения внимания региональной и центральной общественности к культурно-просветительским нуждам алтайского народа. Например, в статье (от 12 сентября 1917 г.) в газете «Сибирская жизнь» содержится обращение Алтайской горной думы к интеллигенции Сибири с просьбой оказать содействие в сборе книг, рукописей, журналов, статей, портретов и другого материала для создаваемого ею особого книгохранилища, «где были бы сосредоточены все документы, характеризующие природу и климат Алтая, материальную, духовную и прочие стороны жизни алтайцев...» [9, с. 110].

В феврале 1918 г. Горно-Алтайским краевым учредительным инородческим съездом была создана

Каракорум-Алтайская окружная земская управа, во главе с Г. И. Чорос-Гуркиным. Она также уделила внимание вопросам культуры и просвещения, создания художественной школы, дома художников и писателей, развития издательского дела. Предпринимались ею и конкретные шаги в этом направлении. Так, 29 октября 1918 г. она заключила договор с Н. С. Гуляевым на приобретение у него книг (в количестве 1311 ед.) и коллекций по минералогии и археологии. По акту (правда, после смерти Н. С. Гуляева) управе были переданы 1311 книг по списку; предметы минералогии, археологии и таблицы [9, с. 24].

Наряду с сельскими библиотеками, открытыми «Обществом» в исследуемый период открывались в Горном Алтае частные библиотеки и народные библиотеки Ф. Ф. Павленкова. Но пока о них мы не располагаем подробными данными. Из отчета А. А. Ноняева о состоянии школьного дела в Шебалинской, Мысютинской и Песчанской волостях за 1917 г., нами выявлено, что «...библиотек в районе ... не было. Только при некоторых школах находились маленькие детские библиотечки. В начале сентября начали организовываться в больших селах культурно-просветительные общества и библиотеки при них, но работа в них тормозилась из-за отсутствия интеллигентных работников...» [9, с. 415].

Таковы краткие и разрозненные сведения по истории книжной культуры Горного Алтая, которыми мы располагаем на сегодняшний день. Поэтому необходимо углубленное исследование интересующей нас проблемы, что позволит воссоздать более полную картину становления книжной культуры и библиотек в Горном Алтае в интересующее нас время.

Библиографический список

1. Пивоваров, Б. И. Издательская деятельность Алтайской духовной миссии // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990.
2. Алтайско-русский букварь: алтай кижилердин балдарын бичикке уредерге азбука, — СПб: Синодальная типография, 1868.
3. Политические, социально-экономические и культурные отношения / Н. С. Модоров. — Горно-Алтайск, 1996.
4. Отчет Алтайской духовной миссии Томской епархии за 1896 год // Томские епарх. ведомости. — 1897. — №8.
5. Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990.
6. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 2. 1917-1930 гг. / Отв. ред. А. Л. Посадсков. — Новосибирск, 2002.
7. В составе Томской губернии. История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области. XIX — начало XX веков / сост. В. И. Марков, Г. Д. Мартынова, Л. Н. Шарабура. — Горно-Алтайск, 2004.
8. Кудирмекова Н. И. Г. И. Чорос-Гуркин и развитие алтайской национальной школы // Оносские встречи. — Горно-Алтайск, 2006
9. Галкина И. К к вопросу о судьбе наследия Гуляевых // Гуляевские чтения. Вып. 1. Материалы первой, второй и третьей историко-архивных конференций. — Барнаул, 1998.

Горно-Алтайский государственный университет.
Получено 27.02.09.

M.M. Alushkina

FROM THE HISTORY OF DEVELOPMENT THE LIBRARY OF CAUSE IN MINING ALTAI (SECOND HALF XIX — XX CENTURY)

In article, on the basis the native publications throw light the history of development the library of cause in Mining Altai (second half XIX — XX century).

Mining Altai, Altai spiritual mission, missionary school, library, circulation of books

УДК 902

*J. Bourgeois, W. Gheyle, R. Goossens, A. De Wulf, E. Dvornikov, A.V. Ebel, L. Van Hoof,
S. Loute, K. De Langhe, A. Malmendier, R. Van de Kerchove, R. Cappelle, D. te Kieft*

SURVEY AND INVENTORY OF THE ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE VALLEY OF THE KARAKOL (UCH ENMEK PARK). REPORT ON THE BELGIAN-RUSSIAN EXPEDITION IN THE RUSSIAN ALTAY MOUNTAINS 2007-2008

1. Introduction

Ghent University and the Gorno-Altaisk State University have a long tradition of archaeological research in the Altay Republic (figure 1). In 1995, Ghent University joined a Belgian-Russian team (together with the Royal Museums of Art and History of Brussels and the Free University of Brussels) in a project financed by the National Fund for Scientific Research (*FWO-Vlaanderen*). This project allowed us to finance excavations in Kyzyl (Tchungur area) (1995), Sebystey and Kalanegir (1996-1997). The last year was more devoted to survey and inventory of archaeological sites¹. A smaller project financed by the Flemish Ministry of Education allowed us to continue the survey and inventory of archaeological structures in the Uymont Steppe (1999) and in the Mayma area (2000)².

Meanwhile, the Department of Archaeology of Ghent University started the research on the use of satellite imagery (CORONA) for mapping and localisation of archaeological features. A result of this first research is a double university paper³. A scientific paper about this project has been published in the international archaeological journal *Antiquity*⁴.

Based on the positive results of this case study, the Department of Archaeology and the Department of Geography got a two-year project from the Research Council of Ghent University (2003 and 2004). The first research campaign within this project took place from July 6th to August 15th in the western part of the Chuya Steppe (Altay). Four parallel valleys to the south of the steppe were chosen as research area: Sebystey, Ozyok, Irbistu and Elangash. The archaeological survey of the area yielded an inventory of 751 structures from 136 different sites. The second campaign was executed during the summer of 2004, and took place in the valley of Yustyd, in the east of the Chuya Steppe.

The fieldwork there added 291 sites to the archaeological database. Although the surveyed area was quite limited (some 8 x 3 km or 24 km²), more than 2,300 different structures were recorded. This campaign was largely financed by additional funding from the Belgian Science Policy.

The presentation of this work and some consecutive meetings with UNESCO representatives and ambassadors of the countries in question (Russia and Kazakhstan) during the year 2004, yielded in an application by the UNESCO Direction of Culture, together with our Department of Archaeology, for a Flemish Trust Fund grant. It was approved in the beginning of 2005 and would cover the years 2005 and 2006.

This project frames within a larger initiative, which is the preservation and conservation of the frozen tombs of the Scythian culture, that lie scattered in the Altay Mountains across Russia, Kazakhstan, Mongolia and China. These ancient Scythian tombs, so-called *kurgans*, contain outstanding cultural relics and the unique remains of the once-flourishing Scythian civilisation, which influenced many other civilisations in the area and had contacts with the neighbouring civilisations of China, India, Iran, Mesopotamia and Greece. The unique frozen condition of the graves has permitted the conservation of all organic materials, including the mummified body of the deceased, sacrificed horses, harnesses, saddles, furniture, textiles, carpets, etc. However, these relics are now endangered by various factors, including a lack of knowledge about how many such tombs exist and their exact location and description, as well as global warming, which is melting the permafrost that has guaranteed their preservation over the millennia.

¹ For a full report on this project, see: I. Bourgeois, L. Cammaert, Cl. Massart, J.H. Mikkelsen & W. Van Heule, *Ancient Nomads of the Altai Mountains. Belgian-Russian Multidisciplinary Archaeological Research on the Scytho-Siberian Culture*, Royal Museums of Art and History, Brussels, 2000, 213 pp.

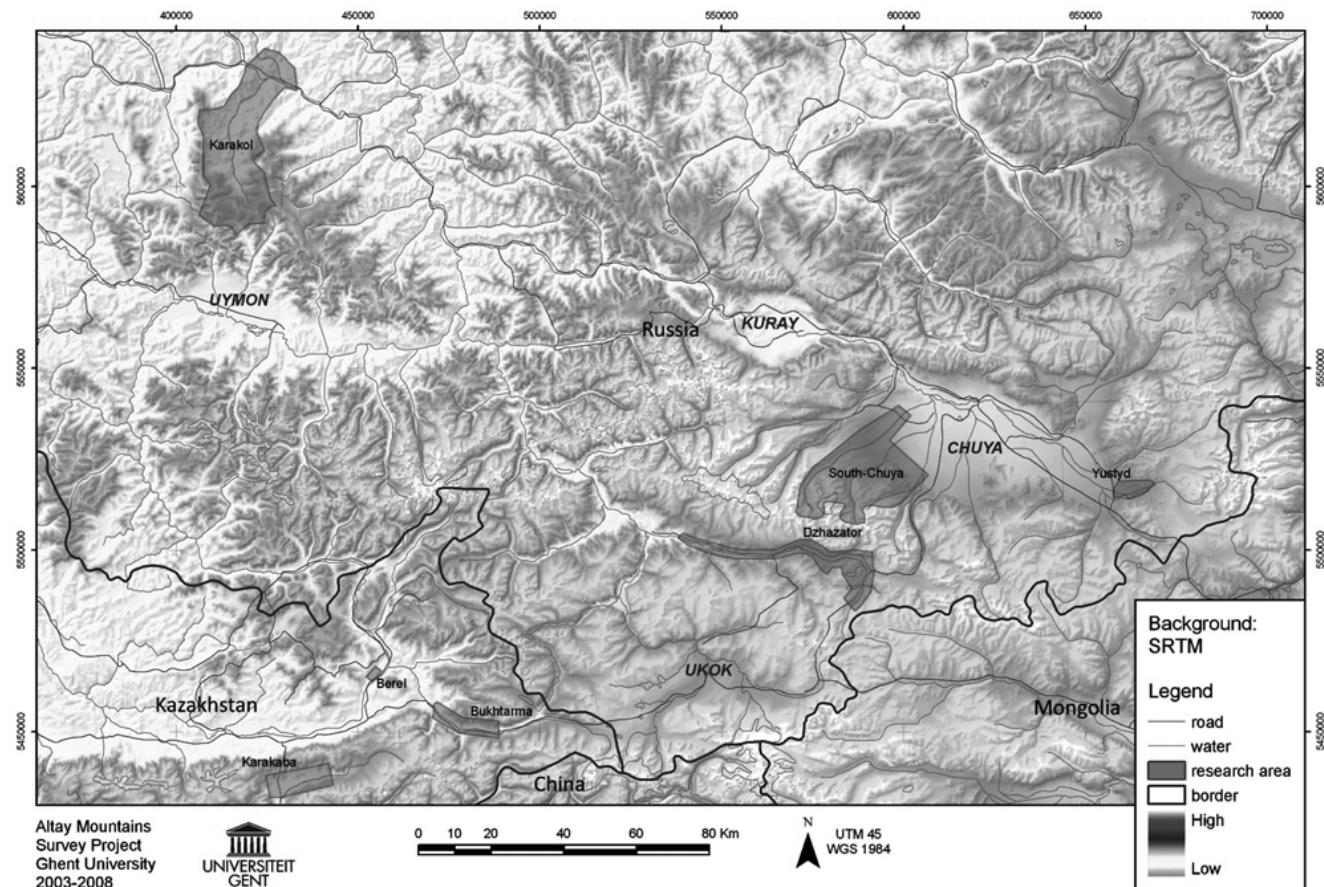
² I. Bourgeois J. Bourgeois 2006, Unexplored valleys, potential frozen kurgans and heritage management. Belgian archaeological research in the Altai Republic (Russian Federation): survey and inventory 1996-2000, in: *Papers of the XIVth UISPP congress on Archaeology, British Archaeological Reports, International Series*, 1523, pp. 17-24.

³ W. Gheyle & R. Trommelmans, *Archeologie en teledetectie. Een onderzoek naar de bruikbaarheid van Corona-satellietbeelden voor het detecteren en in kaart brengen van archeologische structuren. Chuya-depressie (Alta?gebergte, Republiek Alta?)*, University of Ghent, Ghent, 2002, 257 pp. + ill.

⁴ W. Gheyle, R. Trommelmans, J. Bourgeois, R. Goossens, I. Bourgeois, A. De Wulf & T. Willems 2004. Evaluating CORONA: A case study in the Altai Republic (South Siberia). *Antiquity*, 78/300: 391-403.

Although the ultimate objective of the project will be the preservation of the frozen tombs, taking into account the enormous size of the region and the scale of the work involved, project activities will be carried out on a step-by-step, phase-by-phase basis. Therefore, the first phase of the project will carry

out the accurate mapping of two research areas in the Russian or Kazakh part of the Altay Mountains. The project 2005-2006 concerned only this First Phase, a two-year programme of work composed of two modules, consisting of two main field campaigns of data-gathering⁵.

Figure 1. Overview of the research areas from 2003 to 2008. In the northwest, one can see the Uch Enmek Natural Park with the Karakol River, research area for the years 2007 and 2008

The first period of fieldwork, in 2005, focussed on the valley of the Dzhazator, south of the Chuya Steppe (Altay Republic, Russian Federation). From July to August, an interdisciplinary team from Belgium and Russia registered 1,687 different archaeological structures, spread over 192 sites, in an area of 284 km². The whole upper valley of Dzhazator (from 2,304 m above sea level (asl), the highest site, to altitude 1,569 m asl, the lowest site) has been surveyed. Using the methodology that was developed during earlier projects, a detailed topographic map was made of the whole research area. In addition, part of the expedition was focussed on the use of geomorphological and geological techniques to determine the areas where frozen contexts can be expected. The team of geographers worked in the field during the first three weeks in order to define good GCP's for the Aster and Landsat satellite images and to make measurements of the

soil and subsoil temperature, through augerings and test pits.

The second campaign within the UNESCO project was executed from July to August 2006 in the Kazakh part of the Altay Mountains. The research areas during this campaign were the Kara-Kaba Valley, the higher part of the Bukhtarma Valley, and the Berel archaeological site, located lower in the Bukhtarma Valley. During the field survey in Kazakhstan, 1,194 different structures were located and described, spread over 94 archaeological sites. The structures belong to different periods, ranging from the Iron Age (with the Scythian monuments) to the ethnographical period.

In 2006, a new project started, funded by a Bilateral scientific cooperation between Flanders and the Russian Federation (Gorno Altaisk State University and Research Council, Ghent University): «A reflection of the world in the landscape. Aspects

⁵ For more information, see: Bourgeois, J., De Wulf, A., Goossens, R. & Gheyle, W. 2007, Saving the frozen Scythian tombs of the Altai Mountains (Central Asia). In: Cooney, G. (ed.) The Archaeology of World Heritage, *World Archaeology*, Vol. 39. No. 3: 458-474.

of ritual and funerary practices of the ancient people of the Sayan-Altay region».

The first field campaign within this project was executed in July 2006. After the fieldwork for the bilateral project, the team moved to Kazakhstan to complete the work planned in the UNESCO project. The goal of the fieldwork within the Bilateral Cooperation was to finish the inventory of the very rich Yustyd Valley (Kosh-Agach region), that was initiated during the expedition of 2004.

In 2004, 2,375 structures were recorded in Yustyd, only covering a part of the right bank of

the river. The campaign in 2006 enabled us to finish the work on the right bank, giving us an excellent overview of one of the most complex sites in the whole of the Altay Mountains. Another 1,764 structures were recorded, putting the total to 4,139 monuments, only on the right bank. From 2005 to 2007, a team from Novosibirsk (SB RAS, Dept. of Archaeology), led by Igor Slyusarenko, worked on the inventory of the left bank. They completed the work this summer, and we expect to put together the results in a couple of months.

2. The Karakol Valley and the Ethno-Natural Park «Uch Enmek»

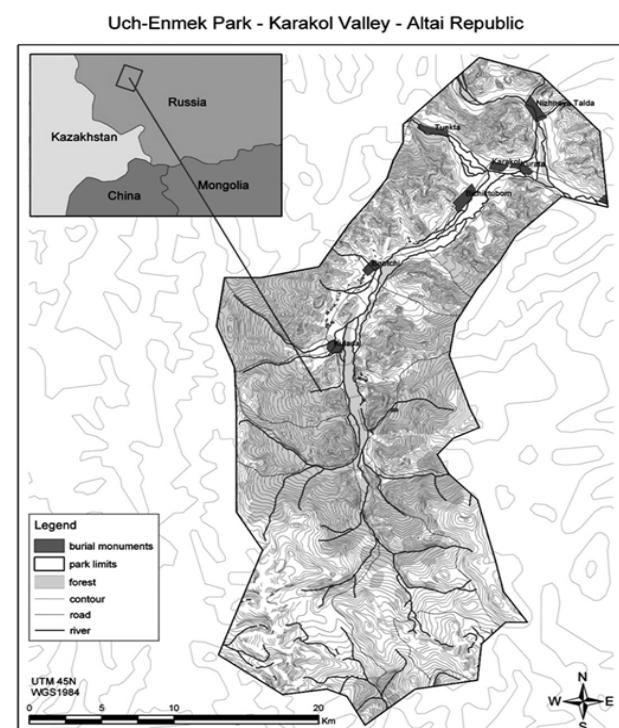
In agreement with local authorities and as suggested during the UNESCO expert meeting of Gorno-Altaisk in March 2006⁶, we decided to focus our next research on the Karakol Valley. Indeed, this valley is known as one of the most important valleys with Scythian heritage (the frozen kurgans of Bashadar are located in this valley) and is furthermore part of the ethno-natural park of Uch Enmek, which means that next to a scientific potentiality, there was also an aspect of heritage management for choosing this area. The next campaigns within the Bilateral project were thus organised in the Karakol Valley.

The Karakol Valley is part of the Ethno-Natural Park «Uch Enmek» (figures 1 and 2), and contains a few of the most famous Scythian burial sites in Altay. The famous Russian archaeologist S.I. Rudenko excavated in 1950 two big burial mounds on the site of Bashadar, and found perfectly preserved burials with magnificent finds, conserved in the permafrost. The park also covers the very rich site of Tukta, along the Ursyl River, where the same Rudenko excavated several kurgans again. Next to these big sites, there are thousands of smaller

monuments, spread over the total area of the park, that is about 40 km long and 15 km wide.

The park was founded by director Danil Ivanovich Mamyev in 2001, to protect the native lands and sacred archaeological sites and petroglyphs in Karakol and surroundings from damage by the increasing number of tourists. But there is also a very strong spiritual component. Following the park directors, the indigenous Altay people have considered the Karakol valley to be a sacred valley since time immemorial: «Uch» in the Altay language means «three», and Enmek» signifies the vulnerable, energetically important spot on the crown of a newborn child's head. The valley is dominated by the centrally located «Uch Enmek» mountain, that is believed to be the ‘navel of the Earth’, connecting our world with the world of the spirits and the cosmos in general. The nature itself, but also the archaeological heritage, is therefore considered to be sacred. Many of the burial mounds have been dug up long ago, and the staff of the park wants to avoid future destruction, by tourists or by unnecessary excavations.

Figure 2. The Ethno-Natural Park «Uch Enmek» with the Karakol River (streaming from South to North) and the Ursyl River (in the northeast side of the map). The archaeological sites (surveys 2007 and 2008) are indicated by red dots, the petroglyph sites by pink crosses

⁶ J. Bourgeois, W. Geyle, V. Babin, V. Lukyanenko (Eds.), Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы (Pogrebal'nye kompleksy s merzlotoy v gorach Altaya: strategii i perspektivy) / The Frozen Tombs of the Altay Mountains: Strategies and Perspectives. UNESCO Workshop. Compilation of the conference held in Gorno-Altaisk, Altai Republic, Russian Federation, 28-31 March 2006, UNESCO / Flanders Funds-in-Trust, Gorno-Altaisk, GASU, 2007, 336 pp.

Simultaneously with the archaeological expedition, a first periglacial survey was performed in and around the Dzhazator- and Tarkhata valleys (Kosh Agach Region). This expedition is part of a project funded by the «Institute for the Promotion

of Innovation through Science and Technology in Flanders (IWT-Vlaanderen)», while additional funding was provided by an UNESCO — Small Scale Activities grant which covered travel expenses and the acquisition of necessary technical equipment.

3. Satellite imagery and mapping

Corona satellite images are historic (American photographs made from 1960 to 1972) and can now freely be ordered using the Internet (<http://earthexplorer.usgs.gov>). For the Altay region, images from series KH-4, KH-4A en KH-4B are available. The main difference between these three series is the resolution of the images (KH-4: 25 ft; KH-4A: 9 ft; KH-4B 6 ft). Especially KH-4A and KH-4B are useful for mapping as well as for archaeological purposes.

We use the images as the basis for detailed topographic mapping of the research area, as adequate civil maps are not available. In order to make georeferenced maps, it is necessary to localise as precisely as possible a series of points in the landscape (Ground Control Points). For this, the use of Global Positioning Systems (GPS) is necessary. From the 2005 campaign on, we used a differential GPS receiver, the C-Nav (C&C Technologies), for the measuring of the GCP's. The device gives us accuracies in real time up to 10 cm. Bridges, farms, crossroads, clearly defined natural features and big archaeological monuments appeared to be most suited for measuring GCP's, as they were clearly visible on the satellite imagery (figures 3 and 4).

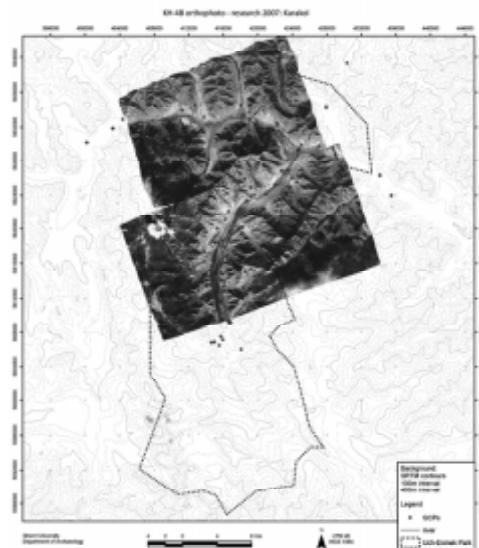
In theory, one only needs 6 GCP's to generate a Digital Elevation Model from a CORONA stereoscopic image. To guarantee the high quality processing of the satellite imagery, we always collect much more than that. The Karakol Valley is about 40 km long, and 3 stereo images were needed to cover the whole research area. The amount of necessary points was hereby tripled. In total, 88 points were measured with the C-Nav (figure 5).

4. Mapping the archaeological structures

The methodology of mapping the archaeological sites has been described thoroughly in recent papers⁷.

Figure 3 and 4. Measuring GCP's with the C&C Technologies C-NAV differential GPS receiver

Figure 5. Map of the area around Karakol with localisation of the GCP's and with georeferenced Corona images

In order to make plans of the archaeological sites, we used hand held Leica SR-20 GPS receivers.

⁷ GOOSSENS, R., DE WULF, A., BOURGEOIS, J., GHEYLE, W. & WILLEMS, T. 2006. Satellite Imagery and Archaeology: the Example of CORONA in the Altai Mountains. *Journal of Archaeological Science*, 33: 745-755.

EBEL, A.V. 2007. Исследование и инвентаризация археологических памятников с мерзлотой в долине Джа-затор 2005 г. Бельгийско-Российская экспедиция в Республике Алтай (Россия) (Issledovanie i inventarizatsiya archeologitsheskikh pamyatnikov s merzlotoy v doline Dzhazator 2005 g. Bel'giysko-Rossiyskaya ekspeditsiya v Respublike Altay (Rossiya), in: J. Bourgeois, W. Geyle, V. Babin, V. Lukyanenko (Eds.), *Pогребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы* (Pogrebal'nye kompleksy s merzlotoy v gorach Altaya: strategii i perspektivy). UNESCO Workshop. Compilation of the conference held in Gorno-Altaisk, Altai Republic, Russian Federation, 28-31 March 2006, UNESCO / Flanders Funds-in-Trust, Gorno-Altaisk, GASU, 2007: 20-28.

GOOSSENS, R., GHEYLE, W., BOURGEOIS, J., DEWULF, A., 2007. Использование спутниковой съемки в топографии и исследовании вечной мерзлоты в рамках проекта «Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая» (Ispol'zovanie sputnikovoy s'emyki v topografii I issledovanii vechnoi merzloty v ramkakh proekta «Pogrebal'nye kompleksy s merzlotoy v gorach Altaya»), in: Ibidem: 91-97.

DEWULF, A., GOOSSENS, R., GHEYLE, W., BOURGEOIS, J., 2007. Методология глобальной системы распознавания расположения объекта (ГСРРО), использованная при археологических исследованиях на Алтае (Metodologiya global'noy sistemy raspoznavaniya raspolozheniya obekta (GSRRO), ispol'zovannaya pri archeologitsheskikh issledovaniach na Altae), in: Ibidem: 262-266.

These receivers are small devices (comparable to a palmtop), very handy to be used in the field and with long-life battery power. They are also much cheaper than the C-Nav. Together with the 2 Leica receivers acquired by the GASU last year, 5 GPS receivers were brought on site (figures 8 and 9).

Figure 6. The installation of two SR-20 GPS receivers as reference stations in the camp

Figure 7. When necessary, due to longer distances, the installation of a supplementary C-Nav station in the field is required

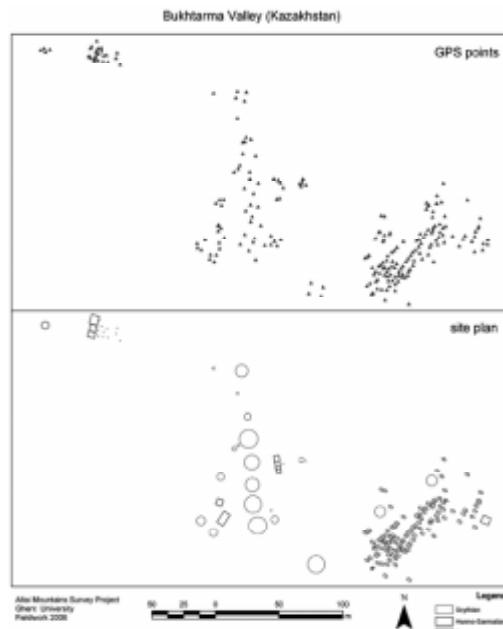
Figure 8. All activities in the field were developed in cooperation with researchers and students from the Gorno-Altaisk State University, in the frame of their field practice

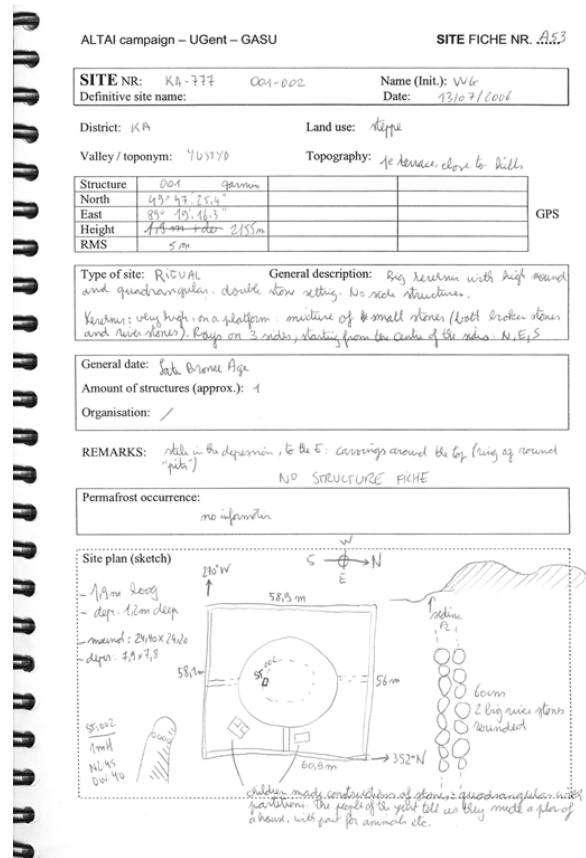
Figure 9. Using a hand held Leica SR-20 GPS on site allows precise location of archaeological structures, up to 10 or 20 cm.

In 2007 and 2008 we worked with two Leica SR-20 GPS receivers as reference stations in the camp, while in the field a supplementary reference station (C-Nav DGPS) compensated the loss of precision due to the distance between the reference station and our work place (figures 6 and 7).

Although the Leica devices are less precise when used in a stand alone configuration, the link with the fixed C-Nav and Leica reference stations in the base camp gave us a relative precision between 10 and 20 cm, after post processing in the base camp. When working far from the base camp, we moved the C-Nav reference antenna closer to the work area, to improve the accuracy. This system proved to be very effective.

Figure 10. An example of making accurate plans of the archaeological structures, as shown in Bukhtarma. A) Plot of all the points measured with the Leica SR20 within one site; B) Finished plan of the same site, with interpretation of all structures. It concerns a Scythian burial site with 5 big *kurgans* in line (green), some smaller *kurgans* in the surroundings. There are also several Turkic *ogradki* (red) with accompanying *balbals* or small stelae (red dots). To the east, there is a Hunno-Sarmatian burial site, with about 90 small graves (purple)

Figure 11. An example of description of an archaeological structure

Figure 12

Figure 13

site and localisation

site id - наименование	UA-001
region - район	Ошский
toponym - наименование	Каракол
town/village - город/деревня	
input - date	11/07/2006
input - user	Бондарев, И.
changes - изменившееся	
by - изменившееся	

type site - тип группы: **gravelly - неравнинные**

land use - тип землепользования: **gravelland**

topographical setting - расположение: **valley**

details - особенности размещения: **slightly sloping valley, situated to the south on the right bank of the Karakol River, Nihne Sosso**

Very complex site, composed of several lines of Steppe burghs surrounded by a large amount of Tukic burghs with a lot of small burghs to the north of them. Site is in the Nihne Sosso valley and has already been excavated for parts by Moshnikov, Bayatin and Kolegov.

Image - фотография: **C:\Users\imager\CD_25\UA-001\000_20060711_001.jpg**

site organization

site id - наименование	UA-001
discover - открытие	1997
discovered by - кто открыл	Ошский ГАУ
n burghs - бургов	4
n cities - города	0
n fortresses - крепостей	0
n stone circles - каменные кольца	15
n stone platform - каменные платформы	1
n barrows - могильники	0
n specific - органические	0
n other structures - прочие объекты	5

period - период: **Bronze Age - каменное и раннее железо**

culture - культура: **Steppe - кочевые языки**

subperiod - подпериод: **Unknown**

device: **Leica SR 20**

structure n 1: UA-001-001

E1-coordinate:

Height 1: 0

structure n 2: UA-001-002

M2-coordinate:

E2-coordinate: 0

Height 2: 0

UNIVERSITÄT GENT

site organization

site id - наименование	UA-001
discover - открытие	1997
discovered by - кто открыл	Ошский ГАУ
n burghs - бургов	4
n cities - города	0
n fortresses - крепостей	0
n stone circles - каменные кольца	15
n stone platform - каменные платформы	1
n barrows - могильники	0
n other structures - прочие объекты	5

total structures - общее количество: **16**

remarks on site: **sliding to the west of burgh 1 (UA-001-001)**

iteration - операции: **0**

organization - организационные группы: **linear**

dimension - планомер: **Unknown**

ground plan - план земельного участка:

UNIVERSITÄT GENT

individual structures

site id - наименование	UA-001
structure - наименование объекта	001
old name	
type - вид	round mound - курган
total height - общая высота	2170 cm
E1-E2 passave - проход с E1-E2	2890 cm
height - высота	180 cm
material - материал	stone
hierarchy - расположение	UA-001
link main - центральная связь	

For full image - see DVD number in file path: **C:\Users\imager\CD_25\UA-001\001_2006-07-11\10-43-45 Team A.tif**

General remarks - общий замечание: **Large stone round. Edges are completely redenuded. The center consists of big boulders stones. To the east, there is possibly an annex. Shallow central depression. Most southern monument of the line.**

structure - расположение объекта:

site id - наименование	UA-001
structure id - объект	001
period - период	Bronze Age - каменное и раннее железо
culture - культура	Steppe - кочевые языки
subperiod - подпериод	Unknown

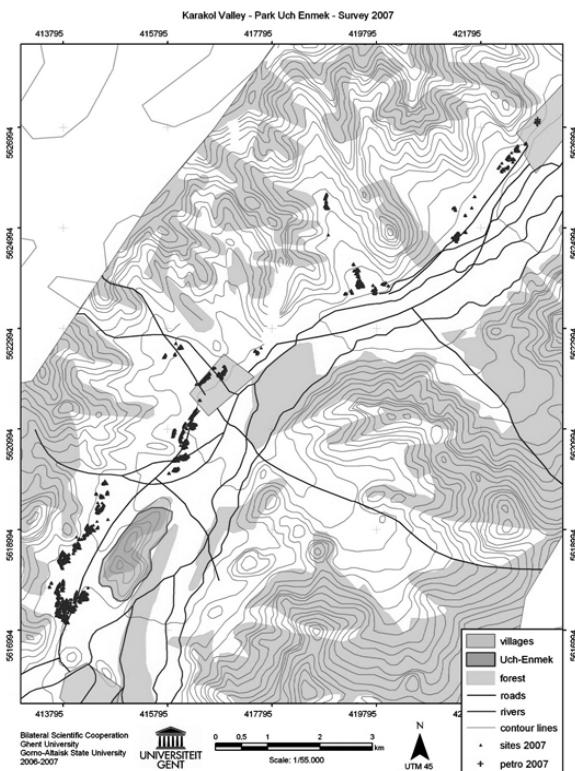
look up STRUCTURE images

look up SITE images

go to SITE

UNIVERSITÄT GENT

Figure 14. Examples of the Altari-database, recording all archaeological structures, at site level (A and B) and at individual level (C)

Figure 15. An overview of the archaeological sites in Karakol, recorded during the fieldwork in 2007-2008

As the Leica SR 20 is very quick and precise, we decided to localize not only every site, but also every individual structure within one site. This method proved to be very time effective and resulted in detailed plans of intra-site level. The point file with GPS measurements can easily be transformed into a site plan in AutoCAD (figure 10).

The survey consisted first of the localization of all archaeological sites and structures with GPS (see above). The structures were described (figure 11), described, measured and photographed (figures 12 & 13). A tentative date of each structure is given, based on morphology, literature and comparisons

with other sites and regions. A description of the geographical context and especially indications for permafrost occurrence (periglacial phenomena like pingos, solifluction etc.) are noted. All sites were added to the Altai database (Altay Archaeological Inventory)(figure 14), that will be linked to the resulting cartographic material in a GIS (Geographic Information System)(figure 15)

From the first days of fieldwork on, it was clear that the valley of Karakol was too rich to finish the job in one campaign. There were simply too much sites, and we were not able to record them all. The team decided to start the work at the village of Bichikti-Boom, and was able to complete the whole left bank till the village of Kulada, including the village of Boochi. This area, roughly 14 km long and 4 km wide, is located in the centre of the valley, surrounding the sacred mountains Uch Enmek, and can be considered as the most important area in the park. The altitude is ranging from 1,100 to 950 m asl.

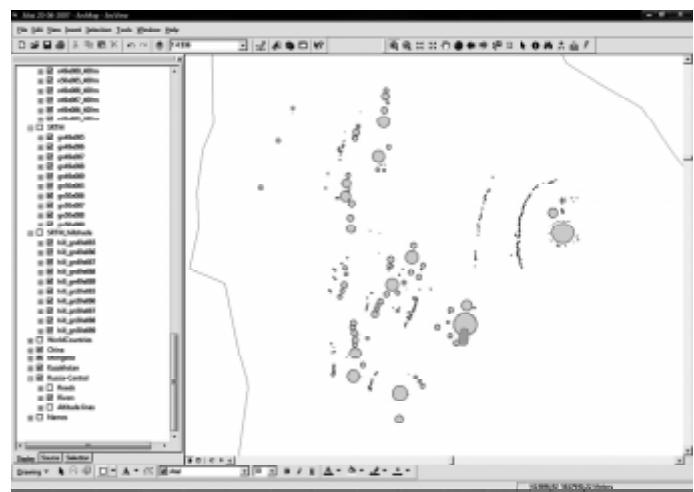
Considering the vegetation in the valley, we have to observe that the archaeological survey was partly hampered by the quite high grasses growing in the steppes, that were mostly used as hay fields. Therefore, we suggest that further surveys in that type of valleys would be focussed on the early spring rather than July-August. However, we don't think that major sites have been missed; this could unfortunately be the case for minor structures, as stone circles, platforms etc.

5. Overview of the archaeological results

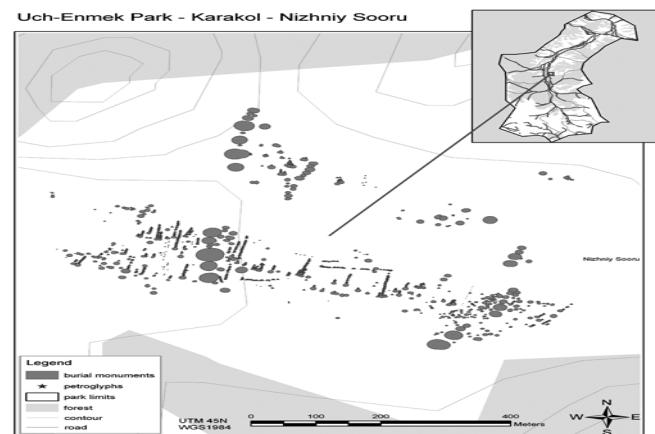
Over the two years of survey, more than 3,250 structures have been recorded. They are spread over some 100 different locations or «sites». Some sites, like Nizhniy Sooru and Sootyokh are much larger than others; the first one for example counts no less than 751 different structures.

During the 2007 campaign, we focussed on the archaeological structures of the left border of the Karakol valley, south of the village of Bichikti-Boom and up to Kulada. This included the recording of the famous site of Bashadar (figure 16), that has been partially excavated by S. Rudenko in the 1950ies. The survey 2008 focussed in the first period on the valleys with a huge amount of monuments up to the south, over the village of Kulada. Amongst others, the valleys of Nizhniy Sooru (figure 17) and of Sootyokh (figure 18) were surveyed. Other annex valleys in the higher part of the Karakol river were surveyed and yielded some monuments, but not in the same range as did the two above mentioned valleys. Then our survey concentrated on the right bank of Karakol, from Kulada up to Bichikti-Boom.

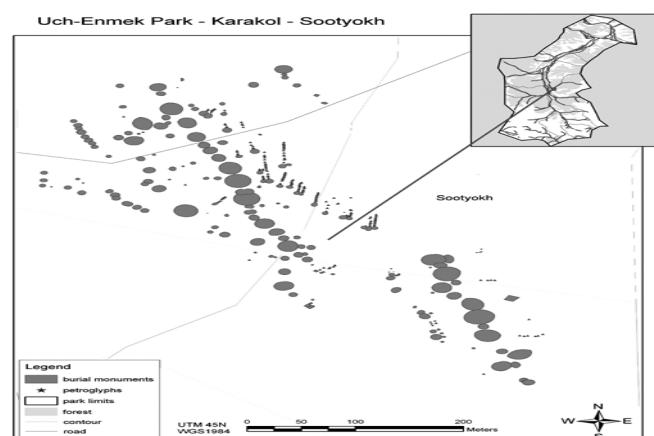
As a whole, it should be noticed that almost the whole valley of Karakol has been surveyed now. The only part left is the area north of the village of Bichikti-Boom up to the confluence of Karakol and Ursul as well as the famous Tukta site. We hope to finish this part of the Uch-Enmek park in the near future.

Figure 16. The extended Scythian site of Bashadar, near the village of Kulada and next to the ‘holy mountain’ Uch Enmek. The approximately north-south oriented lines of kurgans are flanked with small monuments (stone circles and platforms) to the west

Figure 17. Example of detailed plan of the complex site of Nizhniy Sooru, as recorded during the 2008 campaign

Figure 18. Example of detailed plan of the complex site of Sootyokh, as recorded during the 2008 campaign

The structures belong to different periods, ranging from the late Neolithic and the Bronze Age (Afanasiev culture) and the Iron Age (with the Scythian monuments) to the ethnographical period (18th-20th century CE). Different types of structures were recorded, from large burial mounds to small standing stones.

The oldest recorded structures date back to the **Late Neolithic** Afanasiev culture (end 4th – first half of 3rd mill). The sites are all burial places, consisting of a round or oval setting of large stones, with a central grave, mostly rectangular. We do not have much information on these graves. A first necropolis (of 5 graves and 2 steles) seems to form the origin of the Nizhniy Sooru site (figure 19). Two other cemeteries (sites ON-067: 6 graves, and ON-072, 7 graves) and a smaller one (2 graves), obviously show that the valley of Karakol was already attractive to early populations — at least to bury their dead there. It is worth noticing that during the previous campaign, on the left bank of the Karakol, almost no monuments of that period have been discovered, except at the entrance of the valley.

The absence of the very well known and very well presented Bronze Age *kerekurs* is peculiar. These big structures, consisting of a quite large and high central mound, enclosed by a circular or quadrangular bank, are numerous in the Kosh-Agach region (Russia) and in the Mongolian Altay. Large concentrations of big *kerekurs* dominate parts of the valleys and steppes in those regions. This absence here is meaningful. During the survey of 2005, in the Dzhazator Valley, we also noticed the low number of *kerekurs* in our inventory (only 2). The Dzhazator Valley and the research areas in Kazakhstan are closed valleys, with lots of trees, grasses and shrubs, not bordering a wide open space or entering an intermountainous plain like the Chuya Steppe. The Kosh-Agach region and the Mongolian valleys and steppes are very different: wide open valleys with no vegetation whatsoever, opening into and overlooking wide plains and steppes. It seems that these are the special places where the Bronze Age population chose to build the *kerekurs*.

We recorded almost 1,300 structures dating to the **Scythian Period** (9th -4th Century BCE), making it the a well represented category of monuments in the area. Among these, the Scythian graveyards with *kurgans* (burial mounds) are maybe the easiest monuments to discover and record (figure 20). We counted more than 450 kurgans in the area. Their north-south orientation, the possible presence of steles in the east and stone circles in the west is well known. The Scythian kurgans in the Altay Mountains have generally a diameter varying from 5 to 15 meter and are characterised by the presence of a central depression, due to the collapse of the burial chamber and/or robbing. In the Karakol valley, however, there are quite a lot of very large kurgans, going up to 58.8 m. These large burials have mostly been robbed or in some cases excavated. As for the valleys of Pazyryk, Shibe, but also Berel' (Kazakhstan) these large kurgans probably represent a top layer of the Scythian population.

Typically, these cemeteries are surrounded by balbals in the east and stone circles or small stone concentrations (stone platforms) in the west (figure 21). It was sometimes difficult to find these

Figure 19. One of the Afanasiev burials in Nizhniy Sooru. Afanasiev burial monuments are characterised by a circular setting of standing stones

Figure 20. One of the larger Scythian kurgans of site ON-065

Figure 21. An example of a clearly visible row of standing stones or *balbals* to the east of a Scythian kurgan (Sooru, Karakol valley), and a long row of ritual stone circles to the west of another kurgan (site ON-022, Bashadar)

smaller side structures due to long grasses and pastureland. But nevertheless, 238 balbals, 336 stone circles and 68 stone platforms were recorded.

The **Hunno-Sarmatian monuments** are less easy to recognise. They are well known in some regions in

Figure 22. View of the Turkic site

Figure 23. Detail

the Russian Altay Mountains, where archaeologists found extensive graveyards with hundreds of relatively small, oval shaped graves (2x1 m, 3x2 m etc.), consisting of a flat stone concentration. In Karakol, we discovered a small but very unclear Hunno-Sarmatian burial place, with some additional monuments from other periods. In total, 26 structures from this period were recorded during the fieldwork.

The **Turkish period** was not very well represented during the 2007 campaign. Only 81 monuments of this period were found. It was however obviously the main period during our 2008 survey. Not less than 241 kurgans and 1,022 balbals were recorded, as well as 38 enclosures. The general layout of these kurgans (with balbals extending to the north) is completely different from the Scythian period. Though there is still some doubt, we consider these kurgans as possibly Turkic. Clearly, the upper part of the Karakol valley, especially the two side valleys

of Nizni Saaru and Sootyokh were of main importance for Turkic populations occupying the Karakol valley. On the other hand, one should stress the presence of quite a lot of Turkic petroglyphs in the Bichikti Boom area, which, being located in the lower part of the Karakol valley, forms then a kind of pendant to Nizhniy Sooru and Sootyokh.

The structures from the **Ethnographic period** were almost absent in the area. We only found very recent burial places, from the modern villages. These were not recorded. Only one isolated monument was considered to be ethnographic.

Due to the high grasses and vegetation, and especially to the agricultural activity in the area, we recorded many structures that were very unclear: covered with grass, partly destroyed, covered with recent dirt and stones from the fields... They certainly were not natural, but it was not possible to define their function.

6. Aerial Survey of the Park Uch-Enmek

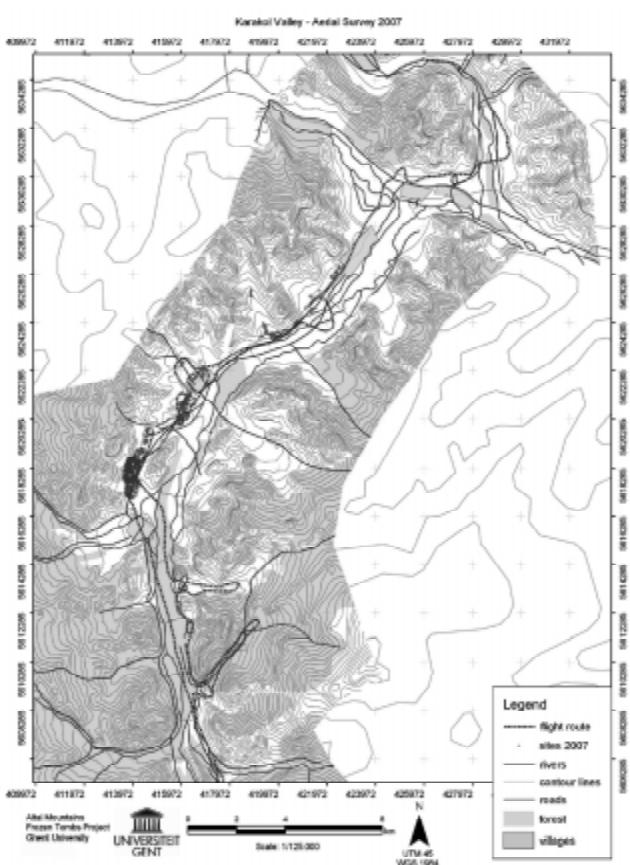
On July 28th, an aerial survey of the whole valley was done with a motorised delta plane. A plane with a pilot was hired for one day, and Jean Bourgeois acted as the photographer (figure 24 and figure 25). The purpose of this flight was double.

Figure 24: The delta plane used for aerial survey of the Karakol Valley

The first goal was to do an archaeological survey of the whole valley. For this purpose, the photographer used a digital Canon EOS D300 camera with 22-55 mm lens. In total, about 600 photos were shot over the whole area, covering most of the archaeological sites in the area.

The second plan was to make a digital elevation model of site ON-022, one of the biggest sites in the area, by taking stereoscopic images and using photogrammetrical techniques. The preferred flight height and focus length was calculated, and a Canon EOS D300 camera with fixed 25 mm lens was used to take the images, both in RAW and high quality JPEG. Before the flight, we installed on the site 40 quadrangular, white boards (50x50 cm) with a black point in the centre (see figure 26). These boards acted as clear ground control points, needed for the processing of the stereo images. Their position was measured with the C-Nav, with a precision of 12 cm.

Figure 25. Flight route (dots) of the aerial survey in the Uch Enmek Park

Figure 27. The village of Bootchi with a large Scythian burial site

Figure 26. Measuring ground control points for DEM of site ON-022

One day before the flight was planned, the weather shifted: clouds covered the whole valley, it was raining almost continuously, and the evening and nights were full of thunder and lightening. It didn't look very good, but on Saturday 28th, taking advantage of a short period without rain in the afternoon, we were able to fly. The weather was nevertheless very cloudy, and it was difficult to take clear pictures: most of the images are not very bright.

The plane had fuel for some two hours, so the flight route was carefully planned. It lifted off near the base camp, using the track, and flew to the South, over the village of Bootshi surveying that part of the

Figure 28. An example of the many aerial photos that were made during the survey. Here, two Scythian sites with kurgans in a north-south line

valley (see figure 27 and 28). Half an hour later, it descended near site ON-022, to check if all preparations for the photogrammetrical flight were ready. It then departed and surveyed the Southern

part of the valley, flying over the village of Kulada and surveying the higher part of Karakol, including the two tributary valleys of Higher and Lower Sooru. After 40 minutes, it descended again near site ON-022 to take fuel and change cameras. With the right camera on board, the plane took off and flew several times over the site, enabling the photographer to make several series of oblique, overlapping photos. Afterwards, it continued northwards, and surveyed the northern part of the valley, over the villages of Bitchikti-Boom and Karakol, and the famous archaeological site of Tuekta.

The flight was a success, and gives us very good additional documentation of the sites in the area. The data from the photogrammetrical coverage of site ON-022 is now being processed at the geographical department.

7. Permafrost research in Karakol

During the 2007 expedition, Sergei Marchenko (Alaska Fairbanks University and member of the International Permafrost Association) collected the temperature data loggers he installed last year in the valley of Ulandryk (Kosh-Agach region, Altay Republic) and was able to download all the data successfully. The data is now ready for analysis.

He also studied the permafrost evolution in the Karakol Valley. This was done at two levels: permafrost presence was studied in and around

Scythian kurgans, and the general location of permafrost areas in the landscape was analysed. He installed data loggers in the surroundings of the Bashadar burial site, where Rudenko discovered frozen tombs in 1950, on several well defined places and at different depths (see figure 29). After one year of logging the temperature, these measurements will give insights into the evolution of temperatures, and, very important, in the maximum depth of thawing during the short summertime in and around the huge kurgans of Bashadar (ca. 40-50 m diameter). Armed with this information, it will be possible to determine how the climate affects the frozen tombs, how stable the permafrost actually is, and how fast climatic change can make the frozen conditions to disappear.

Figure 29. Sergei Marchenko at work, implanting data loggers (see detail) at several depths in the surroundings of Scythian burial mounds to monitor the temperature during a full year

Conclusion

The expedition 2007 and 2008 can be considered as a successful one, in all aspects. We gathered a lot of information, and we expect to produce shortly the necessary topographical and geomorphological maps to add the archaeological information to. The practical organisation went fine, and the cooperation with the Uch Enmek park is certainly to be continued.

Acknowledgements

The project was realised thanks to the cooperation and collaboration of many persons. We first would like to give thanks to the people involved in the field campaign: Eduard Dvornikov and his team, Danil Mamyev and the staff of the park, our volunteers St?phanie Loute, Kaatje De Langhe, Leon van Hoof and Ruben Cappelle, and the Russian students Maksim Pyankov, Vetcheslav Raseomakhin and Aleksey Lapin that assisted in the fieldwork and in the organisation of the camp.

We also want to thank the Research Council of Ghent University for supporting this project, and to the Research Foundation Flanders (FWO) for making the participation of Wouter Gheyle in the fieldwork possible.

Finally, we much appreciated the major support of the Rector, Vice Rector and Director of

Considering the two field campaigns and the idea to cover the area of the Uch Enmek park completely, it is obvious that there is still an important part to be surveyed. At least one other campaign will be necessary to cover the area north of Bichikti Boom.

International Cooperation at the Gorno-Altaysk State University, and the efforts of the Russian embassy in Brussels and The Hague and the Belgian embassy in Moscow to help us where needed.

Left: Expedition 2007, from left to right: Aleksey Lapin, Eduard Dvornikov, Aleksey Sherepanov, Leon Van Hoof, Kaatje De Langhe, Ruben Cappelle, Maxim Pyankov, Jean Bourgeois, Vetcheslav Raseomakhin, St?phanie Loute and Wouter Gheyle

Right: Expedition 2008, from left to right: standing, Jean Bourgeois, Eduard Dvornikov, Vyacheslav Panov, Leon Van Hoof, Maxim Pyankov, Aleksey Sherepanov, sitting, Wouter Gheyle, Kaatje De Langhe, Doren te Kiefte and Anne Malmendier

УДК 902

В.Я. Бутанаев

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ХАКАССКОГО НАРОДА С. Д. МОЙНОГАШЕВ (1886—1920 гг.)

В статье, на основе опубликованных материалов кратко освещена жизнь и научная деятельность ученого и общественного деятеля хакасского народа С. Д. Мойногашева.

Степная дума, одноклассная школа, духовная семинария, университет, национальное движение, революция, гражданская война, автономная область.

В истории нашей Республики есть немало лиц, значение которых для ее прошлого и настоящего поистине непреходящее. К числу таковых в полной мере может быть отнесен и С. Д. Мойнагашев (по-хакасски «Мойнахтар»). Родился Степан Дмитриевич в 1886 году в аале «Иресов», на территории Сагайской степной думы. Фамилия Мойнагашевых, как это теперь никем не оспаривается, относится к роду «томнар» и происходит, согласно преданиям, от кыргызской девушки, бежавшей из плена с верховьев р. Томи.

В восемь лет С. Д. Мойнагашев поступил учиться в Таштыпскую одноклассную школу. Затем он приобретал знания в Красноярской духовной семинарии. Осеню 1910 года С. Д. Мойнагашев поехал в Томск, чтобы поступить в университет. Однако «штатным» студентом ему стать не довелось, а всего лишь — «вольнослушателем». Пробы в этом качестве год, он поступает в 1911 году в Московский народный городской университет Шанявского, на отделение общественно-юридического цикла. Одновременно с учебой в этом университете, С. Мойнагашев проходит этнолингвистическую подготовку под руководством известных востоковедов — Л. Я. Штернберга и А. Н. Самойловича. [1, с. 12-15]. В процессе учебы в университете, он, по заданию Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях, совершает ряд поездок по Хакасии. Итогом их стало написание и издание С. Д. Мойнагашевым нескольких этнографических работ, научная ценность которых непреходяща и по сей день.

Революционно-демократические преобразования 1916-1917 гг., наложившие свой отпечаток на дальнейшую судьбу Российского государства, оказались, не менее круто, и на судьбе первого хакасского этнографа: они ввергли его в пучину активной политической деятельности. После победы Февральской революции 1917 года, в Хакасии, как известно, развернулось, достаточно активно, национальное движение. Во главе его встал видный, к тому времени, общественно-политический деятель и ученый С. Д. Мойнагашев. Вместе с немногочисленным отрядом национальной интеллигенции, он, окрыленной демократическими идеями, захватившими умы молодежи тех лет, активно включился в борьбу за возрождение хакасской государственности.

Одним из проявлений данного процесса в Хакасии, одной из форм национального движения в ней стало проведение съездов, организатором

которых, естественно, стал С. Д. Мойнагашев. Первый из них («чыын» хакасского народа) состоялся 6-7 апреля 1917 г. в селе Аскиз. Участие в его работе приняло 50 делегатов, среди которых были известные лидеры хакасского народа П. С. Доможаков, Сатик Окунев, Спирины, Амзараков, Г. И. Киштымов и др. В качестве основного вопроса, съезд поставил и обсудил вопрос о местном самоуправлении «инородцев». Однако добиться каких-либо результатов ему не удалось. В силу этого, вопрос о местном самоуправлении был поднят и на втором съезде хакасского народа, состоявшемся в августе 1917 года. Но его обсуждение пошло несколько в ином русле: тогда впервые прозвучала идея создания (в составе России — В. Б.) автономного национального государственного образования хакасов, алтайцев и тувинцев. В плане реализации этой идеи, было принято решение создать в Сибири «Хакасскую национальную губернию» из четырех уездов. Один из них предназначался и вобрал бы в свой состав «минусинских и ачинских татар», второй — «кузнецких татар», третий — «алтайских инородцев» и четвертый — «уряньхайцев» (так до революции называли нынешних тувинцев — В. Б.). Центр такого национального административного объединения предполагалось учредить в Усть-Абакане. Избранному на съезде национальному комитету было поручено установить связи с алтайцами и уряньхайцами для переговоров о создании «общей национальной республики». Учрежденная вторым съездом общественная организация, призванная осуществить всю подготовительную работу по объединению тюрков Южной Сибири в единую республику, получила, естественно, хакасское название «Пириккен бильги» («піріккен пільгі» — букв. «Объединенная печать»). Автором этой идеи был никто иной как С. Д. Майнагашев, последователь известного сибирского историка Н. Н. Козьмина, научно обосновавшего преемственную связь современного коренного населения Минусинской котловины с енисейскими кыргызами [2, с. 186].

Данный съезд принял решение и изменить название коренных жителей Минусинской котловины: именовать их отныне не «минусинскими татарами», а «хакасами». Как известно, хакасское население до сих пор носит этоним «тадар». Предложенное съездом «новшество», естественно, было встречено в штыки. Потому-то в даже в отчете исполкома Хакасского окружного совета за 1928 год можно прочесть: «Название

хакас у населения не принято, все они себя называют «татарами», а с понятием «Хакассия» [оны] связывают... только с окружным центром — Усть-Абаканом [получивший в эти годы название «Хакасск» — В. Б.]. И, надо сказать, что этот искусственно «взращенный Советской властью этноним» так и не стал самоназванием нашего народа, несмотря на значительное на него влияния литературного языка, национальной газеты, радио, на «пресс паспортного режима» и т.д. Словом, вышеуказанный этноним был принят только русскоязычной частью населения Хакасии, обозначавшей с его помощьюaborигенов края.

Признавая факт, что они не «татары», хакасская интеллигенция, в лице С. Д. Мойнагашева, обратилась «к тому далекому времени, когда по китайским источникам туземцы края были объединены в государстве «Хакасов». Возродить былое славное имя предков, даже в иноязычной форме, было необходимо, ибо слово «тадар» в корне не соответствовало исторической действительности и напоминало пренебрежительное название «татарин», «инородец», которыми окрестили их представители царского правительства.

Средневековые письменные источники, как правило, называли население долины Среднего Енисея «кыргызами». Хакасский исторический фольклор также свидетельствует, что в древние времена здесь жил народ «хыргыс». В китайских летописях династии Тан (VII—X вв.) звучание этнонима «хыргыс» передавалось формой «хягасы». Он и был официально принят на втором съезде хакасской интеллигенции в качестве современного этнонима — «хакасов».

В период Временного Сибирского правительства Колчака, т.е. в течение 1918-1919 гг. было проведено еще несколько съездов хакасской интеллигенции, главным вопросом которых, по-прежнему, оставался выход Хакасии из состава Енисейской губернии и создание федеративной республики тюрков Южной Сибири [3].

Участники четвертого съезда, состоявшегося в с. Аскиз в марте 1918 г., объявили минусинских, ачинских и частично кузнецких «инородцев» «самоуправляемым народом», которые вправе избрать свои законодательные (Степные Думы) и исполнительные (Степные Управы) органы. Съезд утвердил также Конституцию «хакасов» и Положение о суде «хакасов». В апреле 1918 г. Минусинский Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов утвердил «Положение о хакасском степном самоуправлении» (согласно которому коренные жители Минусинского и Ачинского уездов объединялись в Хакасское степное общество — В. Б.) и «Положение о суде хакасов». [4, с. 160]. Однако начавшееся национально-государственное строительство в регионе было прервано вспыхнувшей гражданской войной. В июне 1918 г. в Минусинском уезде была установлена власть Сибирского временного правительства, в силу этого, «Положение о Хакасском степном самоуправлении» не было претворено в жизнь. Новыми российскими властями совсем не предусматривалось образование в Сибири уездных земств, тем более, по национальному признаку.

7-8 июля 1918 г. в д. Сенявине состоялся 6-й съезд хакасской интеллигенции, который решил восстановить Степную думу и избрал ее исполнительный орган — Хакасскую Степную управу. Образование последней, по мнению А. Н. Гладышевского, можно с полным основанием считать как «рождение» самостоятельного уездного земства. Однако она не получила необходимую санкцию от Минусинского Уездного Земского собрания. Председателем управы был избран С. Д. Мойнагашев, его заместителем — И. В. Барашков и секретарем управы — Ф. И. Окунев. Ее членами стали Е. П. Саражаков (имевший высшее юридическое образование и ставший начальником колчаковской милиции), П. И. Нарылков, Н. П. Картин, Н. Н. Орешков [5]

В июне 1918 г. власть в Минусинске захватили белогвардейцы. Это привело к тому, что на состоявшемся после этого уездном съезде было провозглашено о ликвидации органов Советской власти и восстановлении буржуазных организаций и учреждений. Главными очагами концентрации антисоветских сил в крае стали казачьи станицы: Таштып, Соленоозерная, Карагуз и Монок. 30 сентября 1918 г. в Аскизе собрался 8 съезд хакасского народа, где был поднят вопрос о мобилизации населения в белогвардейскую армию. Вел заседание съезда И. В. Барашков. С. Д. Мойнагашев сразу же выступил против набора хакасов в армию и отправил, в связи с этим, в адрес Енисейского Комиссариата свой протест, в котором подчеркивал, что «согласно статьи 47 положения о воинской повинности от 1912 г., инородцы Сибири не подлежат призыву на воинскую службу». [1, с. 38-40.] Однако вопреки решению съезда и поступившим в его адрес протестам, 10 мая 1919 г. по распоряжению управляющего Минусинским уездом хакасская молодежь была привлечена в боевые дружины, которые должны были выступить на борьбу с Советской властью. Призыву в них подлежали все мужчины, в возрасте от 18 до 45 лет. Хакасские волости организовали несколько боевых дружин по 100 человек каждая [6]. Все они были приписаны к колчаковским отрядам. Во главе их (в должности офицеров) были поставлены сыновья крупных баев — Н. Добранов, С. Барашков, В. Мойнагашев и др. Хакасские кавалеристы — дружины обязаны были иметь только своих, полностью экипированных коней, вооружение же дружинников являлось прерогативой белогвардейской армии [7, с. 49].

Однако вспыхнувшая гражданская война не приостановила деятельность С.Д. Мойнагашева по возрождению хакасской государственности. Причем она, как ни странно, была поддержана колчаковским правительством, которое даже дало, в связи с идеей создания в Сибири «Сибирского государства», значительные политические права ее коренным народам. Как свидетельствовали наши информаторы (в частности, Я. П. Тодыков), С. Д. Мойнагашеву даже был предложен пост главы Хакасской республики.

Когда же в Минусинском уезде было покончено с колчаковщиной (Советская власть в крае

вновь установилась в 1919 г. — В.Б.), практика проведения съездов хакасского народа была продолжена, правда, в несколько иной форме. Отныне (в 1920 — 1923 гг. — В.Б.) они стали проходить в форме инородческих беспартийных конференций. На них, как и прежде, снова был реанимирован вопрос о создании республики «Ойрот», т.е. федерации алтайского, шорского и хакасского народов и «инородцев» Урзыхайского края (Танну-Тувинской республики В. Б.). Однако эта идея не была поддержана Советской властью, поскольку ее реализация обусловливала опасность отторжения народов юга Сибири от Советской России. Против создания республики было выдвинуто немало разных доводов. В частности, один из них декларировал, что алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы никогда не составляли и ныне не составляют единой народности, мол, каждый из этих народов имел и имеет свой язык, свои исторически сложившиеся бытовые, культурные, экономические особенности, что никем из названных «инородцев» не отрицалось. Но в то же время ими признавалось и немало общего между ними. В качестве «существенного фактора» власти и их «пособники» часто называли сложность сообщения между народами, обусловленная географическим фактором (почти непроходимые горы — Саянский хребет и Кузнецкий Алатау — В. Б.), а также нарушение исторически сложившихся экономических и культурных связей между указанными выше народами с соседними промышленными и земледельческими районами, что, мол, может серьезно затормозить их дальнейшее развитие [8, с. 29].

В этой непростой для Советской власти ситуации, последняя предпринимает в марте 1920 г. (сразу же после победы над Колчаком — В. Б.) срочные меры по «ограничению» авторитета и политической деятельности С. Д. Мойнагашева. Поводом к этому стало «активное сотрудничество его братьев с колчаковским режимом». Руководствуясь «указаниями свыше», силы уездной милиции заблокировали «аал Иресов» — родовое гнездо Мойнагашевых. 13 марта 1920 г., после успешно проведенной ею операции, братья Мойнагашевы были арестованы и отправлены под конвоем в Минусинск. [9, с. 172-173]. Спустя неделю (21 марта 1920 г.), Минусинская уездная ЧК, рассмотрев дело арестованного С. Д. Мойнагашева, обвиняемого как добровольного дружинника, участковавшего в боях с партизанской армией и уничтожении некоторых советских деятелей, по-

становила заключить его до суда в Минусинскую тюрьму [9, с. 176-177].

Согласно докладу юридического отдела на заседании Минусинского ЧК Степан и его братья: Василий, Терентий, Егор, Даниил, Лев и Николай Мойнагашевы обвинялись в службе в карательном отряде, организованном Степаном Дмитриевичем, а также в истязаниях и расстрелах русского населения. В связи с этим, чрезвычайная комиссия постановила: Степана Мойнагашева, как создателя и командира «карательного отряда», расстрелять; остальных Мойнагашевых подвергнуть заключению в концентрационный лагерь сроком на 15 лет. Но с таким приговором не согласились члены избранного С. Мойнагашевым хакасского правительства. Они даже подготовили его побег и держали на всякий случай лошадей на Тагарском острове. Однако С.Д. Мойнагашев отказался от побега, считая себя невиновным [10].

Однако люди, судившие его, считали совсем иначе. 29 апреля 1920 г. Минусинская уездная ЧК сообщила в Бюллетене Минусинского уездного ревкома и уездного комитета РКП(б) о приведении в исполнение вынесенного ею приговора в отношении Степана Мойнагашева [1, с. 41]. Так оборвалась жизнь Степана Дмитриевича Мойнагашева — хакасского ученого, общественного деятеля, одного из лидеров национального движения. Его жене (в девичестве С. М. Порываева (1892-1959 гг.), русская — В. Б.) разрешили попрощаться с покойным супругом. Будучи рядом с ним, Серафима Михайловна срезала, незаметно для сопровождавших ее лиц, несколько локонов с головы мужа и в течение всей своей жизни хранила их в жестянной коробочке от конфет. В трудные минуты она, по ее словам, открывала коробочку и, со слезами на глазах, вдыхала запах волос любимого ею Степана Дмитриевича. После смерти С. Д. Мойнагашева осталось много рукописных материалов, которые родственники долгое время хранили сундуке, спрятанном в одной из пещер горы Чити-хыс, у аала Иресов. К глубокому сожалению, они не дошли до нас: время и грызуны уничтожили их.

Но и то, что дошло до нас, его потомков, дает полное право утверждать, что благодаря политической деятельности С. Д. Мойнагашева из состава Минусинского и Ачинского уездов был выделен в свое время особый Хакасский уезд, который и стал в последующем фундаментом нынешней Республики Хакасия.

Библиографический список

1. Гладышевский А. Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886-1920. Очерк жизни и деятельности. Абакан, 1999.
2. Козьмин Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.
3. «Советская Хакасия». 1991 г. 28 марта.
4. Ефремова Н. И. Из истории советского строительства в Хакасии (1925—1930 гг.). // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XVII. Серия ист. Абакан, 1972.
5. «Минусинский край». 1919 г. 11 июня (29 мая). №15
6. «Минусинский край». 1919 г. 10 мая. №8.
7. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917-1961 гг. — Абакан, 1963.
8. Артеменко А. Л. Осуществление национальной политики в Хакасии в 1921 — 1925 гг. // Вопросы социально-экономического развития Хакасии (история, экономика, культура, наука). Абакан, 1968.
9. Шекшев А. П. Гражданская смута на Енисее: победенные и победители. — Абакан, 2006.
10. Воспоминания Я. П. Тодикова.

V. Butanaev

THE INVESTIGATOR OF HISTORY THE KHAKASSIEN PEOPLE S.D. MOINOGASHEV. In article, the paper on the basis shortly throw light the life and scientific activity the khakassien people S.D. Moinogashev.

Steppe duma, elementary school, spiritual seminary, university, native motion, revolution, civil war, autonomous region.

УДК 902

Оръяс М. Ганболд

ТРАДИЦИИ ОБРЯДОВ ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ У ОЙРАТОВ-МОНГОЛОВ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКИХ УРЯНХАЙЦЕВ И ЗАХЧИНОВ)*

Статья посвящена изучению традиций поклонения природе ойратов-монголов (на примере алтайских урянхайцев и захчинов, т.е. населения Саяно-Алтая и Западной Монголии).

Саяно-Алтай, Западная Монголия, верования, обряды, традиции, почитание Неба, Солнца, Луны.

В нашей отечественной исторической науке до сих пор имеется немало вопросов, требующих своего оперативного и притом, объективного изучения. Одним из них, по нашему мнению, был и остается вопрос изучения народных традиций, касающихся охраны природы, в частности, у ойратов-монголов. Эта проблема, по мнению многих исследователей, нова и должна занять в исторической науке нынешней Монголии, в связи с широким изучением культуры и этнографии ойратских монголов, достойное место. В этой связи, выявление традиционных обычаяев, связанных с охраной природы у микрорегионов, таких как, алтайские урянхайцы и захчины, и обобщение результатов их изучения, является собой, по нашему мнению, весьма актуальную проблему. Именно содействию ее решению и посвящена настоящая статья.

Итак, начнем рассмотрение интересующей нас проблемы с освещения народных обычаяев верований в Небо и Звезды.

В обычаях и верованиях многих народов этим вышеуказанным «объектам» во все времена уделялось немало внимания. Не были исключением из правил и жители Монголии, и в частности, ойраты-монголы. То, что они поклонялись Небу и имеющимся на нем светилам свидетельствует и то обстоятельство, что у них до настоящего времени просматриваются (причем, достаточно здраво) следы древних верований и обрядов, связанных с верованием в Небо как небесное божество. К примеру, они по сей день, в летнее и осенне время, когда громыхает гром и сверкает молния неизменно, можно сказать, в обязательном порядке совершают специальный обряд. Так, у алтайских урянхайцев до сих пор существует обычай выходить вместе с близкими из юрты (после грома и сверкания молнии) и говорить, обращаясь к Небу следующие слова:

Оорцогийн угтаяа
Урианхай хүмүн би
Харжигнасан дуугаараа
Хар азаргын минь дээр буух нуу чи
Хамаг биед минь буун уу чи
Хүржигнэсэн дуугаараа
Хүрэн азаргын минь дээр буун уу чи
Хүдэр биед минь буун уу чи [1, с. 4].

Наряду с этими, традиционными спасительными просьбами к Небу защитить и обезопасить их от «своего высокого гнева» и обещаниями постоянно молиться Ему и неуклонно выполнять обряды по умилостивлению Неба, ойраты выполняли и те, которые полагались в случае гибели человека от молнии. Так, представители урянхайского рода Чонод, приближаясь, к примеру, к телу человека, убитого молнией, кричали, выражая погившему сочувствие:

Үндур гэвэл намайг ниргэ
Ургун гэвэл далайг ниргэ
Дэлүү идсэн бол дэлбэ ниргэ
Сархинаг идсэн бол салба ниргэ [2, с. 13-14].

Если же в ходе грозы гибли от удара молнии домашние животные, то захчины воспринимали это, как «высокую милость Неба», которое помиловало людей и взяло себе вместо них животных. В этом случае спасшиеся совершали благодарственную молитву Небу. Такого рода обряды совершились только «людьми высшего рода», т.е. представителями «из Неба» или выходцами, принадлежавшими к «ханской белой кости». Кроме вышеуказанных, существовали и продолжают существовать обряды, будто бы успокаивающие Небо и обряды, олицетворяющие «поклонение людей Ему». В их числе есть весьма любопытные обряды, берущие начало из идеи о том, что «покорение Неба выступает в пользу своей жизни», а потому и выражается в «равноправном обращении к нему с просьбой о взаимной помощи». Если обобщенно рассмотреть эти обрядовые традиции,

* Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и МинОКН Монголии (Проект 08-01-920600г/G, «Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая»).

связанные у ойратов-монголов, с верованиями в Небо, то можно увидеть, что они содержат в себе следующие моменты: а) успокаивание Неба и б) познание Неба (наряду с верованием и стремлением быть взаимопонимаемым и взаимозависимым с Небом). Все это связано с убеждением и мировоззрением кочевников, живших и разводивших во все времена скот, благополучие которого всегда зависело от природно-климатических факторов.

Как уже было отмечено выше, были у ойратов и верования, связанные со «Звездами, Солнцем и Луной. Одним из самых распространенных из них, был обычай отмечать какой нибудь праздник или начинать дело во время восхода Солнца. Утром (1-го числа Цагансара), с восходом Солнца, люди начинали обряд с молитвы к Обону, проводы снохи в свадебном обряде, и обряды, связанные со скотоводством. Когда всходило Солнце, ойраты неизменно жертвовали Ему лучшую часть чая или молока. Вечером, когда Солнце заходило, и вот-вот должна была появиться Луна, люди совершили окутивание. Когда же имело место затмение Солнца или Луны ойраты неизменно говорили и говорят: «Солнце, Луна захватывается». При этом у них было распространено представление о том, что Солнце и Луна захватываются каким-то необыкновенным, чудовищным животным и «замучивается». Для того, чтобы спасти Солнце и Луну, люди совершили обряды: заставляли собаку с четырьмя глазами или маленького щенка лаять на Солнце и Луну, а также гремели металлической посудой, стреляли из ружья, заставляли плакать трехлетнего ребенка и т. д.

Широко был распространен у ойратов-монголов и обычай «Зажигания лампады» («Зул барих»). Он совершался, как правило, вечером (25 дня первого месяца зимы). После того, как скот согнан с пастищ, то по количеству членов семьи, вида скота и количеству собак — готовились и зажигались лампады. К примеру, семья состояла из 5 человек, имела скота 4-х видов (овцы, лошади, верблюды, коровы) и две собаки, то она готовила и зажигала 11 лампад. В качестве фитиля для них ойраты выбирали «дерисуны», не касавшиеся рта скота. Одну лампаду ставили, как правило, перед святынями в юрте.

Обычай зажигания лампады у разных этнических групп имел, между тем, одну цель, но в отношении их форм и обрядовых действий имелись, пусть незначительные, но различия. Например, у алтайских урянхайцев, лампады зажигались тогда, когда все звезды на небе были видны. Лампады ставились, как правило, в юго — западной части юрты, вокруг них и над ними ставились ледяные колпаки.

Свообразен был этот обряд у захчинов, которые называли его «лампаду сжигаем». Делали лампады обычно из ячменной муки и по количеству членов семьи (людей, скота, собак). В качестве фитиля использовали специально заготовленный ковыль, в лампаду заливали масло. Количество лампад соответствовало, как указывалось уже выше, численному составу семьи, видам скота и количеству собак. По количеству членов семьи делают фитили и зажигают их. Для получе-

ния «купола» лампады, воду наливали в специальную посуду и оставляли для замерзания. Так захчины получали «покрывало» для лампад.

Когда в небе появлялись все звезды, захчины ставили лампаду на «Обон» — святилище в юрте, после чего все находившиеся в юрте люди садились и пили чай. Когда сгорали лампады, их заносили в юрту и ставят перед святыней. Глубокой ночью они играли в национальную игру — «пеструю лягушку». Утром следующего дня люди ели «сожженную лампаду», делясь ею (ими) между собой. Следует отметить, что ячменная мука, спекшись в огне лампады, всегда имела хороший вкус. В конце осени-начале зимы скотоводы готовили себе запасы на зиму. Для этого, они забивали скот и, по словам стариков, «смягчали» тем самым вышеописанный обычай.

Наряду с Небом, почитали захчины и Звезды. Из них они, как и все кочевники, предпочитали Большую Медведицу («Долоон Бурхан»), Кассиопею («Хун 5 лд»), Орион («Урийн цолмон») и др. С давних пор существует поверье, что если ты почитаешь «Долоон Бурхан» (Большую Медведицу), то у тебя будет накопляться счастье и благополучие. В народе говорят, будто небесных семь богов спасают людей от разных угроз и бед. Особенно это относится к детям. Среди ойратов даже бытовала (и по сей день бытует) протяжная песня «Небесные семь богов» («Огторгуйн долоон бурхан»). Вечером, когда стемнеет, алтайские урянхайцы приоткрывают войлочную крышу юрты (с восточной стороны) и, увидев Большую Медведицу, совершают вскружение. Если ойрат уезжал на охоту, то он тоже старался задобрить Большую Медведицу. Так, выезжая на охоту, промысловик спешился недалеко от своей юрты и зажигал огонь. При этом он совершал молитву, говоря:

Алтан дэлхий минь ан хайрла
Буурал амтай бурхи хайрла
Саарал амтай тарчаасаа
Эр хүний ганзага дүүртэхайрла.

Во время совершения этого обряда, охотник в обязательном порядке сидел на коленях и три раза совершал вышеуказанное заклинание [3, с. 331]. Кроме положенной молитвы, алтайские урянхайцы традиционно посвящали «сэтэр» — подарок, как правило, барана в честь Большой Медведицы.

Завершая разговор об обрядах почитания Солнца и Луны у ойратов, следует отметить, что они были характерны для всех кочевников Монголии и преследовали две основных задачи: а) обезопасить, защитить их от внешних воздействий и б) заручиться их поддержкой в жизни и в быту. Ярким тому примером служил своеобразный обряд «зажигания лампадки», совершаемый захчинами в первый месяц зимы. Из звезд же ойраты-монголы, как было уже сказано выше, особенно почитали Большую Медведицу. В том случае, если дела шли у хозяина не так успешно, как это ему хотелось, то он совершал вышеописанный древний обряд — «зажигания лампад», — надеясь, тем самым, исправить неудачно складывающуюся для него хозяйственную ситуацию. Совершал он для этого и специальные жертвоприношения.

Широко были распространены у ойратов и традиции почитания земли и ее охраны. Одним из них являлся обряд жертвоприношения «Обонам». Согласно мировоззренческим повериям ойратов-монголов, мироздание являло собой большой «Обон» (состоявший из 13 алтайских вечненежных вершин) в четыре стороны от которого, разветвляясь, шли три маленьких «обона» (в итоге получалось 12 маленьких обонов — 4×3). Им кочевники и приносили жертвоприношения. Такие «обоны» назывались «почитаемыми». Жертвоприношения им совершались, главным образом, весной и осенью.

Цель обряда жертвоприношения «Обонам» заключалась в том, чтобы летом шли обильные дожди, которые содействовали бы росту травы, а, благодаря ей, скот набирал бы силу и упитанность, а народ бы жил спокойно, без болезней и бедствий, преодолевая зимний и весенний периоды без потерь скота и т.д.. Одним словом, такие пожелания и испрашивал народа у хозяина Алтайских гор. Начинался этот обряд ежегодно, первого числа первого месяца весны. В этот день все члены семьи совершали жертвоприношение «обону». Этот обряд традиционно назывался «балинд мургух» (молитва «Балину» — предмету жертвоприношения, сделанного из муки), что равнозначно понятию «дээр мургух» (молиться высшим божествам). «Балин», посвященный обряду «Дээр мургух», одинаков по смыслу с обрядом жертвоприношения «Обонам» (как по организации, так и повоскурению 13 Алтайским вершинам, а также сжиганию грудины и пр.).

Соблюдая традицию, каждая семья захчинов строит свой «Обон», совершая воскурение ему и жертвуя ему лучшие куски пищи. Этим самым семья символизирует воскурение и жертвоприношение 13 Алтайским вершинам. Судя по имеющимся у нас сведениям, у ойратов-монголов существовал также обряд «получения милости хозяина Алтая». Он заключался в жертвоприношении горам Алтая и «Обонам». Выполнялись эти обряды по трем установленным канонам: а) всем обществом; б) всей семьей и в) отдельным человеком. Отметим, этот традиционный обряд — сохранился до настоящего времени и совершается он — жертвоприношения «обонам», как поклонение человека своей земле, своей Родине. Однако клятва Родине всем обществом, пока у нас еще не возрождена.

Разнообразны и многочисленны у ойратов обряды, совершаемые с разбрзгиванием молока — «Сацал үргүх». Самый главный из них совершается ими — разбрзгивается самая лучшую часть молока или другой жидкой пищи — в честь хозяев — духов Земли и Неба. Наиболее почитаемым из таких обрядов является обряд разбрзгивания, совершаемый утром первого месяца весны, т. е. по слуху «Цагаан сара». Назначение данного обряда состоит в испрашивании у хозяина Алтайских гор благополучия в наступившем новом году. Утром первого дня «Цаган сара» алтайские урянхайцы, производя разбрзгивание молока, произносят, как правило, следующие слова:

Торгон унгут Алтай минь
Тосон унгут дэлхий минь

Хавтгайдаа халтруулалгүй
Моголцогтоо мухуулуулгүй
Гадаа тuu гэх гарз үгүй
Гэртээ ёо гэх томуу үгүй
Чонын аманд чулуу хийж
Чутгурийн аманд хумхи хийж
Уршоож хайрла
Цойд хайрхан
Хар санасанд хад тэврүүлэж
Муу санасанд бут тэврүүлэж
Уршоож хайрла
Цойд хайрхан
Мунх тэнгэр Добун минь
Мунхжин Алун гуа минь
Идээ ундаа зооглогтун
Цойд хайрхан

Несколько иного характера были благопожелания и просьбы, которые высказывались захчинами:

Арван гурван Алтай
Дав давын бурхад
Бууц бууцын бурхад
Зооглон соёрхож хайрлагтун
Цоод хайрхан
Хавтгайг халтируулалгүй
Моголцогийг мухуулэлгүй
Тоо гэх томуугүй
Хай гэх ханиадгүй
Зунаа наар хийж
Зудаа цаар хийжхайрлагтун Цоод хайрхан
Элкэний дээд эзэн болсон
Найман минь
Эсэг идээ зооглогтун
Цоод хайрхан

Каждый ритуал разбрзгивания молока (или лучшей части пищи) совершался 4 раза на юг, а в остальные три направления — по 3 раза. В целом же, обряд совершался, естественно, в честь 13 Алтайских вершин. Разбрзгивание молока на юг подразумевало дар, предназначенный золотому Солнцу, Луне и Государственному гербу страны, на другие же стороны — дар хозяевам-духам Алтайских гор и воды.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что обряд разбрзгивания молока (или жидкой пищи) у ойратов играл равную роль с обрядами остальных монголов. Из текста благопожелания видно, как почтительно относились ойраты к обряду разбрзгивания молока по случаю первого дня «Цагаан сара», что было и остается результатом представлений и верований ойратов в благосклонность хозяевам-духам Алтая за дарованную народу милость.

И, наконец, несколько слов об обрядах, связанных с охраной «диких местностей и воды». В народе с давних пор существует поверие в то, что Алтайские горы имеют одного хозяина, а их долины обергаются разными духами, которые очень «скучные в отношении своих вещей». Такие местности со скучными духами-хозяевами почитались кочевниками (считываются и до сих пор) «дикими местностями», в которых запрещено было рубить деревья, поднимать камни, собирать лук, мусорить, выливать в воду молоко и сажу, погружаться

в реку, прикасаться к «водным животным» таким, как змея, лягушка и другие, пугать диких зверей. Они верили, что, если нарушаются вышеупомянутые запреты, то «хозяева — духи» могут разгневаться и отрицательным образом повлиять на жизнь людей. К примеру, гора Улаанхайрхан, которую издавна почитают захчины, считается «дикой». В мифах о ней говорится, что дух Улаанхайрхан живет в своих владениях в виде волосатой девушки. Однажды охотник догонал ее как джейрана и выстрелил в него, тот подыхая, мучился очень долго [4, с. 58].

Сообщают мифы и о других хозяевах. Согласно им, некоторые места, особенно там, где соединяются концы холмов, называются местами, по которым, якобы ходят «дьяволы» («хий гүйдэлтэй газар»). Вблизи таких мест скотоводы, как правило, не ставят юрт, караванщики и другие путники обходят их стороной. В народе говорят, что в таких местах «земельные дьяволы» прячутся и там людям и скоту нет от них покоя. Хозяев таких «диких мест» люди абстрактно называют, «что-то земельное» и считают их невидимыми.

Сохранили мифы сообщения и об обрядах, связанных с охраной воды. Так, в «суртрах», посвященных «возвышению огня» говорится об этом так:

«...Алтай хаан богд Алаг уул Эрчис,
Эмил, Бор тал, Или эхлэн
Намайг асарч хайрлаач
Хамаг газар усны эзэн болоод
Ялангуяа Булган, Чингэл,
Урэнту Цагаан тал
Ендэрт Бумбат болоод
Энэ орны эзэн бугдээрт
Дээжий нь ургун тахина бид» [5, с. 44].

На территории, где проживали ойраты протекало много рек, в частности, Эрчис, Эмил, Бортал, Или, Булган, Чингэл, Урэнг и другие, которым они приносили жертву. При прочтении «сурт» люди неизменно называли хозяев-духов этих рек и просили их, чтобы они проявили к просителям свою щедрость и даровали им благополучие, чтобы уберегли их скот от джути, от наличия и состояния которого зависело качество жизни людей.

Кроме обрядов охраны и почитания крупных рек, совершали ойраты и обряды охраны источников и речушек. Если те и другие начинали, по словам кочевников, «свирепствовать», то в этом случае они совершали молитвы и «воскурение» у истока, жертвуя, в соответствии с обрядом «сэктэрлэх» духам «голубую козу». Наряду с этим, осуществлялось у истока «воскурение с ячменем и красной медью». И, если это не помогало, то люди просто перекочевывали на другое место.

Библиографический список

1. Наянтай. С. Одоогийн урианхайн Оорцог ястан ба эртний оорцогчуудын харьдааны тухай анхан ажиглалт. Ойрадын судлал. Урэмч хот, 1993.
2. Цэрэнсодном. Д. Монгол ардын домог улгэр (эмхэтгэж, удиртгал, тайлбар бичсэн Д. Цэрэнсодном). УБ, 1989.
3. Бадамхатан. С. Лхагвасурэн. И. Алтайн урианхай. Монгол улсын угсаатны зүй. УБ, 1996.
4. Бямбаа. Ж. Захчингудын байгаль шутэх ёсон. Монголчуудын байгаль хамгаалах ёс заншил, уламжлалаас. УБ., 2001
5. Цолоо Ж. «Газар тахих судар оршивой». «Арван гурван Алтайн сангуд оршивой». Хэвлэлд бэлтгэсэн Ж. Цолоо. УБ. 1999.

Был и другой обычай «умилостивления» хозяев-духов речушки или истока: в начале каждого людя ставили «пеструю лягушку», которую складывали из цветных камней. Считалось, что хозяину-духу речушки или истока бывает приятно и радостно играть с пестрой лягушкой. Но самым ярким свидетельством охраны ойратами речушек и источников являлся обряд «воскурения Луста и жертвоприношение». В соответствии с ним, у самого верховья реки люди совершили «воскурение» и молебен Хозяину воды. Этими и другими «водоохранными» обрядами, ойраты выражали свое почтение духам воды, а с другой стороны, веря, что выполнением того или иного обряда они способствуют сохранению своего благополучия и своего скота. Но реальный результат этих водоохраных обрядов заключался в том, что они своим «почитанием» Хозяина воды способствовали сохранению чистоты рек и источников, сохранению природы матери в целом.

Подытоживая все высказанное, можно сделать несколько выводов. *Первый*, ойраты, как и другие народы Монголии, другие кочевники-скотоводы соседних регионов с древних времен и до сегодняшнего дня сохранили глубокое уважение к Земле-матери, Небу-отцу, к Солнцу, Луне, Звездам и планетам, а также к духам гор, воды, природе, создав, в конечном счете, комплексную систему охранительных обрядов. *Второй*, традиционные обряды охраны природы у ойратов (монголов-захчинов), тюрков Саяно-Алтая, их мировоззрение не было подчинено (в зависимости от территории или этнических моментов) какому-то одному определенному образу. Будучи разными по форме или содержанию, они, тем не менее, являлись собой единую природоохранную культуру, которая стала неотъемлемой частью кочевнической цивилизации. *Третий*, в отношении содержания и принципа природоохраных обрядов у ойратов (захчинов) и алтайских урянхайцев, в первую очередь, выделяется почитание и уважение природы, сохранение ее, а также твердое понимание того, что от ее сохранности всецело зависит жизнь человека и его благополучие. И, наконец, *четвертый*, при совершении традиционных обрядов, в расчет брались не только определенные дни и время, но и уровень, и «качество жертвоприношения» в ходе природоохранительных обрядов, а также сложившееся у кочевников-скотоводов понимание роли и влияния традиционных природоохранительных обрядов на кочевое хозяйство, его территориальное размещение, особенности его ведения у разных народов, что в немалой степени сказалось (и продолжает сказываться по сей день) на их культурном и духовном развитии.

O. M. Ganbold

THE TRADITION CEREMONY OF GUARDING NATURE BY NOMADS (ON THE EXAMPLE OF ALTAIAN URYANHAYTS AND ZAHCHINS)

The article devoted the study of traditions worship of nomads (on the example of altaian uryanhayts and zahchins) — the population of Sayan-Altai and West Mongolia.

Sayan-Altai, West Mongolia, beliefs, ceremonies, traditions, esteem of Sky, Sun, Moon

УДК 902

В. Г. Дацышен, Н. С. Модоров

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСУДАРСТВА ЦИН И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С СОСЕДЯМИ В XVII-НАЧАЛЕ XVIII ВВ.*

В статье, на основе опубликованных (отечественных и зарубежных) источников, а также архивных материалов освещена история становления маньчжурского государства Цин и его взаимоотношения с соседями в XVII—начале XVIII вв.

Восточная Азия, маньчжурские захватчики, монголы, китайцы, родовой князь, Южная Монголия, Северная Монголия, Центральная Азия, Китай, Джунгария, хан, Тибет, агрессия, междоусобная борьба.

На исходе XVI века обстановка в Восточной Азии начинает заметно изменяться. Это, в известной степени, было связано с появлением на ее арене нового действующего лица — маньчжурского военно-феодального государства, которое сыграет в дальнейшем весьма негативную роль в истории многих азиатских народов, в частности, китайцев, монголов, корейцев и др.

Маньчжуры (или «маньчжу») представляли собой одно из многих южно-тунгусских племен, обитавших в древности на территории Маньчжурии (историческое наименование современной северо-восточной части Китая, но в географическом плане более узкое, чем современное понятие «Дуньбэй» — «Северо-Восток КНР — Авт.»), история которых восходит ко второй половине VII века. В основе их хозяйственной деятельности лежали скотоводство, охота и земледелие. Во главе маньчжурского общества стояли их «природные вожди», безраздельно распоряжавшиеся принадлежавшими роду пастищными и охотниччьими угодьями. Как и у большинства народов Центральной Азии, у маньчжуров начинают зарождаться в конце XV столетия феодальные отношения. В ходе этих преобразований их племенные предводители постепенно начинают превращаться в «наследственных князей» («бэйлэ» — титул высшей маньчжурской знати 3-й степени), которые весьма активно включаются в борьбу за пастища и охотничьи угодья, а также за наиболее выгодные условия торговли. Согласно данным китайских источников, во второй половине XVI века в пределах Маньчжурии имелось свыше 60 мелких

тунгусских феодальных владений, главы и население которых были весьма заинтересованы в торговле с Китаем, которому маньчжуры сбывали — в обмен на продукты китайского земледелия и ремесла — лошадей, пушнину и женщины [1].

В 1575 году правителем маньчжуров становится князь Нурхаци (его резиденция находилась в местности Хэтуала, расположенной в 195 км к востоку от Мукдена — Авт.). Воспользовавшись выгодным географическим положением своих земель, через которые проходили основные торговые пути в Китай, он начал постепенно подчинять себе одно княжеское владение за другим. Вскоре в руках Нурхаци оказалась большая часть маньчжурских феодальных владений. Это дало ему возможность сначала принудить их правителей подчиниться себе, а потом заставить этих князей провозгласить себя ханом¹ Маньчжурского государства. Однако этот «дипломатический акт монгольских феодалов», справедливо подметил в свое время Давид М. Фаркхар, совсем не означал их политическое подчинение новоявленному маньчжурскому правителю [2, с. 338]. Так завершилась многолетняя и ожесточенная борьба правителей тунгусских княжеств за верховную власть, в которой приняли участие и монгольские феодалы, владения коих находились по соседству с маньчжурскими княжествами.

Наиболее раннее упоминание источников об установлении дипломатических контактов между маньчжурами и монголами относится к началу 90-х гг. XVI века. Согласно их свидетельствам, южно-монгольские феодалы Минган из княжеств

* Работа выполнена по гранту РГНФ и МинОК Монголии №08-01-92002 а/ Г

¹ Следуя традиции, установленной в отечественном и зарубежном китаеведении, мы называем маньчжуро-цинских правителей по девизам их правления, а не по личным или храмовым именам, присваивавшимся каждому императору после его смерти. По личным именам названы лишь Нурхаци (1616-1626) и его сын Абахай (1627-1643), а последующие — по девизам их правлений. Так, сменивший Абахая его сын Фулинь имел девиз правления «Шуньчжи» (т. е. «Благоприятное правление» 1644-1661), а потому и именуется он «император Шуньчжи», его наследник, правивший под девизом «Процветающее и лучезарное правление» называется «императором Канси» и т. д.

Хорчин и Лууса впервые присыпают в 1594 году своих послов ко двору Нурхаци и устанавливают таким образом с ним «дружественные отношения» [3, цз. (гл.) 2, с. 19а]. В дальнейшем, по свидетельству данного источника, контакты между Нурхаци и монгольскими князьями происходили постоянно. Однако не все монгольские князья пошли на «поклон» к Нурхаци. В частности, как свидетельствует источник, хорчинский князь Онгудай, выступил в 1598 году с оружием в руках (в союзе с правителями тунгусских княжеств Улла, Дэда, Хойфа и др. — Авт.) против Нурхаци, но потерпел поражение. Уступив сопернику на поле брани, хорчинец, немедля, вступил в союз с победителем. И, чтобы еще сильнее упрочить его, Онгудай первым из монгольских феодалов породнился с «домом Нурхаци» [4, с. 192].

Наиболее значимое для маньчжура посольство прибыло в его ставку весной 1605 года. Тогда его навестил монгольский тайджа Энгэдэр из княжества Байют, «преподнесший хану 20 лошадей» [3, гл. 3, с. 9а]. Очередной визит монгола в ставку Нурхаци (уже от имени «пяти халхаских племен» — Авт.) состоялся в начале 1607 года. Наряду с подношениями, хозяину было передано письмо, в котором Нурхаци был назван «мудрым и могущественным императором» [3, гл. 3, с. 9а-9б]. В последующие годы отношения между маньчжурами и южными монголами развиваются в русле установившейся традиции, которая была закреплена брачными союзами: маньчжурский правитель и члены его рода брали себе в жены дочерей высших монгольских феодалов.

Укрепляя свое могущество, правитель маньчжуров двинул свои войска на Корею. Этим походом, Нурхаци открыл в 1618 году эпоху маньчжурских завоевательных войн. Тогда же он вступил в борьбу и с империей Мин. Этот конфликт заметно изменил характер маньчжуро-монгольских отношений. Монгольские феодалы, как известно, с давних пор обогащались как за счет подарков, подносившихся им китайским правительством, желавшим иметь с монголами мир на своей границе, так и за счет военных набегов на пограничные территории Китая. Поэтому наступление Нурхаци на империю Мин они восприняли как его попытку лишить их «законной статьи дохода». Поэтому, когда в августе 1619 года маньчжуры овладели китайским городом Телинчэном, на победителей напало 10-тысячное монгольское войско. Однако монголы не добились успеха. Более того, в плен попало немало крупных монгольских феодалов, в т. ч. «бэйлэ» Дзасай с двумя сыновьями, тайджи Сэбэн из княжества Джаруд, сын хорчинского тайджи Мингана и др. [3, гл. 6, с. 22б].

Поражение монголов под Телинчэном вызвало неоднозначную реакцию у правителя Чахарского княжества Лигдэн-хана, не принимавшего участия в этом походе. В декабре 1619 года в ставку Нурхаци прибыли одновременно его послы и послы князей «пяти халхаских племен». Лигдэн-хан потребовал в резкой форме от Нурхаци не совершать более военных походов на территорию империи Мин, угрожая в противном случае вой-

ною [3, гл. 6, с. 32а]. Послание Чахарского правителя вызвала бурю негодования у маньчжуров. Задержав послов Лигдэн-хана, Нурхаци, тем не менее, послал к нему своего дипломата с письмом, в котором предлагал ему (правда, в ультимативном духе — Авт.) заключить военный союз двух родственных по обычаям и общественному устройству народов против Минов [3, гл. 7, с. 3б]. Однако Лигдэн-хан отверг маньчжурский ультиматум и тоже задержал посла. Вскоре до маньчжурского двора дошел слух и о его казни. Не проверив его, Нурхаци тут же казнил посла Лигдэн-хана [3, гл. 7, с. 4б-5а].

Совершенно с иными целями прибыли в ставку маньчжурского правителя послы «пяти халхаских племен». В переданном от их владетелей письме содержались извинения за действия Дзасая, а также предложение заключить военно-политический союз против минского Китая. «Мины, — говорилось в монгольском письме, — враждебное нам государство. Если идти против него войной, необходимо совместно составить планы похода... В случае заключения мира с Минами, следует также совместно принять об этом решение... Если Мины пришлют много подарков для Вашего государства и меньше для нашего, Ваше государство не должно их принимать». Со своей стороны монголы обязывались поступать также [3, гл. 6, с. 33а]. Словом, действия владельческих князей «пяти халхаских племен» в полной мере соответствовали внешнеполитическим амбициям маньчжуров и развязывало, таким образом, им руки.

Агрессивные устремления соседей, естественно, обеспокоили монголов. Не были спокойны, начиная войну, и сами маньчжуры. Но их беспокойство было совсем другого порядка: они отчетливо понимали, что их военные успехи всецело будут зависеть от прочности и надежности их правового фланга, где соседями маньчжуров были независимые монгольские княжества. Вот почему ликвидация их независимости и стала одной из первостепенных внешнеполитических задач Нурхаци и возглавляемого им государства.

Но устремления правителя последнего, никак не совпадало с интересами монгольских феодалов, стремившихся любыми путями сохранить свою политическую независимость. Не чуждо было это их стремление и народным массам Монголии, ибо установление над страной маньчжурского господства не сулило им ничего хорошего, кроме дополнительного гнета. Именно это противостояние интересов двух сторон — монгольской и маньчжурской — и предопределило ожесточенную борьбу, продолжавшуюся меж ними более полутора веков. Забегая несколько вперед, скажем, что только с помощью огромного напряжения сил, удастся маньчжурским феодалам сломить сопротивление монголов и подчинить себе их страну, но подробнее об этом ниже.

Будут иметь место в этой борьбе и «сопутствующие захватчикам моменты», которые ими будут использованы в полной мере. Главный из «них» заключался в феодальной раздробленности Монголии. Она же в то время была разделена,

как известно, на три части: Южную Монголию, Северную Монголию (или Халху) и Ойратию. В свою очередь, каждая из названных частей делилась на множество мелких феодальных владений, правителей которых и надо было сокрушить маньчжурам. И, надо сказать, они справились со стоявшей перед ними задачей, умело используя для этого, где подкуп, где обман и провокации, а где силу оружия. Благодаря этим «средствам», маньчжурским завоевателям удалось уже в первые два десятилетия XVII века установить господство почти над всей территорией Монголии. Вне их контроля оставалось, как уже упоминалось выше, лишь владение последнего монгольского «хагана (кагана) Лигдэна» (правнука старшего сына Даян-хана — Авт.). Стремясь централизовать власть в своих руках, он направил в 1625 году карательную экспедицию против «князей-изменников»: Хорчина, Дурбэта и Горлоса, добровольно перешедших на сторону «врагов родины», т.е. на сторону маньчжурских завоевателей. Однако эта военная акция не принесла ему желаемого результата, поскольку инициатива в этом противостоянии находилась в данное время уже полностью в руках его противников. Потерпев ряд поражений, Лигдэн-хан, с горечью для себя, осознал в 1629 году всю тщетность своих усилий по «спасению родины». Очередная его неудача в борьбе с маньчжурами стала своеобразным сигналом для ухода ряда южно-монгольских князей (в т.ч. правителей хошунов Аохан, Найман, Барин, Джаруд, Хорчин, Онгнют, Горлос, Кэшиктэн и др.) в маньчжурское подданство. Но и после этого в распоряжении Лигдэна-хана оставались еще значительные силы, которые представляли немалую угрозу для маньчжурских завоевателей. Поэтому их правитель (Абахай — сын Нурхаци. Последний умер в 1626 г. — Авт.) неоднократно предлагал Лигдэну перейти на службу к нему. Но «упрямый варвар» не принимал «позорные для себя предложения» и продолжил борьбу с маньчжурами [4, с. 193]. Продолжая ее, он попытался даже заключить антиманьчжурский союз с Минской династией, но безуспешно. Решающее сражение между войсками Лигдэна-хана и Абахая произошло летом 1634 года. Его исход был, как говорится, предрешен: маньчжурский правитель имел многократное превосходство над своим соперником. Наголову разгромив его, Абахай сурово расправился с «непокорным смутьяном». Захватив Чахарское ханство, победитель «раздробил» его на мелкие владения, которые «милостиво пожаловал послушным вассалам» [4, с. 194]. Деморализованный же поражением Лигдэн-хан, отступил с остатками своих войск к Кукунору (Цинхай — бессточному, соленому озеру, находящемуся в горах Наньшана — Авт.), где он умер вскорости. После смерти отца борьбу с маньчжурами продолжил его сын — хан Эчже. Но вскоре он был окружен маньчжурами, схвачен и казнен ими [4, с. 194].

Победа Абахая над владетельными князьями Южной Монголии «принесла» ему в 1636 году титу «хана Монголии». Этим «провозглашением» и закончился, как принято считать, первый этап

завоевания Монголии маньчжурскими завоевателями. Следующей его ступенью была Северная Монголия. Она же на рубеже XVI-XVII вв. состояла из семи самостоятельных княжеств, а потому и имела она еще одно официальное название — «Халхайн долон хошун» («Семь халхаских хошунов»). В это время в ней особенно выделялись и имели силу три могущественных феодала: Тушэту-хан, Дзасакту-хан и Цэцэн-хан. Подчинив «своей воле» всех остальных владетельных князей Халхи, они вышли на первые роли в последующей истории Северной Монголии.

Но став «вершителями» народных судеб и своей родины в целом, они совсем не «по-хозяйски» распорядились предоставленным им историей шансом. Когда их соплеменники, проживавшие в южно-монгольских княжествах, истекали кровью в борьбе с маньчжурскими захватчиками, «три северных бога», блюя свои личные интересы, способствовали своим «бездействием» превращению Южной Монголии в провинцию Маньчжурского государства. В защиту «южан» выступил лишь известный в Халхе поэт и сторонник объединения страны Цокто-тайджи, вступивший в союз с Лигдэн-ханом, за что и был изгнан «северными богами» из Халхи. После смерти своего союзника, он продолжил борьбу с захватчиками и их пособниками — тибетскими и кукунорскими феодалами — и геройски погиб в одном из сражений в районе озера Кукунора [4, с. 194].

Столкнувшись с печальной судьбой южан, правители Халхи сразу же предприняли попытку «захватить доверие» у победителей Чахарского ханства. С этой целью и прибыло в январе 1636 года ко двору маньчжурского правителя посольство от Цэцэн-хана. Свои словесные заверения о «дружбе и союзе» его послы «подкрепили» богатыми дарами: верблюдами, лошадьми и собольими шкурками [4, с. 194]. Спустя полтора года (в октябре 1637 г. — Авт.), такая же посольская миссия к Абахаю прибыла от Тушэту-хана, который свои «добрые чувства и дружеское расположение к лучезарному хану» засвидетельствовал «двумя золотыми луками и тремя лошадями» [4, с. 194].

За «северными богами» Халхи потянулись в ставку маньчжурского правителя и другие халхаские феодалы, добровольно предложившие ему «свою дружбу». До поры до времени Абахай добросклонно принимал халхаских «доброхотов». Но очень скоро эта «игра» ему надоела и он решительно потребовал от них (за «свою дружбу с ними» — Авт.) прекращения поставки ими своих лошадей в армию «своих противников» (т.е. в армию Минской династии — Авт.), пригрозив в противном случае, поступить с халхаскими «доброхотами» также, как с «непокорным Лигдэн-ханом». Окрик «благодетеля», естественно, подействовал: халхаские владетели, не посмели ослушаться «лучезарного хана» и тут же прекратили все торговые связи с Минским Китаем. После этого, маньчжурские завоеватели стали смело и все чаще вмешиваться во внутренние дела Северной Монголии.

В этой ситуации, ее феодальные владетели — большие и мелкие — начинают задумываться о

своем «бытие», в связи с надвигающейся опасностью маньчжурской агрессии на Халху. Чтобы предотвратить ее, они собираются в 1640 году на всемонгольский съезд, на котором были приняты два основополагающих решения: а) урегулировать свои, внутримонгольские отношения и б) объединить усилия всех монгольских правителей в борьбе с надвигающейся маньчжурской угрозой. Однако их претворение было отложено до наступления благоприятного момента [4, с. 195]. И таковой, надо сказать, наступил: в 1643 году умер маньчжурский хан Абахай. К этому времени «северные боги» — Тушэту-хан и Цэцен-хан — в полной мере осознали всю глубину опасности маньчжурской агрессии, нависшей над Халхой. Поэтому, чтобы отвести ее, они приняли решение поддержать антиманьчжурское выступление князя суннитов Тэнгиса. С этой целью, они направляют ему на помощь свои войска. Но она слишком запоздала. К ее «приходу» Тэнгис был уже разбит маньчжурскими войсками. Потерпели поражение и отряды халхаских ханов, высланные ими князю на подмогу.

Эта победа над восставшими придала уверенность маньчжурам. Воспользовавшись предательством китайских феодалов, он овладели в 1644 году столицей Минов — городом Пекином — и положили, тем самым, начало маньчжурской династии Цин², ознаменовав одновременно с этим и начало своего господства в Китае. Происшедшие в стране события существенно осложнили не только положение ее населения, но и положение княжеств Северной Монголии. Если в прежние годы халхаские ханы отказывались присыпать маньчжурам заложников, которых те требовали от них, то теперь северо-монгольские князья были вынуждены капитулировать перед натиском маньчжурского правительства и отправлять в Пекин своих — монгольских — заложников.

Но жестко ставя вопрос о них, маньчжурские завоеватели тоже действовали с оглядкой, ибо они осознавали, что прямым военным вторжением (при непрочности своих позиций в самом Китае, где не прекращались антицинские выступления народных масс — Авт.) захватить Северную Монголию не представляется возможным. Поэтому Пекин, не распыляя свои силы, сосредоточил основной удар на подавлении сопротивления китайского народа, а что касается Северной Монголии, то ее владельцам он уготовил «кнут и пряник». И, надо сказать, этот его расчет вполне оправдал себя. Провоцируя и подкупая халхаских феодалов, он добился нарушения договоренностей, достигнутых монгольскими владельцами на своем съезде в 1640 году, что тут же привело к вспышке между ними старых споров и конфликтов, которые привели монголов в 1688 году к междоусобной войне, которая так была нужна маньчжурскому правительству. Ее же исход оказался весьма печальным для северо-монгольских феодалов, которые потерпев

поражение вынуждены были — в большинстве своем — бежать на юг, к Великой китайской степи, где, собравшись, благодаря «содействию гла-вы ламаистской церкви Ундуур-гэгэна» (он являлся членом семьи Тушэту-хана — Авт.) на специальный съезд, выразили на нем «желание» стать подданными Цинской империи. Эти их «пожелания» были закреплены решениями съезда «всех князей Южной и Северной Монголии», состоявшегося в 1691 году в присутствии маньчжурского императора Канси — «Сына Неба».³

«Добровольное» включение северо-монгольских владетельных князей в состав Цинской империи знаменовало собой окончание второго этапа завоевания Монголии маньчжурскими феодалами. Теперь им оставалось сделать последний рывок — уничтожить независимое Джунгарское ханство.

Начиная борьбу с ним, китайский император безусловно понимал, что в лице ойратского правителя — Галдана-Бошекту-хунтайджи — Благословенного хана — (Авт.) — он имеет весьма серьезного противника. Осознавая все это, Канси все делал для того, чтобы «натравить» на него всех монгольских феодалов. Особую ставку при этом, он делал (зная о его неприязненных отношениях с Галданом — Авт.) на Тушэту-хана. Для этого, Сын Неба, в который уже раз, прибег к провокации и подкупу. С этой целью он направляет в 1682 году богатые даря тому и другому. А спустя пять лет (т.е. в 1687 г. — Авт.), он «милостиво» жалует Галдану титул «хана», а халхасцу — нет. Если первый к этой «игре на самолюбии и нервах» отнесся спокойно, даже подыграл в некоторых моментах Сыну Неба, то Тушэту-хан такой выдержанной и умом, как у ойратского правителя, увы, не обладал. Все это привело к тому, что китайскому императору удалось-таки, спровоцировать ойрато-халхасскую войну, которая закончилась в 1688 году полным разгромом северо-монгольских владетельных князей и их переходом в маньчжурское подданство, т.е. она закончилась тем, к чему и стремился правитель цинского Китая.

Устранив своих потенциальных соперников, Галдан вторично направляет (в том же 1688 г. — Авт.) в Пекин свою посольскую миссию для заключения мира с Поднебесной империей. Его условия для установления добрососедских отношений между двумя странами были таковы: 1. Установить между Джунгарией и Китаем нормальные торговые отношения; 2. Выдать Джунгарию Тушэту-хана и Ундуур-гэгэна — главных «зачинщиков» только что завершившейся ойрато-халхасской войны. Однако Сын Неба никак не отреагировал на предложенные ойратским правителем условия мира. Да и как он мог реагировать на них, когда складывавшаяся после войны ситуация всецело благоприятствовала китайскому императору. Поэтому-то он «вежливо отклонил труб-

² В 1636 г. маньчжуры назвали свое государство Цин (или «Дай Цин» — «Великое Цин»). После захвата Пекина в 1644 г. «Дай Цинн» стало применяться как для обозначения маньчжурской династии, управляющей Китаем, так и для обозначения всей китайской империи.

³ В 1636 г. Абахай принял титул «хуанди» (императора), что было равнозначно «Сыну Неба».

ку мира», предложенную Галданом и продолжил военные действия, в ходе которых джунгарский хан, под натиском превосходящих сил противника начал отступать и сдавать одну позицию за другой. К весне 1697 года Галдан потерпел полное поражение. Не желая сдаваться врагу, он покончил с собой. Это случилось утром 13 марта 1697 года, в урочище Ача-Аматай [6, л. 2407-2410].

Смерть джунгарского владельца существенно изменила сложившуюся между противоборствующими сторонами ситуацию. Для маньчжуров она открыла реальную перспективу овладения Джунгарией. Правда, претворить ее в действительность мешала отдаленность джунгарских владений от Китая. Но не это препятствовало осуществлению планов Пекина. Главная причина этого заключалась в «неустойчивом положении» Цинов в «завоеванной ими Халхе». Без ее окончательного «умиротворения», справедливо полагали в столице Поднебесной империи, нечего было и думать об общей победе над ойратами. Решая эту «глобальную» для себя задачу, и повели маньчжуры усиленную подготовку к решительной войне с Джунгарией.

После гибели Галдана-Бошекту-хана во главе ее стал племянник покойного (сын старшего брата Галдана — Сэнгэ — Авт.) Цэван-Рабдан, совсем еще недавно «изъявлявший свою преданность и послушность маньчжурам, ища у них помощи и поддержки в борьбе за отцовский трон» [5, с. 275]. Теперь, когда он стал правителем Джунгари и в полной мере осознал степень цинской угрозы своей родине, молодой правитель стал лихорадочно, но основательно, укреплять оборонспособность страны, «приобретать себе надежных союзников», на которых он мог опереться в предстоящей в скором времени войне с маньчжурами. С этой целью он налаживает (широко не афишируя) контакты с владетельными князьями Кукунора, а также пытается склонить на свою сторону правителя Тибета (племянника хошоутского Гуши-хана — Лувсана (Лубсана Даньдзина) — Авт.), поддерживавшего связи с Цинами. Однако последний «вежливо отклонил предложение Цэван-Рабдана «О дружбе». Забегая вперед, скажем, что ойратский правитель все же добьется своего в 1718-1718 гг. Правда, для этого ему потребуется применить военную силу.

Пока же, став ханом Джунгари, Цэван-Рабдан пытается ничем себя не проявлять, дабы не «обеспокоить своих покровителей». Первым его внешнеполитическим актом стала война с казахским ханом Тауке. Но, начав ее, Цэван-Рабдан тут же «докладывает об этом Сыну Неба. Свидетельство тому — его письмо, полученное последним весной 1698 года. «Не от доброй воли, — сообщал джунгарский правитель в своем послании, — а по великому принуждению [была] начата та война, причиною... стало вероломство Тауке». Последний, как пишет Цэван-Рабдан, попросил его «помочь ему... в освобождении сына», плененного в свое время Галданом и отправленного им «в Лхасу, в подарок далай-ламе». За «помощь» Тауке, последний соглашался быть союзником Цэван-Рабдана. И джунгарский правитель помог освободить сына Тауке, но последний «за

все мои благодеяния, вместо благодарности, всех моих людей (500 чел. — Авт.), посланных для обережения сына...всех до последнего человека наголову побил. Потом моего же подданного — Урхедей-Батур-тайздзия — убил и всех его людей, разграбивши, в полон к себе отвел. Да после сего, в недолгом времени, давних моих ясашных урянхайцев, более 100 кибиток с женами и с детьми, со всем скотом и пожитками к себе забрал» [6, л. 2657-2660]. Кроме того, докладывал Цэван-Рабдан, «люди Тауке-хана совершили нападение на караван», с которым ехала «с берегов Волги наша невеста» (дочь Аюки-хана — Авт.). Вот, в силу всего этого, заключал ойратский правитель, и вынужден был он «пойти на обидчика войною» [6, л. 2657-2660].

Столь длительное цитирование нами выше-названного документа, отнюдь не преследовало цели опорочить одного и оправдать другого участника войны. Совсем нет. Это было сделано лишь для того, чтобы показать, что вспыхнувший в 1698 году военный конфликт положил начало новой полосе вооруженных столкновений между джунгарскими и казахскими феодалами, которые, в конечном итоге, переросли в реальную угрозу потери феодальным Казахстаном своей независимости. Другой, немаловажный момент, связанный с цитированным письмом, всецело связан с причиной его появления. Главная из них, безусловно, связана с тактической линией, избранной ойратским владельцем. В первые годы своего правления он (так поступали в аналогичной ситуации и другие кочевые предводители) старался избегать всего того, что могло бы осложнить его отношения с Китаем. Надо полагать, что именно этим и было обусловлено написание Цэваном-Рабданом вышеупомянутого «почтительно-извинительного (по тону) письма» китайскому императору. Иначе говоря, ойратский правитель всем своим видом показывал, что он остается «послушным и исполнительным учеником лучезарного Сына Неба», который «почтительно» извещает своего «наставника» о каждом своем шаге. И, надо сказать, что избранная молодым правителем Джунгари тактика принесла ему желаемые результаты: в течение первых лет XVIII столетия Джунгарское ханство ни с кем не воевало, оно поддерживало мир на всех своих рубежах.

Но это миролюбие ойрата, его «почтительность и послушание» больше всего и стали настороживать Сына Неба. Поэтому, чтобы выявить его истинные намерения и планы, он начинает направлять к Цэван-Рабдану своих послов с целью убедить его последовать примеру далай-ламы и многих владетельных князей Халхи, Внутренней Монголии, Кукунора и принять подданство «Великой Цинской империи». «Все они, — убеждал Цэван-Рабдана одним из них (посол Боочжу — Авт.) в 1703 году, — управляя своим народом, мирно проживают в своих кочевьях, сохранив свои достоинства правителей. Неужели они хуже тебя? Но за всем тем, благоговея перед отличными добродетелями нашего святейшего государя (естественно, китайского императора Канси — Авт.), они признали над собою его верхов-

ную власть, стали наравне со всеми монголами, принимали высокие титулы и разные достоинства, получают жалование [от великого государя] и под благоверным покровительством его величества просто благоденствуют» [7, с. 258].

Однако посланцу Сына Неба не удалось «увлечь» джунгарского контайшу, чтобы он отказался от своей независимости и стал подданным Цинской империи. Но вежливо отказавшись от «высокой чести», он, по-прежнему, продолжал выказывать Сыну Неба «свое глубочайшее почтение», чтобы избежать осложнений во взаимоотношениях с ним. Во имя этого, он шел, нередко, на «противные ему действия», но только бы способствовать решению своей главной задачи: укрепить ханство и свою власть в нем.

Эта двойственность политики Цэван-Рабдана не осталась незамеченной Пекином. По этому поводу Канси не преминул подметить своим советникам. «Прежде Цэван-Рабдан, — со свойственной ему вкрадчивостью в голосе выговаривал он им, — всегда обнаруживал в своих докладах преданность и благоговение. Но после того, как был уничтожен Галдан, а он одержал победу над хасаками (казахами — Авт.) и получил некоторое число военнопленных, он начал мало-помалу переменяться. Теперь, присоединив к себе торгоутов Санжиба (возвратившихся с Волги — Авт.), он час от часу становится [все] надменнее» [7, с. 257].

Черты характера джунгарского правителя, не ускользнувшие от внимания китайского императора очень скоро проявились в полной мере: спустя полгода, Цэван-Рабдан потребовал от Пекина возвращения ему территорий, принадлежавших ранее Джунгарскому ханству. Согласно свидетельству А. М. Позднеева, он претендовал на земли до низовий р. Хобдо и далее к востоку; в Улан-коме, на урочища по рр. Кэму (ойратское название р. Енисей — Авт.) и Кэмчику, а также на земли, простершиеся за Алтаем, вплоть до р. Иртыш. Предъявив цинскому правительству эти территориальные претензии, Цэван-Рабдан заявил, что эти «места к востоку от Или до Кэма и Кэмчика искони принадлежали чжунгарам и должны [быть] теперь возвращены им» [7, с. 276].

Предвидя, что мирным путем территориальный вопрос вряд ли удастся разрешить, Пекин тут же рассмотрел возможность его решения силовым методом. Однако взвесив все «за» и «против», он пришел к неутешительному для себя выводу: в сложившейся ситуации (отдаленность будущего театра военных действий, отсутствие там каких-либо баз для снабжения войск всем необходимым и т.д.) без «помощи извне, смирить возомнившего о себе строптивца», увы, не представляется возможным. Столкнувшись с такой печальной для себя действительностью, цинское правительство, впервые в своей истории, решается направить в 1712 году послов к калмыцкому Аюке-хану. Выбор им его в союзники для войны с Джунгарией был неслучаен. Такого рода идея возникла в Пекине еще в 1709 году, когда в столицу Поднебесной империи прибыли представители калмыцкого хана для выяснения судьбы его родственника (Арабджура — Авт.), отправивше-

гося с берегов Волги еще в 1698 году на богомолье в Тибет, путь куда пролегал в то время через Сибирь и Китай. При возвращении обратно, родственник Аюки-хана был — почему-то — задержан в Пекине. И вот теперь это обстоятельство (помощь в отыскании ханского родственника) и решило использовать цинское правительство, чтобы склонить калмыцкого правителя к совместному вооруженному выступлению против Цэван-Рабдана [8, с. 352-353].

Однако этот «дипломатический шантаж» Пекина, успеха не имел. Аюка-хан решительно отклонил предложение Цинов выступить их союзником в войне против Джунгарии. В столь жестком ответе калмыцкого правителя маньчжурскому правительству оказались, надо полагать, не только соображения личного характера, совсем не располагавшего его к войне с «единокровниками», но и «советы» русского правительства. О наличии же «таковых», в полной мере свидетельствует указ Сената от 26 июня 1712 года. В нем, наряду с разрешением китайским послам проследовать на Волгу, к Аюке-хану, есть и «пожелания», как следует себя вести калмыцкому правителю, если китайские послы «будут подзывать его, Аюку-хана... воевать калмыцкого владельца (т. е. Цэван-Рабдана — Авт.). В этом случае, Аюке-хану рекомендовалось» говорить, что он на контайшувойной не пойдет, ибо он, контайша, царскому величеству (т. е. Петру I — Авт.) примирителен» [8, с. 353]. Словом, посольство Сына Неба к калмыцкому Аюке-хану закончилось для Цинов полным провалом.

Это обстоятельство, естественно, взорвало правителя Поднебесной империи и он решил в одиночку «наказать зарвавшегося варвара». Начавшаяся Пекином с этой целью война с Джунгарией продолжалась до самой кончины Сына Неба (Канси умер в 1722 г. — Авт.). Ее ход никак не благоприятствовал Цинской империи. Ее армии (не полностью отмобилизованные — Авт.) терпели одно поражение за другим. Тяжело сказывалась война и на экономике государства: она с каждым годом ухудшала его финансовое состояние. Чтобы пополнить казну правительство вынуждено было наращивать число и тяжесть поборов и повинностей, тяжким бременем ложившихся на плечи трудящихся масс, особенно Северной Монголии, повсеместно вызывая работорговлю и недовольство, то и дело выливавшиеся в антиправительственные выступления. Но и в этой, опасной для себя ситуации, цинское правительство продолжало вести невыгодную для страны войну, руководствуясь, как и в былье годы, — своим важнейшим принципом: ликвидировать, во что бы то ни стало, вековечную опасность, угрожавшую китайской земледельческой цивилизации со стороны кочевой периферии. Эту опасность маньчжуры, сами в недавнем прошлом кочевники, осознавали вполне отчетливо [9, с. 271].

В отличие от Цинской империи, для Джунгарского ханства данная война развивалась более удачно. Победы, одерживаемые его войсками способствовали не только укреплению положения ханства, но и укреплению позиций самого Цэван-

Рабдана. Возможно, на этой волне — и под их воздействием — и зародилось у него желание «овладеть не только западной частью Халхи, ранее принадлежавшей ойратам», но и всей «северо-монгольской землей». На гребне этих успехов попытался джунгарский правитель осуществить и другой свой «захватнический» план — овладеть Тибетом. Воспользовавшись не прекращавшимися здесь и в Кукуноре «смутами и усобицами», он направляет в конце 1716 года в район Лхасы группу войск, которую возглавил его дядя — Цэрэн — Дондог — Старший. Благодаря активным действиям руководимых им войсками, в сентябре 1717 года столица Тибета была взята ойратами. В результате этого, хозяином Тибета стал отныне правитель Джунгарского ханства [10, с. 225].

Однако такой поворот дел явно не устраивал цинское правительство. Оно и мысли не допускало, чтобы «центр ламаизма и руководство ламаистской церковью» сосредоточились в руках джунгарского правителя и «его камарильи». Чтобы изменить сложившуюся в Тибете ситуацию, Сын Неба, сосредоточив в своих руках достаточно крупные силы, двинул их в 1719 году в Тибет. Внезапное появление маньчжурских войск, их численное превосходство над ойратскими и предопределили исход сражения между ними. В битве, произшедшей весной 1720 года, последние потерпели поражение. Одержав победу маньчжуры уничтожили в Тибете (в соответствии с приказом из

Пекина — Авт.) всех кто оказывал «хоть какую-то помощь» Галдану или Цэван-Рабдану. «Очищенный и освобожденный Тибет» снова стал «составной частью Цинской империи».

Но, одержав победу на данном участке ойрато-маньчжурского фронта, Пекин не мог закрепить или добиться успеха в других местах: его войска, по-прежнему, терпели поражения везде. Однако это, как ни странно, не приносило Джунгарскому ханству решающей победы над врагом. А это все затягивало и затягивало джунгаро-китайскую войну, которая затухала с наступлением зимы и вновь разгоралась с приходом весны. Говоря об этом ойрато-маньчжурском военном противостоянии, уместно отметить одну немаловажную деталь: данная война велась в основном на территории Джунгарии или в непосредственной близости от ее границ. С одной стороны, это было на руку ойратам, поскольку они не испытывали почти никаких затруднений со снабжением войск всем необходимым. Но, с другой стороны, имело место и «нечто», что было особенно важным в данной ситуации, поскольку это «нечто» носило негативный характер, но этого не замечали или не хотели замечать ни джунгары, ни их правитель — война все более и более разрушала и без того некрепкую экономику страны, что совсем скоро печально отразится не только на судьбе населения, но на судьбе Джунгарского государства в целом.

Библиографический список

1. Мэнгу цзу цзинь ши (Краткая история монгольских народностей). — Хух-Хото, 1978). Использованы материалы В.А. Моисеева.
2. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. — М., 1977.
3. Да Цин Тайцзу Гаохуанди шилу (Хроника правления императора Тайцзу великой династии Цин), Токио, 1937. Использованы материалы В. А. Моисеева.
4. История Монгольской Народной Республики. — М., 1983.
5. Позднеев А. М. А. М. — К истории Зюнгирских калмыков. — Н.И. Веселовский. Посольство к зюнгирскому хун-тайджи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии И.Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. — СПб., 1887.
6. История о завоевании китайским ханом Канхием каллаского и элэтского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях. Пер. И. Рессохин. — СПб., 1750.
7. Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, включающими в себя материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. — СПб., 1883.
8. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. II. Кн. II. — СПб., 1883.
9. История Китая. — М., 1998.
10. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. — М., 1983.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 15.01.09

V. G. Dachishen, N. S. Modorov

FROM A HISTORY BEGIN OF MANGURIEN STATE AND THIS THE RELATIONS WITHNEIGHBOURS IN XVII-BEGINNING XVIII CENTURIES

In article, the paper written publications (native and foreign) and archive materials throw light the history begin of Mangurien state and this the relations withneighbours in XVII-beginning XVIII centuries.

Ost Asia, mangurien conquerors, mongols, chinise, tribal prince, West Mongolia, Central Asia, Chine, Ljungaria, Tibet, aggression.

УДК 902

Н. С. Модоров

ПРИНЯТИЕ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1756 ГГ.*

В статье, на основе опубликованных и архивных источников, освещен процесс принятия российского подданства коренными народами Горного Алтая в 1756 г.

Ключевые слова: Горный Алтай, Джунгария, Китай, война, маньчжурские захватчики, коренные народы, агрессия, принятие подданства

В истории народов Центральной Азии, и Саяно-Алтайского нагорья в частности, было немало сложных периодов. Не стали исключением в этом плане и коренные жители Горного Алтая — «алтайцы». Этот собирательный термин закрепился за ними в историко-этнографической литературе, начиная с XIX века. Употребляется он и в настоящее время. Не вдаваясь в историю зарождения этого термина, отметим лишь, что сами наследники интересующего нас региона называли себя (всеселко руководствуясь родо-племенными и территориальными признаками): «кумандинцами» («куманду-кижи»), «тубаларами» (туба-кижи), «чалканцами» («чалканду-кижи»), «алтай-кижи», телесами, телеутами и теленгетами (теленгитами) [1, с. 19-22]. Так вот одним из памятных для коренных народов Горного Алтая событием XVIII века стал, и это вне всякого сомнения, период вхождения алтайских кочевников в состав Русского государства, который у наследников Южного Алтая всеселко связан с джунгаро-китайской войной 1753-1756 гг.

Обращение к этой, достаточно хорошо изученной, на первый взгляд, проблеме продиктовано не только чисто научным интересом к более глубокому (в связи с появлением новых документов — Н.М.) изучению внешней политики Китая и истории тюркских народов Саяно-Алтая, многие из которых добровольно (в чем, согласно источникам, опять-таки, не приходится сомневаться) приняли российское подданство, но и ее весьма актуальным политическим звучанием в связи с попытками китайских историков приукрасить, а порой даже и идеализировать характер внешней политики маньчжурской династии Цин в Центральной Азии. Такой подход к затронутой выше проблеме для них был и остается не случайным, поскольку они (да и их предшественники — Н.М.), руководствуясь политикой «китаецентризма», зародившейся в глубокой древности и превратившейся со временем в политическую доктрину о «Сыне Неба», поставленному «Небом» управлять всей Вселенной, соседними и дальными народами. Опираясь на нее, китайские политики и учёные всячески приписывали Цинской империи более широкую сферу влияния, особенно к северо-западу от своих границ, нежели это было на самом деле. Пытались они также доказать и «извечную принадлежность» Китаю обширных территорий указанного региона. Но если позиция китайских политиков и историков в вышеозна-

ченных вопросах вполне понятна, то этого нельзя сказать о сентенциях отдельных отечественных публицистов и политиков, пытающихся поставить на повестку дня вопрос об «альтернативных путях развития государственности и общественного бытия у некоторых народов». Иначе говоря, используя сослагательное наклонение, которое не уместно в истории, они предлагают обсудить вопрос: «А что было бы, если бы коренные народы Саяно-Алтая, в частности, алтайцы, присоединились в середине XVIII века не к России, а к Китаю?»

Подобная, некорректная постановка вопроса вынуждает нас в очередной раз обратиться к источникам того времени и еще раз проанализировать ход событий 1753-1756 гг., приведших, в частности, южных алтайцев к принятию русского подданства.

Этому же событию, как известно, предшествовало очередное обострение военного противостояния между Цинской империей и Джунгарией, которое весьма пагубно отразилось на политическом и социально-экономическом положении не только последней, но и наследников Горного Алтая. Преследуя поверженных ойратов, маньчжуро-китайские отряды прибыли летом 1754 г. в верховья Чуи и Катуни. Используя «свою силу», они принудили здешних «инородцев» подчиниться себе и привели незначительную часть алтайцев (445 чел.) «в покорность себе» [2, с. 67]. Но основная же их масса отказалась принимать китайское подданство. Их зайсаны и старшины тут же стали (тайно) направлять к сибирским властям (гражданским и военным) своих посланцев с просьбами о «заступничестве». Так, телесы в ответ на «силовые» домогательства китайцев, по-нуждавших их признать власть своего богдыхана и платить ему дань, заявили пришельцам, что они давно уже являются «ясачными людьми белого государя». И тут же, при «мунгалах», отправили в Кузнецк гонца, дабы тот передал их, телесцев, просьбу русским пограничным властям о присылке «в китайское войско послов, чтобы их, телесцев, от оных остеречь (т.е. защитить — Н.М.)» [3, л.21].

Однако русское правительство, занимавшее весьма осторожную позицию в «сем непростом, пограничном деле», ограничилось лишь протестом и пожеланием возвратить Русскому государству захваченных маньчжурами двоеданцев [3, л. 25]. Довести до сведения китайского командова-

* Работа выполнена по гранту РГНФ — МинОк Монголии, №08-01-92002 а/G

ния этот правительственный вердикт было поручено переводчику и сборщику ясака И.Максекову. Но добраться тому до ставки маньчжуротов тогда не удалось. Тау-телеуты, напишет потом кузнецанин в своем отчете, весьма обрадовались его появлению в своих кочевьях и просили его передать кузнецким воеводам, чтобы они построили при впадении речки Иши в Катунь крепость, дабы «волости ясашные и их от мунгалов закрыть» [3, л. 42].

Подобного рода прошения поступали русским властям и от родоначальников теленгитов, телеутов и других рода-племенных групп Горного Алтая. При этом они интересовались у представителей российских гражданских и военных властей, посещавших по долгу службы или ясачным делам их кочевья, о возможности «своего (тау-телеутов — Н.М.) спасения от злого времени в российской стороне» [4, л. 22.]. Не имея возможности и полномочий решать такого рода вопросы, командующий Колывано-Кузнецкой военной линией полковник Ф. Дегаррига раз за разом проповедовал такого рода «инородческие» прошения вышестоящему начальству: Сибирскому губернатору В. А. Мятлеву и командующему Сибирским корпусом бригадиру Крофту. Однако и тот, и другой также не имели на этот счет каких-либо ясных указаний сверху, а потому и они вынуждены были просить разъяснения по этому поводу у Оренбургского губернатора И. И. Неплюева. К сожалению, и он не мог решить поставленные алтайскими инородцами вопросы, а посему он и лишь рекомендовал своим сибирским коллегам, с одной стороны, воздерживаться от приема алтайцев в российское подданство, а с другой, — «не отвергать» просителей от «благожелательства Ея императорского величества» и разрешать «оним телесцам и иным тамошним инородцам», кочевать вблизи русских военных укреплений [4, л. 65].

Неопределенная позиция русских властей и осложнявшаяся с каждым днем военно-политическая обстановка в регионе понуждала алтайских зайсанов и старшин искать выход из создавшегося положения. В силу этого, они принимают решение провести съезд алтайской знати и обсудить на нем складывавшуюся ситуацию в Южном Алтае, а исходя из нее, наметить пути выхода из создавшегося положения, а также скоординировать свои действия по противодействию захватчикам [5, с. 106].

А тем временем масштабы цинской агрессии в Горном Алтае разрастались. Китайские отряды вторглись в юго-восточные районы края и, продолжая углубляться в его просторы, вышли вскоре к Телецкому озеру, «чиня повсеместно грабеж и насилие», силой понуждая местное алтайское население принять китайское подданство. В этой обстановке тамошние зайсаны и старшины собираются в марте 1755 г. в ставке Намыкай Малаева (в районе Ябогана — Н.М.) на совет для обсуждения вопросов по отражению цинской агрессии. После жарких споров, было принято решение об организации общеалтайского ополчения. Местом его формирования был избран бассейн р. Ело, т.е. во владении зайсана Намыкай [2, с. 67].

Сформированный десятью зайсанами алтайский отряд, вооруженный «ружьями, саадаками и копьями», той же весной нанес не одно поражение захватчикам [5, л. 108]. Однако к лету, сила и мощь отряда стали таять и алтайцы начинают сами терпеть одно поражение за другим. Причин этой неудачи было несколько. В первую очередь, сказывалась малочисленность алтайского отряда; во-вторых — его неорганизованность. Но главной причиной его неудачных — со временем — действий стало отсутствие единого командования объединенным отрядом. Участившиеся его военные неудачи, а также «иные обстоятельства» понудили алтайскую родоплеменную верхушку обратить свои взоры в сторону России. В своих прошениях, ставших поступать в различные инстанции местных и центральных органов власти с начала 1755 г., они начинают настойчиво просить российские власти «взять их в российскую протекцию» и защитить их «от злого времени». К лету поток такого рода ходатайств начинает значительно нарастать. Однако русские власти (ни гражданские, ни военные), по-прежнему, не могут определиться как поступить им в данной ситуации. На запросы командующего Колывано-Кузнецкой линией полковника Дегарриги и командующего Сибирскими войсками бригадира Крофта из Коллегии иностранных дел приходят им стереотипные, но весьма неопределенные ответы: «в близость к российским границам и к крепостям...алтайских зенгорцев не допускать», но — в то же время — и не отгонять оных от них» [4, л. 10].

А тем временем военное противостояние между Джунгарским ханством и цинским Китаем закончилось не в пользу первого. Разгром Цинской империей своего давнего противника и начавшееся вторжение маньчжурских завоевателей в «ойратские владения», в т. ч. и в кочевья южных алтайцев (номинально значившихся в их составе — Н.М.), побуждают почти всех глав племен и родов Горного Алтая обратиться к командованию Колывано-Кузнецкой военной линии с настойчивыми просьбами о принятии их со всеми подвластными им людьми в русское подданство. Так, летом 1755 г. с таким прошением обратился зайсан Кайсан Бектешев к драгуну И. Шаболину, находившемуся в то время в кочевьях таутелеутов. «По согласованию зайсанов...Буктуша Кумекова, Намукая Малаева и прочих, всего одиннадцати человек, — говорил проситель, — во убеждение от подданства мугальского, все мы имеем ревностное желание с людьми своими в подданство Ея императорского величества быть и ясак, противо прочих, ежегодно платить». Тот же К. Бектешев, по словам И. Шаболина, сообщил ему о том, что еще семь алтайских зайсанов хотят обратиться с такою же просьбой к русским властям [4, л. 62].

Летом того же, 1755 года в Бикатунской крепости появились и посланцы телесов. Они сообщили Ф. Дегарриге о том, что «зюнгорского владения пятнадцать зайсанов со своими волостями имеют прилежное желание быть в подданстве Ея императорского величества». Однако свершению их желания препятствуют «мунгалы» [4,

л. 62]. Вскоре о появления последних на Южном Алтае, русские власти узнали воочию: в августе 1755 г. им «доподлинно стало ведомо, что на реке... Чуя стоит мунгальское войско... в три тысячи человек да на реке Береле... две тысячи, а в канских зенгорских волостях... триста человек и все они... склоняют алтайцев к принятию маньчжурского подданства, угрожая в случае отказа развоевать все их улусы» [6, с. 7].

Алтайские зайсаны и старшины, жившие в верхнем течении Катуни, а также по Чуе, Аргуту, Башкаусу и другим рекам, «убоясь разорения» и физического уничтожения, пошли со своими людьми на формальное (в силу указанных выше обстоятельств — Н.М.) «подчинение» маньчжурам. В числе такого рода «добровольцев» значились Омбо, Гендышка, Намкы, Буктуш, Бурут и др. О переходе «оных варваров» под власть богдыхана доложил последнему командующий маньчжурскими войсками на Алтае Цэнгунджаб [7, л. 10].

Однако дав «согласие мунгалам о признании ими богдыханского подданства», алтайские зайсаны и старшины, не мешкая, направили своих посланцев к русским. Так, спустя три месяца, в Чагырской крепости (на Колывано — Воскресенской военной линии — Н.М.) появился посланец зайсана Омбы — Мулла Абреимов. «С общего подчинения его урянхайцев и бухарцов согласия, — говорил он, — просил Омба принять его с подчиненными ему людьми, которых... посемейно до пятисот и более, в подданство Ея императорского величества, в которое... он, вступя... подати всякие платить желает». При этом Абреимов просил русские власти ускорить решение этого вопроса, поскольку «когда реки станут, тогда их всех... в китайскую землю без остатку погонят» [4, л. 61]. И это, наверное, было бы осуществлено «мунгалами» неизбежно, если бы не одно обстоятельство: в сентябре 1755 г. против Цинской династии восстал Амурсана, потерявший всякую надежду на то, чтобы с их помощью стать полновластным ханом единой Джунгарии. Однако это обстоятельство, отнюдь, не объединило его с алтайскими зайсанами. Последние, по-прежнему, продолжали борьбу как с «мунгалами», так и с ним. Он для них продолжал оставаться предателем «интересов» ойратов и коренных народов Саяно-Алтая. Поэтому военные действия алтайцев с ним и «мунгалами» продолжали иметь место в районе Телецкого озера, на Катуни и Семе [5, с. 113-114].

Встретив ожесточенное сопротивление алтайцев его отрядам, Амурсана прекращает в октябре 1755 г. с ними борьбу и выводит свои отряды в Джунгарию, справедливо опасаясь действий против себя крупного китайского войска, дислоцировавшегося в Южном Алтае. Но это, отнюдь, не принесло мира на алтайскую землю, ибо Цинская династия почти тут же напомнила ее населению о себе. Ей очень не хотелось, чтобы Амурсана примирился с алтайскими кочевниками. Дабы не допустить этого, Сын Неба приказывает командиру «южного своего войска» срочно вызывать алтайских зайсанов и старшин в «свое войско и отправить потом их в Китай». Представите-

ли алтайской родоплеменной верхушки вынуждены были (уступая силе — Н.М.) подчиниться ультиматуму. И они поехали в Пекин. В течение четырех месяцев там, согласно источнику, побывало около 20 человек. Принявший их там «Сын Неба» (император Цяньлун — Н.М.), пожаловал им чиновничьи титулы и соответствующие знаки отличия. А перед отъездом «алтайских делегатов» из столицы строго наказал им: быть готовыми поддержать своими войсками маньчжуров, которые весной 1756 г. пойдут войною на Амурсану [8, л. 1-3].

А русские власти тем временем продолжали, по-прежнему, хранить глубокое «молчание» по поводу обращений алтайских зайсанов и старшин о приеме их в русское подданство. Совсем по-иному вели себя в этой ситуации китайские отряды: они старались как можно дальше проникнуть вглубь Горного Алтая и силой принуждали местных «инородцев» подчиниться «своему влиянию». Учитывая это, а также продолжавшиеся настойчивые притязания китайцев «увести к себе» алтайцев, как бывших ранее подданных Джунгарского ханства, которое «ныне повержено Сыном Неба» и, в силу этого, утверждали китайцы, «алтайские варвары принадлежат, по праву победителя, правителю Поднебесной империи». В силу негативно складывавшихся для коренного населения Южного Алтая ситуации, алтайские зайсаны и старшины собирают на р.Кайрлук совет, который постановил: еще раз обратиться к русским властям о приеме их со своими подданными «в российскую протекцию» [5, с. 117]. В январе 1756 г. прошение с такой же формулировкой поступило от имени 13 алтайских зайсанов в Бийскую крепость и в Чагырскую крепость — от зайсана Омбы и других представителей алтайской родоплеменной знати [4, л. 169-171].

Аналогичного рода прошения о приеме алтайцев в русское подданство передавались ими также административным лицам или военным, в силу обстоятельств оказавшимся в алтайских кочевьях. Таковое, к примеру, было передано в феврале 1756 г. капитану Таракановскому представителями Каракольской волости, ведомства зайсана Намыка Малаева [4, л. 213]. 15 февраля того же года прошение от имени 12 алтайских зайсанов (под властью которых «находилось 1500 юрт») уже им лично было передано командующему Колывано-Кузнецкой военной линией полковнику Дегарриге [4, л. 217].

В разгар этих дипломатических сношений русским властям становится известно о новом вторжении цинских войск в Горный Алтай. Об этом в начале марта сообщили в Бийскую крепость посланцы зайсанов Буктуша, Бурута, Намыка, Намыка, а в Усть-Каменогорску крепость такие вести доставил посланец зайсана Гулчугая (Кулчугая), в Чакырскую крепость — люди зайсана Омбы — Алтай Мабырашев и бухарец Абреимов [2, с. 69]. Несколько раньше (в феврале 1756 г.) люди Омбы известили о наступлении китайцев и капитана Тесницкого. В беседе с ним они сообщили, что «прибыли к ним» в Кансскую волость «от китайского державца 30 человек и объявили,

что позади них идут войска для взятия их в китайское владение» [2, с. 69].

Разворачивавшиеся на Алтае события поставили русское правительство в крайне затруднительное положение. Во-первых, налицо была угроза распространения цинской экспансии за пределы Джунгарии. Но имевшимися в данном регионе российскими воинскими силами предотвратить агрессию Цинской династии не представлялось возможным. Во-вторых, весьма сложным и проблематичным делом являлось взятие алтайцев, бывших данников Джунгарии, под свою защиту. Надо полагать, что именно этими обстоятельствами была порождена 13 ноября 1755 г. Коллегией иностранных дел директива, предписывающая и гражданским, и военным властям не «вступаться в ойрато-маньчжурские междуусобные ссоры и ни одного против другого не оборонять» [4, л. 37-38].

Видя затруднения и нерешительность русских властей, цинские отряды начинают проявлять еще большую активность в достижении своих экспансионистских целей. Принуждение «алтайских инородцев» к принятию китайского подданства, грабежи, массовые угоны в плен мирного населения, насилия и убийства ни в чем неповинных жителей стали обычным явлением тех дней в Южном Алтае. Не дождавшись покровительства со стороны русских властей, алтайцы снова вынуждены были взяться за оружие и выступить на защиту своей свободы, независимости и своих владений. В этом противостоянии китайским войскам особенно преуспели отряды Омбо, Гулчугая, Бобоя и других алтайских предводителей, которых китайский император Цяньлуун объявил своими личными врагами, осмелившимся оказать сопротивление цинским войскам, за это к ним, подчеркнул он, «нельзя проявлять снисходительность» [9, с. 72]. Но выполняя это повеление Сына Неба, командующий китайскими войсками в Горном Алтае Хадаха проявил некоторую «медлительность», чем вызвал «справедливый гнев» Цяньлууна. «Почему, — грозно вопрошал он, в своем приказе, направленном Хадахе, — не пойманы главные разбойники Омба, Кутук и прочие? И требовал выполнить его приказ немедленно [9, с. 74].

Выполняя его, т.е. разыскивая «личных врагов Сына Неба», цинские отряды все глубже внедрялись в просторы Горного Алтая. Преследуемые противником алтайцы уходят к границам Русского государства, а часть их скрывается в глухих, труднодоступных местах. Посланник зайсанца Буктуша — алтайец Кайсан Бектешев, — прибывший в мае 1756 г. в Бийскую крепость, передал полковнику Дегарриге прошение своего владельца о приеме его в российское подданство, а также сообщил «высокому начальнику» о наступлении китайцев, от которых его соплеменники разбежались «по разным уроцищам» [2, с. 69].

Те же, кому не удалось уйти от преследователей, стараются вести двойную игру. Под предлогом, якобы обсуждения условий приема китайского подданства, они намереваются выиграть время, надеясь на положительное решение их просьб русскими властями. Однако китайское командо-

вание не проявляет доверия к такого рода заявлениям и настаивает на своем. Тайно прибывший весной 1756 г. в Бийскую крепость алтайец Аксак Едженин поведал там о том, что к его зайсану Номкы «из китайского войска присылаются послы и просят со всех... двенадцати зайсангов алман». Кроме того, они намерены «взять тех зайсангов с их людьми с тех мест, где ныне они кочуют, в свою землю», а коль они откажутся переходить, то их всех «перевешают на березах» [4, л. 326].

Используя любую возможность, зайсаны и старшины вновь и вновь направляют русским властям свои прошения о приеме их в подданство России. Одно из таковых было направлено 9 марта 1756 г. сибирскому губернатору В. А. Мятлеву [4, л. 218-220]. Не получив от него должного ответа, зайсаны обращаются 6 апреля 1756 г. (через Сибирского губернатора В. А. Мятлева — Н.М.) с прошением в Коллегию иностранных дел [4, л. 283]. Не зная, какой ответ она даст, алтайские кочевники, искащицы защиты от геноцида маньчжуро-китайских отрядов, стали самовольно приковывать к русским укрепленным пунктам и селиться около них. Такого рода сведения поступили весной 1756 г. в Томск от командования Чагырской, Усть-Каменогорской и других русских крепостей [10, л. 199].

Взвесив все «за» и «против», российское правительство принимает решение о приеме алтайских кочевников в «русскую протекцию». Это решение было закреплено указом от 2 мая 1756 г., в котором были обстоятельно изложены условия и порядок приема алтайцев в российское подданство. В соответствии с правительственныйным указом, Сибирской администрации разрешалось принимать алтайских «инородцев» в российское подданство даже в том случае, если они, «придя в нашу протекцию» не хотят покидать свои кочевья и переселяться в другие места. В этих случаях, подчеркивалось в указе от 2 мая 1756 г., «оным зенгорцам» полагалось не только не отказывать в приеме в «нашу протекцию», а приняв «в оную, разрешать им кочевать по своим, вышеозначенным рекам или в других местах внутри [нашей] границы». Особое внимание местная администрация обязана была обращать на принятие соответствующих мер, дабы «наши новоподанные зенгорцы были китайской стороной оставлены в покое» [11, с. 27].

С 1 июня 1756 г. в крепостях, форпостах и редутах Колывано-Кузнецкой военной линии начался прием алтайских кочевников в русское подданство. Маньчжуры, видя, что алтайские кочевники уходят от них в «русскую протекцию», все делали для того, чтобы не дать им возможности приблизиться к российской границе. Для этого, маньчжуро-китайские отряды поставили заслоны в районе Черного Иртыша, в нижнем течении р. Буянту и по ее притокам, а также прочесывали местность «южного направления». Нередко отдельные части цинских войск приближались к русским крепостям и требовали от их командования выдачи им пропущенных за русские кордоны алтайцев. Но, несмотря на предпринимаемые меры,

маньчжурским завоевателям не удалось сдержать натиск и стремление отчаявшихся «в несчастиях бывших алтайских зенгорцев» уйти в российские пределы. Несмотря на все препоны, выставляемые ими на пути алтайцев, последние ушли, таки, под «высокую руку Ея императорского величества». Согласно официальным данным правительства, к концу сентября 1756 г. российское подданство приняла основная масса алтайского кочевого населения. По донесениям российских

властей (гражданских и военных) положение «новоподданных было крайне тяжелым»: у большинства из них не было ни скота, ни имущества, а порой и даже одежды. Все, как сообщали по инстанции официальные переписчики «зенгорцев», что у них можно было взять — маньчжуро-китайские отряды взяли, а то, что они не могли забрать с собой — «разорили и уничтожили безостатку» [11, с. 30].

Библиографический список

1. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. — Л., 1969.
2. Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XYII-XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996.
3. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 113. Оп. 1. Д. 1.
4. Там же. Д. 4.
5. Самаев Г. П. Горный Алтай в XYII — в середине XIX в. Горно-Алтайск, 1991
6. Модоров Н. С. У истоков дружбы. Горно-Алтайск, 1989.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 126. Оп. 1. Стлб. 1.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Ч. 1. Д. 537.
9. Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983.
10. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 43.
11. Тадыев П. Е. Поворотный пункт // Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 07.02.09.

Modorov N.S.

TAKE OUT CITIZENSHIP OF RUSSIAN STATE THE NATIVE PEOPLES MINING ALTAI IN 1756 YEAR

In article, the paper written and archive materials throw light the process take out citizenship of Russian State the native peoples Mining Altai in 1756 year.

Mining Altai, Djungaria, China, war, manchgurian conquerors, aggression, native peoples, take out citizenship

УДК 902

H. N. Ложкина

ПОЛИТИКА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1965—1985 гг.

В статье на основе архивных и опубликованных материалов освещаются некоторые особенности функционирования социальной инфраструктуры Горно-Алтайской автономной области. Показывается изменение благосостояния народа, уровень бытового, торгового и пенсионного обслуживания населения.

пенсионное обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, торговля, доходы населения, благосостояние.

Задача повышения благосостояния народа всегда провозглашалась партией главной в социальной политике. Съезды КПСС требовали осуществлять глубокий поворот экономики к решению многообразных задач повышения материальной обеспеченности населения. Определенные закономерности социального развития, характерные для всего государства можно проследить на примере системы социального обеспечения одного региона, в частности, Горного Алтая.

Система же пенсионного обеспечения в Горно-Алтайской автономной области осуществлялась главным образом, через отдел социального обеспечения (собес), входивший в структуру Горно-Алтайского облисполкома, которому подчинялись городской и районные отделы соцобеспечения. Их работники обязаны были в течении года прове-

рить все предприятия, организации и учреждения, выплачивавшие пенсионные пособия работающим инвалидам. Кроме того, они должны были проверять все отделения связи, что давало им возможность вовремя обнаружить ошибки, недостатки в выплате пенсий. Большая роль в этой работе принадлежала группам общественных контролеров, которые были созданы почти во всех отделах. Так, группой общественных контролеров по подготовке пенсионных дел на комиссию (в составе 5 человек), было проверено 539 пенсионных дела за 1969 г., а за 1970 г. — уже 614 [1, л. 47, 145].

Для улучшения пенсионного обслуживания трудящихся повсеместно создавались комиссии по пенсионным вопросам, которые в 1968 г. имелись на 59 промышленных предприятиях и со-

входах. Они проводили большую работу по подготовке документов лицам, уходящим на пенсию, трудовому устройству и материально-бытовому обслуживанию пенсионеров.

Большую помощь отделам соцобеспечения оказывали нештатные инспектора, которых в 1968 г. имелось 522 человека. Их силами производилась встречная проверка документов о стаже и заработке. Они занимались так же обследованием пенсионеров на дому, их трудоустройством, проводили мелкие «кустовые беседы по Закону» о государственных пенсиях. Кроме того, за 1969 год отделом было проведено 3 семинара с общественными инспекторами и со счетными работниками [2, л. 10]. Проводили они и вечера разъяснений по вопросам, возникавших по пенсионному законодательству.

В соответствии с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1967 г.) «О мерах по дальнейшему повышению благосостояния Советского народа», с 1 января 1968 г. размер пенсий инвалидам Великой Отечественной войны 1-й и 2-й групп, должен был повыситься на 15 руб., а инвалидам 3-й группы — на 30 руб. Кроме того, с 1 января 1968 г. снижался на 5 лет возраст, дающий право выхода на пенсию по старости работникам отдельных профессий текстильной промышленности с повышенной интенсивностью труда. Очень важным было и другое мероприятие — снижение возраста для назначения пенсий рабочим и служащим, работавшим на Крайнем Севере или в местностях, приравненных к Крайнему Северу. Так же были устранены некоторые различия, имеющиеся в пенсионном обеспечении колхозников, по сравнению с рабочими и служащими. Женщины — колхозницы шли на пенсию по старости по достижении 55 лет, а мужчины — 60 лет. Более чем в 1,5 раза повышались минимальные пенсии членам колхозов по инвалидности (1-ой группы), и на 30% — 2-ой группы. Были введены пенсии для колхозников по инвалидности (3-ей группы) вследствие трудовогоувечья или профессионального заболевания.

Коренным образом улучшилось пенсионное обеспечение колхозников после вступления в силу постановления Совета Министров СССР «О государственном обеспечении и социальном страховании председателей, специалистов и механизаторов колхозов». В соответствии с ним, с 1 октября 1964 г. наиболее квалифицированные кадры колхозов были уравнены в правах с рабочими и служащими совхозов. С 1 января 1965 г. право на пенсию по старости и пособия по временной нетрудоспособности получили и остальные члены колхозов, а с 1 июня 1965 года — и бывшие члены колхозов, земли которых были переданы совхозам. Словом, улучшение пенсионного обеспечения благотворно сказалось на общем уровне жизни трудящихся области. В 1967 г. пенсию получали 13747 рабочих и служащих, а в 1970 г. — 16743 чел. За годы девятой пятилетки реальные доходы населения выросли на 48% и составили в 1975 г. — 961 руб. на одного жителя. Возросла и месячная оплата труда колхозников с 93 до 141 руб. [2, л. 2-8].

Из года в год росли в Горно-Алтайской области ассигнования на выплату пенсий и пособий. Так, за 1967 г. общая сумма выплат по всем контингентам составила 6386 тыс. руб., а в 1968 — 6870 тыс. руб. Росла и численность получателей пенсий и пособий в области. Если на 1 января 1967 г. их число составило 25724 чел, то на 1 января 1968 г. их было уже 26183 человека, а на 1 ноября — уже 27595 человек, [3, л. 6] т. е. получается, что каждый седьмой житель области получал пенсию или пособие от государства.

Несмотря на свою активную деятельность, отделы соцобеспечения имели и недостатки в работе. Например, отрицательно сказывалось на их работе большая текучесть кадров. Так, за 1968 г. сменилось 14 работников, из них 9 чел. уволилось по собственному желанию, 3 чел. были выдвинуты на другую работу и 2 чел. — освобождены, в связи с уходом на пенсию. Существовала проблема переплат и недоплат пенсий. Основными причинами этого являлись: во-первых, ошибки работников отделов, вследствие слабого знания пенсионного законодательства и невнимательного, а порою и безответственного отношения отдельных работников к своим служебным обязанностям. Во-вторых, общественные контролеры из числа пенсионеров не всегда выполняли свои обязанности по проверке пенсионных дел.

Итак, анализ источников показывает, что в интересующее нас время шло увеличение мер по дальнейшему повышению благосостояния пенсионеров. Например, для них строились дома и ремонтировались квартиры. Так, согласно отчету о выполнении плана практических мероприятий за 1964 г., помощь с топливом была оказана 553 семьям, выданы ссуды на новое строительство (в размере 600 руб.), выделено земли под огороды — 44 га., оказана помощь в обработке огородов — 1278 семьям [4, л. 2]. Таким образом, социальное обеспечение пенсионеров в Горно-Алтайской области поднялось в 60-е гг. на более высокий уровень.

Качество жизни людей в значительной степени определялось и определяется их жилищными условиями, а именно, объемом предоставляемой им жилплощади, качеством жилищно-коммунальных услуг, оказанием бытовых услуг и т. д. По данным статистического управления Горно-Алтайской автономной области, весь городской жилищный фонд общей (полезной) площади на 1970 г. составлял 290 тыс. кв. м, в том числе обобществленный — 147,8 тыс. кв. м. Примерно в таком же объеме был и жилищный фонд, находящийся в личной собственности граждан — 142, 2 тыс. кв. м. Если провести параллель с 1975 г., то мы увидим, что за пять лет городской жилищный фонд значительно вырос: весь достиг — 403 тыс. кв. м, обобществленный — 220,2 тыс. кв. м, находящийся в личной собственности граждан — 183,7 тыс. кв. м [5, с. 60-68].

За годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.) всего в Горно-Алтайской автономной области было построено 247,9 тыс. кв. м общей полезной площади. Немало было сделано в этом плане государственными и кооперативными предприятиями

и организациями: ими было построено в 1971–1975 гг. 191,3 тыс. кв. м, а за счет индивидуального жилищного строительства — 56,6 тыс. кв. м. Это говорило о том, что населению области, да и страны в целом, проще было встать в очередь и получить квартиру от государства, чем строить самому. В 70-х г. примерно каждая пятая семья могла получить новую квартиру. Примером неуклонного роста капитального строительства могла служить работа треста «Горно-Алтайскцелистрой», который за 1967–69 гг. увеличил объем работ на 40%. Особенно значительный прирост он получил в 1969 г.: он вырос по сравнению с 1968 г. объем возрос на 34% [6, л. 71]. Эти показатели говорят о том, что в нашей области из года в год росли объемы строительства, увеличивался ввод жилого фонда и культурно-бытовых объектов.

Однако, несмотря на высокие темпы роста и улучшение показателей жилищных условий, имелись и некоторые недостатки. Например, в вопросе роста жилого фонда области было еще много нерешенного. Прежде всего, незавершенность строительства жилья. Это объяснялось острой нехваткой отделочного материала: леса, цемента, альбастра, краски, кистей и т. д. В столярно-плотницком цехе часто не хватало фурнитуры: петель, угольников, шурупов, шарниров. «Росли» дома в Горно-Алтайске, но «росли», как правило, до крыши, а потом годами «смотрели» на мир пустыми окнами» [7].

Жилищно-коммунальное хозяйство было и есть неотъемлемая часть городской среды обитания. Его развитие напрямую связано с решением жилищной проблемы городского населения. К основным показателям роста жилищно-коммунального хозяйства всегда относились и по сей день относятся: увеличение жилого фонда, его благоустройство, а значит и комфортность, оказание населению коммунальных услуг [8, с. 48]. По ним мы и оцениваем его деятельность во все времена.

Немаловажным показателем в этом плане было и остается оказание коммунальных услуг «на душу населения». Он же с каждым годом возрастал. Так, в 1972 г. их оказывалось на 615 тыс. руб. или на 34% больше, чем в 1970 г. Выросла в эти годы и протяженность водопроводной сети: в 1970 г. она составила 12,5 км, а в 1975 г. — 31,8 км [6, л. 71]. Все вопросы по снабжению населения области водой решал в те годы трест «Алтайводстрой». Росло в интересующие нас время и число газифицированных квартир в городе и поселках городского типа: на 1970 г. их было 3 тыс., а в 1975 г. — 8,1 тыс. В этот период газификация стала активно проникать и в сельскую местность. Так, в 1970 г. — было газифицировано 1,4 тыс. квартир, а в 1975 г. — уже 11,4 тыс. За 1973 — 1974 гг., а точнее, за 3 года и 9 месяцев девятой пятилетки в развитие коммунального хозяйства было вложено около 5 млн. руб., что позволило построить 3 электростанции мощностью 2630 кВт, 87 км электрических и 24 км водопроводных сетей, баню, 2 гостиницы, газифицировать 16100 квартир, ввести в эксплуатацию хозфекальную канализацию и другие объекты. Население области получило в это

время коммунальных услуг в денежном выражении на 4,2 млн. руб. [9, л. 59].

Однако наибольшее развитие коммунальная энергетика получила в годы десятой пятилетки (1975—1980 гг.). В это время 6 районов области было подключено к государственной энергосистеме. В г. Горно-Алтайске постоянно велась работа по реконструкции электрических сетей, замена воздушных линий электропередач на кабельные сети, замена всех опор ЛЭП. Велась регулярная работа и по оборудованию уличного освещения. На начало 1982 г. протяженность коммунальных ЛЭП составляла около 400 км со 120 трансформаторными подстанциями [10, л. 63].

Но работа по жилищно-коммунальному благоустройству сталкивалась с немалыми трудностями. Так, в зимнее время во многих квартирах, особенно первого этажа, комнатная температура редко поднималась выше 14 градусов. Самой большой бедой для коммунальщиков была канализация и водоснабжение. Зачастую жителям города приходилось набирать воду в открытых водоемах или из собственных домашних колонок. В плачевном состоянии находились подвалные помещения домов. Из-за несвоевременной вывозки нечистот канализационные воды проникали в подвал, где у многих жителей хранились овощи и разные вещи.

В силу всего вышесказанного вопросы бытового обслуживания населения и занимали первостепенное место в работе отделов соцобеспечения. Как отмечал в свое время В. А. Калмык, развитие сферы бытовых услуг являлось важным условием более полной реализации платежеспособного спроса населения, удовлетворения его растущих материально — бытовых потребностей, рационализации домашнего труда, сокращения различий в уровнях жизни городского и сельского населения [11, с. 390].

Показателем уровня бытового обслуживания являлась реализация бытовых услуг населению в расчете на одного человека в год. Так, в 1965 г. объем услуг составил 5 руб. 50 коп. В 1968 г. он возрос до 9 руб. 98 коп., в т. ч. по городской местности он возрос с 12 руб. 11 коп. до 20 руб. 19 коп., а по сельской — с 3 руб. 52 коп. до 6 руб. 96. коп. Главным направлением в работе предприятий службы быта было создание производственной базы и расширение видов услуг населению. За 1965—1968 гг. сеть предприятий бытового обслуживания возросла с 205 до 237 или на 32 единицы. Постоянно совершенствовалась работа разъездных мастерских, которыми обслуживалось около 200 населенных пунктов. Фактический объем бытовых услуг по всем организациям и ведомствам за 1968 г. составлял по области 1674 тыс. руб. т. е. возрос против 1965 г. на 744 тыс. руб. или в 1,8 раза [9, л. 119].

Объем бытовых услуг в 1972 г. возрос по сравнению с 1970 г. на 735 тыс. руб. или на 34%. Особенно заметно возросло предоставление бытовых услуг в Турачакском районе на (36%), Улаганском (в 1,9 раз), и Кош-Агачском (в 1,7 раз). В 1974 г. населению области предоставлялось около 400 видов услуг. Их объем в расчете на

одного жителя возрос на 4 руб. 40 коп., и составил в 1972 г. 21 руб. 40 коп. [6, л. 82]. Расширилась так же тогда сеть приемных пунктов и домов быта. Для улучшения условий их работы из состава областного управления была выделена в самостоятельную организацию «Рембыттехника», которая была призвана проводить ремонт сложной бытовой техники, имевшейся у населения.

Но не все гладко обстояло и в этой сфере обслуживания населения. Главной причиной всех ее проблем был недостаток специалистов. С другой стороны, сеть предприятий бытового обслуживания была развита недостаточно, виды услуг ограничены, культура обслуживания и качество выполняемых работ были низкой. Слабо была развита транспортно-экспедиционная служба. Наконец, областное управление бытового обслуживания, райисполкомы слабо решали вопросы по подготовке и повышению квалификации рабочих, и другие проблемы.

Как известно за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.) реальные доходы населения Горно-Алтайской автономной области возросли на 48% и составили в 1975 г. 961 руб. на одного жителя. Особенно быстрыми темпами росли доходы сельского населения, это было связано с переходом на денежную оплату труда в колхозах, а также с общим увеличением заработной платы работников сельского хозяйства. Так, месячная оплата труда колхозников возросла с 93 до 141 руб. [12, л. 27]. Это нашло свое выражение и в увеличении покупательского спроса населения, что способствовало увеличению розничного товарооборота, изменению его структуры и дальнейшему развитию торговой сети.

Для Горно-Алтайской автономной области, особенно для ее горных районов, торговое обслуживание в означененный период являлось наиболее актуальным. Это диктовалось тем, что уровень сферы обслуживания в данном регионе по многим отраслям был значительно ниже, чем в среднем по СССР. Хозяйственная специализация области на отгонно-пастбищном животноводстве диктовала необходимость организации сети сезонно-обитаемых населенных пунктов, что в свою очередь вызывало необходимость получения различного рода услуг на местах приложения тружениками своего труда, т. е. на стоянках.

Основными торговыми организациями на территории Горного Алтая в 1965-75 гг. являлись областной потребительский союз, Горно-Алтайский торг, отделы рабочего снабжения Минлесхоза, продснабы, Союзпечать, Аптекоуправление, Книготорг, Управление дороги «Бийск—Ташанта». Необходимо отметить, что колхозная торговля большого распространения не получила и была представлена Горно-Алтайским колхозным рынком. Сельские районы обслуживала самая большая торгующая организация — облпотребсоюз, который объединял Майминский, Шебалинский, Турачакский, Онгудайский, Усть-Канский, Усть-Коксинский, Кош-Агачский потребительские союзы и Улаганское потребительское общество. В Горно-Алтайске и в рабочих посел-

ках торговое обслуживание в основном осуществляли Горно-Алтайторг, Акташский и Веселовский продснабы [13, с. 107].

В общей структуре розничного товарооборота на долю кооперативной торговли приходилось 59,2%, остальная часть — 40,8% распределялась между государственными торговыми организациями. Общей тенденцией в структуре предприятий розничной торговли являлся рост числа специализированных магазинов. В 1970 г. в системе облпотребсоюза из 487 магазинов имелось 5 крупных районных универмагов и 70 магазинов по торговле промышленными товарами, 143 по торговле продовольственными товарами и 192 магазина по торговле товарами повседневного спроса. За 1966—1970 гг. в потребительской организации увеличилось число книжных магазинов (с 19 до 26), магазинов хозяйственных товаров (с 25 до 35) и магазинов самообслуживания (с 26 до 44) [14].

Торгующие организации исходя из специфики сельскохозяйственного производства, связанной с отгонно-пастбищным животноводством, ставили перед собой задачи именно по удовлетворению потребностей животноводов в необходимых товарах повседневного спроса на стоянках. В связи с этим, развозная торговля, как форма торгового обслуживания, приобретала особое значение. Работников отгонно-пастбищного животноводства обслуживали в то время 41 автолавка, 31 конная развозка, на чабанских стоянках работали 51 ларёк без продавца. Большая удалённость сезонно-обитаемых пунктов, особенно в зимний период, плохие транспортные условия не позволяли полностью удовлетворить потребности животноводов в товарах повседневного спроса.

Оценивая общий уровень торгового обслуживания, можно отметить и некоторые недостатки. Например, не было уделено должного внимания рациональному использованию передвижных средств обслуживания, т. е. отсутствие точного маршрута движения каждой автолавки, которая доставляла животноводам товары повседневного спроса. Регион испытывал недостаток в продуктах питания, простейших товарах промышленного производства. Домашний бытовой уклад большинства населения продолжал носить доиндустриальный характер [8, с. 45]. Не была решена и задача обеспечения населения качественной продукцией, что самым непосредственным образом влияло на зависимость трудящихся, как Горно-Алтайской автономной области, так и Сибири в целом, от товарных рынков европейской части страны и импорта товаров из-за границы.

Кооператоры облпотребсоюза активно внедряли новую форму обслуживания животноводов — торговлю через автопоезд, — которая позволяла полнее удовлетворять потребности населения. Городские и сельские жители все в больших объемах стали приобретать мебель, радиоприемники, телевизоры, музыкальные инструменты, мотоциклы и автомобили.

Анализируя политику, проводимую в сфере социального развития Горно-Алтайской автономной области, можно сделать вывод, что в обо-

значенный период шло некоторое увеличение материального потенциала населения. Пенсионное обеспечение поднялось на качественно новый уровень, превратившись в единую государственную систему, которая занималась дифференцирован-

ным обеспечением граждан, исходя из особенностей их трудовой деятельности. Произошли так же качественные изменения в жилищно-коммунальном, бытовом и торговом обслуживании населения нашего региона.

Библиографический список

1. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПД РА). Ф. 48. Оп. 5. Д. 113.
2. Там же. Д. 111.
3. Там же. Д. 113.
4. Там же. Д. 106.
5. Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Стат. сб. — Горно-Алтайск, 1982.
6. КПДА РА. Ф. 33. Оп. 6. Д. 455.
7. Пешков, Ю. Дома с пустыми окнами. — «Алтайская правда». 1969. 21 августа.
8. Куксанова, Н. В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960—1970 гг. / Н. В. Куксанова. — Новосибирск: Наука, 1994.
9. Там же. Д. 529.
10. Там же. Ф. 1. Оп. 50. Д. 46.
11. Калмык, В. А. Социально-экономическое развитие села / В.А. Калмык, Р. В. Рыжкина, Л. А. Хахулина. — Новосибирск: Наука, 1987.
12. КПДА РА. Ф. 33. Оп. 6. Д. 643.
13. Малахов, О. А. Сельское расселение в горных районах и территориальная организация торгового обслуживания населения (на примере Горно-Алтайской автономной области). / О. А. Малахов // Некоторые проблемы географии горного Алтая. — Барнаул, 1975.
14. Трунов, Н. Товарооборот и его проблемы. // Звезда Алтая. 1970 г. 6 июня.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 17.02.09.

logkina N. N.

SOME ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT OF GORNY ALTAI IN 1965-1985

In the article, on the basis of archival sources and published materials, some aspects of social infrastructure, functioning in autonomy Gorny Altai, are studied. The change of social well-being, household, commercial and pension service is also shown here. The author made an attempt to define some patterns of social development of mentioned region, according to the patterns that were typical for the country in whole.

pension service, housing-municipal economy, conditions service, trade, returns of people, well-being.

УДК 902

Д. С. Орлов

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В 1976—1985 ГГ.

Статья посвящена проблемам развития сельского хозяйства Алтайского края. Рассматриваются такие магистральные направления интенсификации аграрного производства как химизация, мелиорация, механизация и электрификация.

Алтайский край, сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, химизация, механизация, электрификация, мелиорация.

Аграрная политика Советского государства в рассматриваемый период была направлена на укрепление материально-технической базы сельскохозяйственного производства и его интенсификацию. Перевод сельского хозяйства с экстенсивного на преимущественно интенсивный путь развития, естественно, требовал увеличения капиталовложений и повышения эффективности их использования. Среди основных направлений интенсификации и укрепления материально-технической базы сельского хозяйства органами государственной власти были определены электрификация, механизация, мелиорация и химизация.

Предшествующие, рассматриваемому периоду, годы принесли значительные изменения в техническое оснащение совхозов и колхозов края. Наряду с увеличением капитальных вложений, важнейшее значение для развития материально-технической базы сельского хозяйства имело увеличение потребления колхозами и совхозами

электроэнергии. Это было связано с поступлением в сельское хозяйство значительного количества энергоемких машин и более мощного электрооборудования. В связи с тем, что край не в силах был обеспечить сам себя необходимым количеством электроэнергии, возникла закономерная необходимость получения электроэнергии из-за пределов региона. Благодаря активным действиям краевых властей, 30 июня 1976 г. была введена в строй линия электропередач — ЛЭП-500 — Барнаул — Новосибирск, которая включила Алтайский край в единую энергосистему Сибири и Дальнего Востока [1, л. 6]. Это позволило существенно повысить потребление им электроэнергии. Так, если в 1975 г. оно составило 915,3 млн. кВт/ч, то в 1984 г. — уже 1884,0 млн. кВт/ч. Это позволило значительно повысилась и энерговооруженность, в расчете на 1 хозяйство, с 1400 до 1848,9 тыс. кВт/ч, а также энерговооруженность на одного среднесписочного работника —

с 2,52 до 2,84 тыс. кВт/ч. Выросла на 30% и обеспеченность электроэнергией, в расчете на 100 га пашни, — с 12,4 до 16,3 тыс. кВт/ч. Словом, уровень электрификации сельскохозяйственного производства в крае достиг к концу XI пятилетки 96,5%. Однако была и небольшая недоработка в этом плане: 24 хозяйства Горно-Алтайской автономной области не были подключены к государственно энергосистеме, в силу чего, они вынуждены были пользоваться электроэнергией, получаемой ими от маломощных дизельных электростанций. В связи с подключением к «сибирской» энергосистеме, возрос и уровень электромеханизации трудоемких процессов в животноводстве края. Так, в 1984 г. он составил: в молочном животноводстве 79%, в мясо — 56, в свиноводстве — 50, в птицеводстве — 86 и в овцеводстве — 5% [2, л. 95].

Несмотря на безусловный успех, было и немало проблем. Одной из них была организация раздельного учета электроэнергии. Чтобы внедрить ее, край должен был иметь около 600 тыс. шкафов учета электроэнергии. При их поставке 500 шт. в год, решение этой проблемы откладывалось на сто с лишним лет [3, л. 194].

Проблемы электрификации сельского хозяйства решались, как известно, в различных инстанциях. Но руководящим для них являлось лишь постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему развитию электрификации сельскохозяйственного производства», принятое в 1979 г. Руководствуясь им, бюро Алтайского года крайкома партии приняло 27 июня 1979 г. свое постановление [3, л. 194]. Реализуя его, крайисполком создал в январе 1980 г. в Бурлинском районе РО «Сельхозэнерго», которое стало обслуживать все районы. Для этого были построены 2 подстанции в с. Новосельское и Орехово мощностью 2,5 тыс. кВ/а и 12 комплексных трансформаторных подстанций мощностью 3,893 кВ/а. Однако на полную мощность работать они не могли, поскольку в районе не хватало осветительной аппаратуры, кабеля и электромоторов. Невысока была и обеспеченность специальной техникой: она равнялась всего 50% [3, л. 6, 7].

Однако райотделения «Сельхозэнерго» были созданы не во всех районах края: их не было в Кытмановском, Краснощековском, Романовском и других районах [3, л. 10, 11, 16, 17, 26, 27]. Это было связано с тем, что данные районы находились, вблизи крупных городов, которые и обслуживали их на «паевых условиях». Именно таким образом обслуживало Бийское межрайонное «Сельхозэнерго» 17 хозяйств Бийского и Зонального районов (13 совхозов и 4 колхоза). Оно комплексно обслуживало их электроустановки, выполняло электромонтажные работы, капремонт электро — и — теплотехнического оборудования [4, л. 77].

Но, решив проблему с райотделениями «Сельхозэнерго», власти не могли решить другую — ликвидировать нехватку квалифицированных кадров [3, л. 30-31]. Она ощущалась в Алейском, Солонешенском, Краснощековском и Ребрихинском районах. Лишь в Мамонтовском, Завьяловском и Ха-

барском районах монтеры и энергетики были на всех участках [3, л. 20-23, 37-38, 60-61].

«Бичом» почти всех электросетей была и остается большая их загруженность, что приводило к частым «внеплановым отключениям». Так, в Ребрихинском районе за 1976—1980 гг. таких было 249, общая продолжительность которых составила 656 часов [3, л. 60-61]. Частыми были отключения в Петропавловском и других районах. Это был результат повышенного (почти вдвое) энергопотребления, в то время как пропускная способность электролиний и подстанций не соответствовала нормам. Иначе говоря, большая часть электролиний и трансформаторных подстанций края нуждались в капитальной перестройке [3, л. 18-19].

Другой проблемой была большая протяженность ЛЭП. Так, в Кытмановском районе она превышала норму почти на 50%. И, тем не менее, в районе было два хозяйства, которые не были подключены к районной подстанции. В силу этого, колхоз «Красное знамя» и совхоз «Тегунский» были вынуждены содержать маломощные топливозатратные дизельные электростанции [3, л. 10-11].

Несмотря на целый ряд «недоработок» и проблем, электровооруженность труда в сельском хозяйстве Алтайского края к 1978 г. выросла, по сравнению с 1970 г., в 2,3 раза, тогда как в среднем по РСФСР этот показатель равнялся — 3,2 раза, а в Западной Сибири — 2,8 раза. Согласно официальной статистике, в 1978 г. на одного работающего в колхозах и совхозах Алтая потреблялось электроэнергии (на производственные цели) меньше, чем в среднем по РСФСР на 16%, в Западной Сибири — на 28,5%, а в Кемеровской области — в 2 раза. В 1978 г., в колхозы и совхозы края поступило от государственных энергосистем только 93-94% всей потребленной электроэнергии, тогда как в целом по республике, в Новосибирской, Омской и Кемеровской областях этот показатель составил 100%. Много было в крае, по сравнению с соседями, дизельных электростанций (1183), общая мощность которых не превышала 45 тыс. кВт. На их обслуживании было занято большое количество работников, что вкупе с завозкой топлива на большие расстояния, обуславливало высокую себестоимость производимой в хозяйствах электроэнергии, что, в свою очередь, сказывалось на себестоимости продукции, производимой данными хозяйствами. Такого рода показатели, естественно, «ухудшили» общую картину «энерговооруженности» края. К примеру, по наличию энергетических мощностей (в л. с.) в расчете на 100 га посевных площадей, удельный вес Алтайского края в РСФСР снизился с 80% в 1975 г. до 68% в 1985 г. Не на высоте были мы по этому показателю и в Западной Сибири (80%) [5, с. 58-59].

Помимо электрификации, важным фактором интенсификации сельскохозяйственного производства была его механизация. В этот период выросли поставки техники и оборудования. Одной из проблем, с которыми пришлось столкнуться советским, партийным и сельскохозяйственным органам, было неквалифицированное обслуживание

сельскохозяйственной техники. Но, к началу XI пятилетки ситуация все же изменилась в лучшую сторону. С целью исправления ее, после принятия постановления крайкома и крайисполкома в 1979 г., в Алтайском крае было введено обслуживание и диагностика машинного парка специализированными звенями механиков-наладчиков. Так, в 1980 г. ими уже было охвачено 88% тракторов, 95% комбайнов и 50% автомобилей [6, л. 192]. В 1982 г. обслуживанием техники занималось уже 2282 звена мастеров-наладчиков. Ими было обслужено 43646 тракторов, 23035 зерноуборочных комбайнов, 14188 грузовых автомобилей. В 102 хозяйствах края была внедрена комплексная техническая диагностика 10732 тракторов [7, л. 119]. На 1 января 1984 г. в колхозах и совхозах края функционировало 598 мастерских (из них 402 типовых), 347 цехов по ремонту комбайнов (на 1366 мест), 573 СТО, 1917 теплых гаражей для 13852 тракторов, 519 центральных и 484 отделенческих машинных дворов, 862 нефтебазы (из них 408 типовых) [7, л. 101].

Другой проблемой было преждевременное списание сельскохозяйственной техники. Нормативный ресурс не вырабатывали многие машины и агрегаты. Хозяйства шли на списание, чтобы быстрее получить новую технику из государственных фондов. Например, в 1975 г. в крае было списано 246 тракторов, 277 зерноуборочных комбайнов и 151 силосоуборочный комбайн [8, л. 83].

В целях борьбы с преждевременным списанием техники, Совмин СССР принимает в ноябре 1975 г. специальное постановление, запрещавшее списывать технику ранее амортизационного срока, кроме аварийных случаев. Это несколько позволило ужесточить контроль за списанием сельхозтехники и оборудования. Так, в 1982 г. было списано всего 155 тракторов и 75 комбайнов [9, л. 125], хотя в том же году всего было списано 1488 других сельхозмашин на 2,855 млн. рублей [10, л. 196]. Причинами списания большого количества техники было не только небрежное отношение к ней, но и отсутствие у механизаторов заинтересованности в ее сохранности, а также, бесхозяйственность отдельных руководителей колхозов и совхозов. Среди объективных причин быстрого выхода техники из строя была нехватка теплых гаражей, мастерских и т.д.

С целью улучшить сохранность техники, с 1 января 1981 г. был введен новый ГОСТ на ее хранение. В соответствии с ним, на участке консервации техники температура воздуха не должна была опускаться ниже — 19, а влажность воздуха составлять не более 70%. Естественно, не везде эти правила соблюдались. Нормально обстояло дело с хранением техники в Советском, Благовещенском и Топчихинском районах, хуже — в Троицком и Тальменском.

А техника тем временем регулярно поступала в край. За годы X пятилетки он получил 22,3 тыс. тракторов и 14 тыс. комбайнов, что позволило повысить насыщенность хозяйств. Так, если в Горном Алтае в 1975 г. на одно хозяйство приходилось 27 тракторов, то в 1980 г. — 33, а в 1985 г. — уже 43 трактора, количество же грузо-

вых автомобилей увеличилось с 24 в 1975 г. до 40 в 1985 г. [11, с. 52]. И все же этого было мало для того, чтобы сократить сроки уборки урожая. Для этого автономии, Сибири в целом, необходимо было иметь обеспеченность хозяйств тракторами и уборочной техникой на 30 — 40% выше, чем в центральных районах РСФСР. Пока же там, в расчете на 1000 га пашни приходилось тракторов больше, чем на Алтае, в 1,5 раза, зерноуборочных комбайнов — на 17%. К тому техника на Алтае была старее, нежели в других регионах РСФСР [12, с. 12].

Немало нареканий вызывала новая техника, поступавшая в хозяйства, поскольку она зачастую нуждалась в ремонте. Как нельзя лучше высказался в свое время на этот счет главный агроном колхоза им. Крупской Топчихинского района Б. Н. Звягин: «Если хозяйство продает свою продукцию, то она проходит лабораторный анализ и, согласно качеству, устанавливается ее цена. А вот в хозяйства, выходит, можно везти технику, которую сразу же приходится ремонтировать... Не выдерживают критики и удобрения, не имеющие никаких стандартов. А цена на них такая же, как и на высококачественные» [13, л. 113].

Словом, критики в адрес производителей сельскохозяйственной техники и удобрений было в те годы много. Однако те, кого она касалась мало реагировали на нее, тем более, что государство все больший акцент делало на развитие объединений «Сельхозтехники». В соответствии с его распоряжениями, ее отделения были почти во всех районах. К примеру, только предприятия «Сельхозтехники» Горного Алтая ремонтировали за год 420 тракторов, 1000 грузовых автомобилей и 2,5 тыс. двигателей. К сожалению, ремонт техники осуществлялся (не только в области, но и в районах края — Д.О.) некачественно [14, л. 9-14].

Данная проблема, как и механизация сельскохозяйственного производства в области в целом, неоднократно рассматривалась на бюро областного комитета КПСС. К примеру, ремонт сельхозтехники в 1976 г. было предписано осуществлять специальными звенями мастеров-наладчиков. Были также приняты меры по улучшению работы областной «Сельхозтехники». Так, на Майминском СТО планировалось наладить ремонт и обслуживание животноводческого оборудования, а при каждом РО «Сельхозтехника» — создать службу диагностики машин. Но, как часто это бывает, часть предписанных решений была выполнена, а часть — нет. Например, к 1976 г. во всех районах появились службы диагностики машин, а вот звенья наладчиков даже к 1980 г. имелись не во всех хозяйствах [14, л. 5, 7, 8, 97 — 102].

Если говорить об уровне механизации в Алтайском крае, то он очень сильно отличался как по отраслям, так и по районам. Например, в Горном Алтае растениеводство было механизировано лучше, чем животноводство. Причины такого положения заключались в низком уровне организации труда в последнем, неполном использовании резервов, недостаточном количестве капиталовложений. Разница в уровне механизации в области была связана и с местными условиями содержа-

ния скота, с традициями и бытом населения. Так, в Кош-Агачском районе ведущей отраслью было овцеводство. Крупного рогатого скота было относительно мало и содержался он, как правило, в старых, неприспособленных помещениях. В Майминском же районе, наоборот, ведущей отраслью было разведение крупного рогатого скота. Здесь больше строили помещений для него, интенсивнее применялась в отрасли механизация. Говоря об отдельных успехах в механизации сельскохозяйственного производства, необходимо отметить, что в некоторых отраслях применялся (в значительном объеме) ручной труд. Так, ческа козьего пуха в Горном Алтае осуществлялась исключительно вручную. Также снимали и панты маралов и оленей и обрабатывали их на первом этапе. Не всегда рационально использовали здесь трактора и сельхозмашины. В силу этого, мощная энергонасыщенная техника в области нередко проставляла [14, л. 11, 14-15].

Если говорить в этом плане о крае, то здесь в рассматриваемый период произошло значительное повышение уровня комплексной механизации в животноводстве. Так, процент комплексно механизированных помещений для КРС вырос только с 1979 по 1984 гг. с 45 до 55%, в т.ч. коровников с 75 до 82%. За тот же период выросло и количество механизированных свиномест: со 162 тыс. до 359,7 тыс. или почти в 2 раза. Самый низкий уровень механизации процессов животноводства был в овцеводстве. К 1984 г. было комплексно механизировано всего 71,6 тыс. овцемест или 4% от его общего поголовья. Но самый быстрый темп роста механизации животноводства был тогда в птицеводстве. Если в 1979 г. уровень комплексной механизации процессов в нем составлял всего лишь 20%, то к 1983 г/ — уже 87%, причем в количественном отношении число механизированных птицемест выросло с 970 тыс. до 6,233 млн., или более чем в 6 раз [15, л. 249]. Главная причина трудностей с комплексной механизацией в ряде отраслей заключалась в некомплексной поставке механизмов. Усугубляли дело и финансовые трудности, а также недостаток специалистов. Как правило, механизировали что-то одно: поение, кормление, доение или уборку навоза. Остальные виды работ выполнялись вручную. Но введение механизации только одного вида работ влекло за собой повышение нормы выработки и требовало приложения дополнительных физических усилий. Это приводило к незаинтересованности работников в своей работе, к снижению оплаты труда, к повышению себестоимости полученной продукции и т. д.

Другим, как говорили тогда, «магистральным» путем интенсификации сельскохозяйственного производства была химизация. В рассматриваемый период ее уровень заметно вырос. Тогда поставки удобрений селу выросли (по стране) почти в 2,8 раза. Но это не решало суть дела. А потому отдача от удобрений была невысокой. Причина этого заключалась в том, что колхозы и совхозы применяли средства химизации, опять-таки, некомплексно, допускали грубые нарушения технологии, не соблюдали сроки и нормы внесения удоб-

рений, пренебрегали агрохимическими картограммами.

Изменить существующее положение пытались на разных уровнях, в т.ч. и правительственно. Порукой тому — XXV съезд КПСС, рассматривавший вопросы химизации сельскохозяйственного производства. Обсудив их, он поставил задачу: довести к 1980 г. поставки минеральных удобрений сельскому хозяйству до 115 млн. т и химических добавок до 5 млн. т. При этом предусматривался рост удельного веса фосфорных, концентрированных и сложных удобрений. Также было решено развернуть строительство механизированных складов, с использованием облегченных сборных конструкций индустриального производства для хранения минеральных удобрений [16, с. 135, 222]. Для решения задач, поставленных XXV съездом КПСС, в 1979 г. в системе Минсельхоза РСФСР было создано Всесоюзное производственно-научное объединение по агрохимическому обслуживанию сельского хозяйства [17, с. 128-133], которое обязано было заниматься снабжением колхозов, совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий минеральными удобрениями, химическими и биологическими средствами защиты растений. Ход реализации правительственный распоряжений был рассмотрен на июльском Пленуме ЦК КПСС (1978 г.). Наряду с успехами, он отметил и недостатки, приведшие к потере, и даже порче удобрений, к нарушению агротехнических правил их применения [18, с. 264]. В целях ликвидации указанных недостатков и улучшения данной работы, в ноябре 1980 г. министерство химической промышленности было разделено на два: 1. Министерство химической промышленности и 2. Министерство по производству минеральных удобрений [19, с. 288]. Однако подобного рода преобразования, не всегда шли на пользу тем, кому они предназначались Свидетельство тому — последующие постановления партии и правительства, в частности, Продовольственная программа.

Руководствуясь последней, решали вопросы химизации сельского хозяйства и краевые власти. В соответствии с ней, Алтайский край обязан был принять ряд мер по совершенствованию агрохимического обслуживания колхозов и совхозов, повышению ответственности агрохимической службы за эффективное применение минеральных удобрений и других средств химизации, за внедрение в сельскохозяйственное производство достижений науки, техники и передового опыта. В этих целях, в крае предусматривалось построить в течение 1982—1985 гг. навозохранилища на 610 тыс. т и механизированных складов для хранения средств химизации на 158,5 тыс. т [20, с. 29].

Говоря о поступавших «сверху» распоряжениях, следует отметить, органы и ведомства ответственные за их выполнение, не имели, к сожалению, ни полномочий, ни самостоятельности в решении вопросов, входящих в их компетенцию. В силу этого, они лишь переписывали одно «высокое» распоряжение за другим, внося в них только хронологические поправки. Потому-то вполне правильные указания оставались лишь на бу-

маге, поскольку своими методами и способами решить поставленную перед ними задачу непосредственные исполнители не могли [21, л. 118, 139].

Как известно, до создания в Алтайском крае специализированной службы химизации сельского хозяйства, вывозом органики на поля занимались отряды плодородия хозяйств, а также специализированные подразделения «Сельхозтехники». Но планы по ее вывозу систематически не выполнялись в большинстве районов края. Это было связано с недостатком техники, отсутствием четкого плана-графика работ, а также со слабым контролем со стороны районного руководства [22, л. 48-49]. Но, несмотря на недостатки, подвижки в этой работе были. К примеру, за 7 месяцев 1976 г. хозяйства вывезли на поля 4,64 млн. т органики, что было на 1,14 млн. т больше, чем за соответствующий период 1975 г. Особенно отличились в этом плане хозяйства Бийского района, увеличившие вывоз органики на поля в 1,5 раза. Но были и районы, которые, наоборот, снизили данный показатель, в частности, Егорьевский район, снизивший его с 51,8 до 45,7 тыс. т [22, л. 48-49].

Вывоз органики был связан с нехваткой органических и минеральных удобрений в землях Алтайского края. В силу этого их нехватка должна была компенсироваться вывозкой навоза на поля. Однако эта работа в крае была не на уровне. Так, в 1978 г. в среднем на 1 га посевов было внесено в РСФСР 61 кг, в Западной Сибири — 24, то в Алтайском крае всего — 14 кг минеральных удобрений. У нас практически не удобрялись луга и пастбища. В среднем по РСФСР на гектар посевов в 1979 г. было внесено 3 т органических удобрений, в Западной Сибири — 1,4, то в Алтайском крае — лишь 8 кг. Органика вывозилась у нас, как правило, в осенние и зимние месяцы, а запахивалась она только весной, что приводило к потере большей части ее питательных веществ. Применение же органических удобрений сдерживалось недостатком у нас грузовых автомобилей, надежных высокопроизводительных навозоразбрасывателей, а также малыми площадями паровых полей и растянутостью сроков уборки урожая. По подсчетам специалистов, чтобы получать оптимальный эффект от применения удобрений, необходимо было увеличить объемы их поставки селу с 700 тыс. т (такое их количество было поставлено краю в 1979 г.) до 4,5-4,7 млн. т, а внесение органики довести до 15-20 млн. т.

Но вместо решения этой, конкретной задачи, власти пошли по пути администрирования: в конце 1979 — начале 1980 г. (с целью улучшения ситуации с химизацией сельского хозяйства) в крае создается сначала единая краевая агрохимическая служба, затем краевое производственное объединение по агрохимическому обслуживанию сельского хозяйства — «Сельхозхимия». К сожалению, формирование управленческого аппарата последней (в количестве 71 чел.) было закончено лишь 1 июня 1980 г. Кстати, ее управление находилось в г. Барнауле. В новую структуру из организаций «Сельхозтехники» в ее подразделения была передана значительная часть спецтех-

ники, тракторов, оборудования, а также специалисты. Так, при образовании «Сельхозхимии» в Алтайском районе ей было передано 37 тракторов, 11 грузовых автомобилей, 4 спецавтомобиля [23, л. 14]. Как правило, руководителями РО «Сельхозхимий» назначались заместители председателей РО «Сельхозтехника». Так, председателем Горно-Алтайской «Облсельхозхимии» стал работник сельхозотдела облисполкома Ю. А. Суртава. Вновь созданной организации было выделено 22 трактора, 3 тракторных прицепа, 4 специальных и 5 легковых автомобилей, 68 грузовых автомобилей, а также спецтехника на общую сумму 854,663 тыс. руб. [23, л. 10-11].

К концу февраля 1980 г. формирование новых органов на территории края было закончено. Но РО «Сельхозхимии» были созданы не во всех районах. Многие из них обслуживались межрайонными объединениями (Косихинское, Завьяловское и Заринское) [22, л. 43-45, 50]. Последние создавались там, где материально-техническая база отдельного района была слаба. В этом случае объединялись техника и средства нескольких районных объединений и создавалось одно, крупное.

Одной из проблем, с которой сразу же столкнулись новые организации, был ремонт и хранение техники. В разных районах к решению этой проблемы подошли по-разному. Так, в Бурлинском районе, для техники «Сельхозхимии» были выделены места на стоянках рембаз и в гаражах, в Славгородском районе был заключен для этого договор с РО «Сельхозтехникой» [22, л. 26, 54]. В Горном Алтае техника «Сельхозхимии» ремонтировалась на Майминском мотороремонтном заводе [22, л. 55].

Но, несмотря на трудности, становление новой структуры было закончено. Ее появление позволило увеличить объем вывоза органики на поля. Например, если в Горном Алтае в 1980 г. ее было вывезено всего 151 тыс. т, то в 1981 г. — уже 241 тыс. т, а за 9 месяцев 1982 г. — 183 тыс. т. Заметно увеличилось за это время и количество вносимых в области минеральных удобрений [24, л. 28]. Такой же результат наблюдался и в Панкрушихинском районе: здесь план вывоза органики на поля был выполнен в 1,5 раза. Правда, справедливости ради, надо сказать, что способом разбрасывания было вывезено всего 26 тыс. из 110 тыс. т [25, л. 3, 4]. И все же объемы работ, которые должна была выполнить «Сельхозхимия», были велики. И одна она не в силах была справиться с ними. Поэтому ей помогала и «Сельхозтехника». Но, несмотря на это, с заданием новая структура неправлялась. Задание 1980 г. она выполнила, к примеру, всего на 91%. Неодинаковы были и показатели по количеству органики на 1 га: в среднем по краю он не превышал 800 кг, хотя были хозяйства, в частности, колхозы «Прогресс» и «Заря» Новичихинского района, где этот показатель составлял 1,56-1,95 т на 1 га [22, л. 8].

Выделение агрохимической службы в отдельную структуру, конечно же, нельзя оценить однозначно. С одной стороны, появилась новая организация, способствовавшая росту и без того гро-

моздкого управленческого аппарата. С другой, — такой курс явно соответствовал набиравшим силу тенденциям в сельском хозяйстве СССР: специализации и концентрации. Агрохимическое обслуживание колхозов и совхозов выделялось в отдельную отрасль, в руках «Сельхозхимии» концентрировалась мощная специальная техника, удобрения и др. И все же, проблем было больше, чем дела. В первую очередь, повсеместно не хватало тракторов и тракторных тележек. В отдельных районах, в частности, в Панкрушихинском, не хватало мощной техники, способной в зимнее время разбивать снежные бурты [23, л. 3-4]. Мешали работе и проблемы социального характера: многие работники «Сельхозхимии» не имели жилья, что порождало высокую текучесть кадров. Не хватало в районах и спецтехники, особенно разбрасывателей минеральных удобрений и погрузчиков. Во многих районах не хватало складов для удобрений. В большинстве районов их вместимость не превышала 1,5 тыс. т, при потребности в 8 тыс. т [23, л. 7-8].

Словом, вновь созданная структура взяла на себя немалый объем работ по агрохимическому обслуживанию сельскохозяйственных предприятий, но не весь. Это произошло по причине высоких расценок, установленных «Сельхозхимией» на оказываемые ею услуги. На просьбу колхозов и совхозов изменить их, последняя не соглашалась, поскольку ее план по грузоперевозкам и оказываемым услугам исчислялся в рублях, что явно не способствовала высокой заинтересованности «Сельхозхимии» в конечных результатах своего труда.

Но не только эти причины накладывали свой отпечаток на развитие сельского хозяйства края. Сказывались на его развитии, причем весьма негативно, и его климатические условия. Свои корректиры часто вносили засухи, нередко повторявшиеся из года в год. Поэтому без мелиорации трудно было рассчитывать на устойчивые урожаи. Именно эти обстоятельства нашли свое отражение в постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 июня 1976 г. «О плане мелиорации земель на 1976-1980 годы и мерах по улучшению использования мелиорированных земель» [6, л. 12].

Затронутые данным постановлением проблемы, нашли свое отражение и в Продовольственной Программе СССР. Более того, она содержала, по сути дела, типовой договор на полив сельскохозяйственных культур, выполняемый для колхозов, совхозов и других хозяйств предприятиями и организациями системы Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР. Согласно ей, вблизи городов должны были создаваться зоны гарантированного производства овощей и раннегого картофеля на орошаемых землях. С этой целью предусматривался ею выпуск (с нарастающим итогом) в 1982—1990 гг. дождевальных машин типа «Фрегат» и «Кубань» (до 32 тыс. штук в год) [27, с. 41, 42, 220-226].

Союзная Продовольственная Программа, естественно, была конкретизирована применительно к Алтайскому краю. В соответствии с этим, в ней была поставлена задача довести площадь оро-

шаемых земель в крае к 1985 г. до 100 тыс. га и осушенных — до 24 тыс. га. В 1981—1984 гг. должно было быть проведено обводнение на площади в 1 млн. га. В соответствии с планом, в действие должен был вступить Чарышский групповой водопровод, вторая очередь Алейской оросительной системы, а также должно было начаться строительство Бурлинской и Жилихинской систем орошения, продолжаться строительство Златополинского массива орошения, а также Барнаульской и 3-й очереди Алейской оросительной системы. На эти цели на период до 1990 г. выделялось 930 млн. руб. капиталовложений [20, с. 30-31].

И многое из намеченного было претворено за годы X пятилетки. В частности, в крае была проведена мелиоративная обработка солонцов на площади 64 тыс. га (правда, 20% к плану), длина оросительных каналов увеличилась до 2160 км, стало функционировать 4975 гидротехнических сооружений, 124 стационарных и 1009 передвижных насосных станций, 1820 дождевальных машин и установок. К 1980 г. орошающие земли в Алтайском крае составляли 0,7% от общей площади земель, но давали при этом 210 тыс. т корнеплодов единиц (или 10% от общего количества) и 58 тыс. т овощей (или 82% производимых в крае). В 1977 г. в строй действующих вступило Склибинское водохранилище объемом 35 млн. кв. м, в 1978 г. вошла в строй Алейская оросительная система, в 1980 г. — Гилевское водохранилище на 470 млн. кв. м, а в 1984 г. — Бурлинская оросительная система [28, л. 9, 19].

Помимо центрального и краевого уровней, очень многое в организации и проведении мелиоративных работ зависело от самих хозяйств и районного руководства. Например, в Петропавловском районе площадь естественных сенокосов составляла в 1975 г. 58 тыс. га или 43% от всей площади сельхозугодий. Благодаря проведенным работам по улучшению сенокосов, борьбе с «закустаренными» и «закочкованными» участками площадь его сенокосов заметно расширилась. Такой прирост произошел и в Угловском районе, где только за 1977 — 1980 гг. в строй действующих вошло 1254 га орошаемых земель [29, л. 53].

Возвращению «негодных» когда-то земель в хозяйственное пользование, естественно, содействовало увеличение ассигнований на мелиоративные работы: в X пятилетке они составили 400 млн. руб., в то время как в IX пятилетке их сумма не превышала 200 млн., а в VIII пятилетке — всего 45 млн. руб. Именно рост капиталовложений и позволил ввести в хозяйственный оборот края только в 1976-1980 гг. 41,6 тыс. га орошаемых земель, 4,2 тыс. га осушенных и провести коренное улучшение на площади 171,7 тыс. га. За тот же период было обводнено 486 тыс. га пастбищ и поверхностью улучшены 455,1 тыс. га. Всего к концу 1980 г. площадь орошаемых земель достигла в крае 100 тыс. га [30, л. 1-4].

Таким образом, мелиоративный фонд края достиг в 1980 г. 100 тыс. га, в числе которых 54,5 тыс. га были орошаемые земли, 20 тыс. — богары с поливными установками и 24,5 тыс. га —

лиманного орошения. Среди районов, которые испытывали трудности с мелиорацией традиционно значились Бурлинский, Табунский, Поспелихинский, Рубцовский и Третьяковский районы. Несколько в лучшем положении находился Славгородский район, где урожайность однолетних трав на поливе составила в 1979 г. 57,6 ц с га.

Подводя итог проведенным работам, хозяйства и сами мелиораторы указывали недочеты, недопущение которых, вне сомнения, повысили бы конечные результаты. А таковыми те и другие назвали: не соблюдение нормы полива на 1 га и нормы внесения удобрений на гектар орошаемой земли; нехватку специальной техники и слабость ремонтной базы мелиоративных организаций [25, л. 10, 22].

Но, несмотря на сложности, мелиоративное строительство в крае набирало силу. Наряду с южными районами охватывало оно и другие районы, в частности, Турочакский, Советский и Красногорский, Усть-Пристанский, Бурлинский, Балеевский и Благовещенский районы, а известкование кислых почв было осуществлено в Залесовском и Сорокинском районах. Не прекращалось в крае и строительство каналов и оросительных систем [29, л. 77].

Однако проведение тех или иных работ, возврат ранее заброшенных земель в хозяйственный оборот не были свидетельством того, что развитие мелиорации на Алтае вступает в свою завершающую фазу. Об этом вполне конкретно сказал министр мелиорации и водного хозяйства РСФСР В. И. Калашников, выступая в 1982 г. на июльском пленуме Алтайского крайкома КПСС. Мелиорация на Алтае, подчеркнул он, только еще начинается. Чтобы говорить о ее окончании, необходимо довести площадь орошаемых земель в крае до 2 млн. га [25, л. 27-31]. Развивая этот тезис, он отметил, что пока мелиораторами не использован такой резерв, каким являются артезианские скважины, количество которых в крае весьма значительно. Его воздействие целиком и полностью зависит от капиталовложений, объем которых пока недостаточен, а также от слабости строительной базы алтайских мелиораторов [25, л. 27-31].

Больным вопросом дальнейшего поступательного развития мелиорации в крае был и оставался вопрос с кадрами. Их в крае готовили три учебных заведения: Алтайский сельскохозяйственный институт, Рубцовский совхоз-техникум и Благовещенское СПТУ-7. С целью ускоренного получения специалистов по мелиорации работали курсы, которые ежегодно готовили 450-500 машинистов дождевальных установок, на них также проходили переподготовку (в течение месяца) лица, уже имевшие такую квалификацию. Повышали они свою квалификацию и при учебно-курсовых комбинатах. Руководящие кадры стажировались в краевой школе. В ней в течение года обучалось от 50 до 60 агрономов-мелиораторов. Но, несмотря на принимаемые меры, кадров мелиораторов, все же, не хватало. Так, в 1976 г. мелиоративные отряды были укомплектованы не полностью. Например, из 129 требующихся в крае

инженеров-гидротехников в наличии имелось только 5, из 199 требующихся техников-гидротехников в наличии было только 63. И хотя в дальнейшем ситуация несколько улучшилась, но, тем не менее, даже в конце интересующего нас периода, не хватало около 50% гидроинженеров и 20% гидротехников [30, л. 48-49].

Параллельно с ростом объема орошаемых земель увеличивалась и урожайность выращиваемых на них сельскохозяйственных культур. И, надо сказать, она (как у зерновых, так и у овощных культур на поливе) была на 30-40% выше. Интересным был и тот факт, что урожайность зерновых культур снижалась, а урожайность овощей, наоборот, росла. Связано это было, в первую очередь с тем, что в указанный период вокруг городов в пригородных зонах создавались хозяйства, специализировавшиеся на выращивании овощей на поливе. В этот же период вырос и валовой сбор сельскохозяйственных культур на орошаемых землях. Так, по зерновым (на орошение) он вырос в среднем за X пятилетку с 6,4 тыс. т в год до 7,7 тыс. т в год в среднем за XI пятилетку. По овощам этот показатель вырос с 46,4 до 62,9 тыс. т соответственно [31, с. 108].

Говоря о полном и эффективном использовании мелиорированных земель, следует отметить, что этой, качественной стороне обсуждаемой проблемы в то время уделялось мало внимания. Больше всего говорили (и вполне справедливо) о повышении отдачи от них, об ускорении работ по реконструкции существующего мелиоративного фонда, о переустройстве оросительных систем и повышению водообеспеченности орошаемых земель. При этом, неизменно оставался разрыв, при том немалый, между вводом водохозяйственных систем и сельскохозяйственным освоением земель, строительством в колхозах и совхозах производственных, культурно-бытовых и коммунальных объектов, жилья и дорог. Работа водохозяйственных организаций на практике не оценивалась по конечным результатам и по эффекту, получаемому от вкладываемых в дело средств.

В целом, анализ эффективности капитальных вложений, направляемых в мелиорацию земель, в механизацию сельскохозяйственного производства, в химизацию показал, что сельское хозяйство не получало от них должной отдачи. По многим параметрам не удалось выйти на проектную мощность, добиться запланированных объемов производства, обеспечить заданный уровень эффективности. В сельском хозяйстве Алтайского края продолжал преобладать затратный путь развития, при котором стоимость факторов производства материальных благ росла значительно быстрее, чем валовая и чистая продукция. Снижалась эффективность использования всех факторов производства, уменьшилась отдача от вкладываемых средств. Недостатки в развитии материально-технической базы, медленный рост механизации трудоемких процессов становился ощутимым в климатических условиях Сибири. Постоянный приток новой техники не способствовал углублению механизации сельскохозяйственного производства. Существенную роль в этом

играли колхозы и совхозы. С одной стороны, они насыщались новой техникой, а с другой стороны, отсутствие четко разработанной программы развития, многочисленные перестройки управления, устаревшее хозяйственное законодательство, низкий уровень самостоятельности сельскохозяйственных предприятий, слабая материальная заинтересованность сельскохозяйственных тружеников в результатах своего труда, не позволяли полноценно использовать все имеющиеся ресурсы. К причинам торможения развития сельскохозяйственного производства следует отнести и то,

что в обеспечении колхозов и совхозов не удалось своевременно ликвидировать в масштабах государства диспропорции в производстве различных машин и механизмов. Как элемент торможения следует отметить и директивно-плановые установки и решения по расходованию капитальных средств. Капитальные вложения зачастую направлялись не на увеличение объемов заготовки коров, строительство токов и элеваторов или объектов социально-бытовой инфраструктуры, а на строительство дорогостоящих, порой не нужных хозяйственных объектов.

Библиографический список

1. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК) ФП. 1. Оп. 123. Д. 524.
2. Там же. Оп.13. Д. 6585.
3. Там же. Д. 5118.
4. Комитет по делам архивов Бийского района (КДАБР). Ф. 144. Оп. 1-В. Д. 30.
5. Актуальные проблемы развития агропромышленного комплекса Алтайского края. — Барнаул, 1986.
6. ЦХАФ АК ФП. 1. Оп. 13. Д. 4651.
7. Там же. Д. 5578.
8. Там же. Оп. 13. Д. 2975.
9. Там же. Д. 5570.
10. Там же. Д. 5118.
11. Годовой отчет агропромышленного комитета Горно-Алтайской автономной области за 1985. — Горно-Алтайск, 1986.
12. Наличие и техническое состояние тракторов в народном хозяйстве на 1 июня 1982 года. — М., 1982.
13. ЦХАФ АК ФП. 1. Оп. 141. Д. 1.
14. ГАСРА ОХСД Ф. 1. Оп. 37. Д. 16.
15. ЦХАФ АК ФП. 1. Оп. 13. Д. 4210.
16. КПСС в резолюциях и решениях партийных конференций и съездов. Т. 12. — М., 1987.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 13. — М., 1982.
18. КПСС в резолюциях и решениях партийных конференций и съездов. Т. 13. — М., 1987.
19. Справочник партийного работника. Вып. 27. — М., 1981.
20. Продовольственная Программа Алтайского края. — Барнаул, 1983.
21. ЦХАФ АК. ФР. 569. Оп. 13. Д. 2927.
22. Там же. Д. 2976.
23. Там же. Оп. 127. Д. 406.
24. ГАСРА ОХСД Ф. 1. Оп. 52. Д. 2.
25. ЦХАФ АК. Оп. 133. Д. 161.
26. Актуальные проблемы развития народного хозяйства Алтайского края. Барнаул, 1987.
27. Продовольственная Программа СССР. — М., 1983.
28. ЦХАФ АК. ФП.1. Оп. 137. Д. 18.
29. Там же. Оп. 133. Д. 125.
30. Там же. Оп. 13. Д. 4780.
31. Вопросы организации управления в системе АПК Алтайского края. — Барнаул, 1984.

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина
Получено 22. 01.09.

Orlov D. S.

THE INTENSIFICATION OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE ALTAI REGION IN THE YEARS 1976—1985

The article is devoted to the problem of developing of agriculture in Altai. Such main trends of the intensification of agricultural production are considered as chemicalization, melioration, mechanization and electrification.

The Altai region, agriculture, plant-growing, stock-raising, chemical, mechanization, electrification, melioration.

УДК 902

H.B. Пак

РАЗВИТИЕ МЕСТНОЙ И КООПЕРАТИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ ПЯТИЛЕТКИ

В статье на основе газетных публикаций освещена история развития промышленного развития Горного Алтая в указанный период. Выявлены общие закономерности, региональные особенности развития.

Горный Алтай, промышленное производство, экономика, местная и кооперативная промышленность.

В условиях Горно-Алтайской области местная и кооперативная промышленность имели чрезвычайно важное значение для дальнейшего подъё-

ма экономики, и для улучшения материального обеспечения населения. Директивой XIX съезда партии по пятилетнему плану развития СССР на

1951-55 гг. предусматривалось увеличение производства промышленной продукции за пятилетие примерно на 60% [1, с. 3]. В первую очередь планировалось увеличить производство товаров широкого потребления, предметов домашнего и хозяйственного обихода, а так же строительных материалов.

С первых дней 1951 г. работники промышленности широко развернули борьбу за выполнение и перевыполнение суточных графиков. В первом полугодии в сравнении с соответствующим периодом 1950 г. выпуск валовой продукции увеличился: по системе облмногопромсоюза на 7,7%, на предприятиях облместпрома — на 28,3%, в системе обллеспрома — на 23,8%, и предприятиях облпищепрома на 16,3% [2, с. 2]. В числе передовых шли такие предприятия, как швейная фабрика Облместпрома, швейная фабрика Крайлегпрома, Шебалинский райпищепром, Онгудайский райпромкомбинат, промысловая артель «Стахановец» Шебалинского аймака, «Текстильщик» г. Горно-Алтайска. [2, с. 2]. Промартели «Текстильщик» за полугодие удалось сэкономить достаточно количество пряжи, из которой дополнительно было выработано 5200 м. ткани [3, с. 3]. Высокой производительности добились члены промысловой артели «Электрометалл» [4, с. 1]. Благодаря использованию новой техники, отличные результаты показали лесозаготовители области. За первое полугодие было полностью заменено оборудование на Майминском, Узнезинском, Яконурском, Усть-Коксинском, Шебалинском, Тюдрагалинском и других маслосырзаводах [5, с. 3]. В связи с этим сыр и масло стали вырабатывать только высшего сорта. В целом за 1951 г. работники местной и кооперативной промышленности добились значительных производственных успехов. Пищевая промышленность, по сравнению с предыдущим годом, увеличила выпуск продукции на 38%, местная промышленность — на 30,2% и кооперативная — на 14,3% [6, с. 2]. Лучших результатов по выполнению годового плана добились коллектив швейной фабрики Облместпрома, члены промысловой артели «Текстильщик», «Труженик», «Электрометалл», «Быт», Шебалинский райпищепромкомбинат [6, с. 2]. Все эти предприятия, умело используя местное сырье, досрочно завершили годовую производственную программу. Однако, достигнутые успехи передовых предприятий не могли заслонить имеющиеся недостатки в работе промышленности области. Предприятия и заводы недодали в 1951 г. большое количество стройматериалов [7, с. 2]. Плохо было налажено производство варенья, повидла, сухофруктов. Почти не выпускалась плетёная мебель, изделия из бересты, мрамора не смотря на то, что область была достаточно богата запасами сырья для производства этих видов продукции [8, с. 2].

Развитие промышленности и сельского хозяйства страны в целом, рост благосостояния трудящихся предъявлял высокие требования к качеству выпускаемой продукции. В первой половине 1952 г. высоких показателей по качеству достигли работники сыропромышленности. Значительно перевыполнили план Майминский, Чой-

ский и Шебалинский сыропромы [9, с. 1]. Серьёзные успехи в деле улучшения качества были достигнуты в текстильной и швейной промышленности, Шебалинским райпромкомбинатом, охотниками, работниками лесной промышленности. Лесопромысловая артель им. Молотова Майминского аймака, например, досрочно выполнила программу первого полугодия и дала более 250 кубометров материалов сверх плана [10, с. 1]. Были и предприятия не выполнившие план за первое полугодие. К их числу относится мебельная фабрика г. Горно-Алтайска, которая нередко изготавливала нестандартную мебель, при этом низкого качества [11, с. 1]. Не благополучно обстояло дело и в городской промартели «Труженик». Эта промартель поставляла в торговую сеть кожаную обувь исключительно низкого качества [11, с. 1]. Сильно отставал по производственным показателям кирпичный завод и промысловые артели им. Чапаева, «Новый путь» и «Красный кожевник» [12, с. 1]. Не справлялись с планами и многие предприятия пищевой промышленности [13, с. 2]. Продукция выпускалась низкокачественная, допускался брак. Особенно неблагополучно обстояло дело в Эликманарском, Усть-Коксинском и Горно-Алтайском пищепромах [14, с. 2]. В чайных и столевых блюда изготавливались из продуктов низкого качества. Колбасные изделия мясокомбината не отвечали установленным требованиям. На многих предприятиях пищевой промышленности отсутствовали лаборатории, плохо работали и отделы технического контроля [14, с. 2].

Программа 1952-го года была выполнена только на 82,7% [15, с. 4]. Высоких технико-экономических показателей смогли добиться швейная фабрика Крайлегпрома, Майминский сырзавод, промартель им. Молотова Майминского аймака и др. [16, с. 1]. Все эти перечисленные предприятия досрочно завершили годовую производственную программу. Наряду с передовыми имелось немало и отстающих предприятий. К их числу принадлежала лесопромысловая коопeração. Дайбовский и Пыжинский леспромхозы в 1952 г. оказались самыми отстающими предприятиями в системе «Алтайлес» [17, с. 2]. В результате невыполнения производственных планов леспромсоюз недодал стране продукции на сотни тысяч рублей [18, с. 4]. Государственный план по производству кирпича промышленностью области был выполнен только на 40,2%, извести — на 76,5%, пиломатериалов — на 67% и по вывозке строевой древесины — 50,2% [19, с. 3]. Вместо увеличения произошло резкое снижение производства стройматериалов. Не справился с поставленными задачами и Шебалинский райпромкомбинат, промартели «Победа» Майминского аймака, «Кызыл Чолмон» Улаганского и ряд других предприятий [20, с. 1].

В 1953 г. по всей стране с новой силой развернулось социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение государственных планов. В первом полугодии высоких показателей добились швейная фабрика Крайлегпрома, промартель «Текстильщик». Большая часть продукции этими предприятиями была выдана первым

сортом [21, с. 3]. Справились с выполнением плана многие сырзаводы. Успешно в весенне-летнем сезоне прошёл пушной промысел в Элиманарском аймаке [22, с. 4]. За весь 1953 г. предприятия местной промышленности и промартели, производящие товары народного потребления, дали продукции в 1,4 раза больше чем в 1950 г. Выпуск кожаной обуви возрос в 1,3 раза, трикотажных и швейных изделий — в два раза, мебели — 1,4 раза, мяса, сыра и масла — на 35% и кондитерских изделий — в 1,9 раза [23, с. 3]. Многие предприятия и промысловые артели годовые производственные планы значительно перевыполнили. Но, вместе с тем, в работе промышленности области имели место ещё крупные недостатки. Строительные организации Горного Алтая в то время с трудом могли найти кирпич, известь и пиломатериалы. Крайне ограничен был ассортимент швейных изделий, хозяйственных товаров и предметов культурно-бытового обихода. Совершенно не выпускались школьно-письменные принадлежности, детские игрушки, санки, лыжи, металлическая и гончарная посуда, плетёная мебель и ковры. [24, с. 3].

В следующем 1954 году успешно справились с годовой программой Кош-Агачский промкомбинат, городская промартель «Путь», швейная фабрика Облместпрома и Крайлегпрома, во много раз увеличился выпуск и улучшилось качество выпускаемых тканей промышленной артелью «Текстильщик» и ряда других предприятий [25, с. 1]. Но, к сожалению, по многим показателям отставала маслосыродельная промышленность. Годовой план по производству сыра был выполнен всего на 62,5%, а по производству масла — на 64% [26, с. 2]. Продолжала поставлять плохую кожаную обувь городская промысловая артель «Труженик» и недоброкачественные валенки сапоговальня фабрика [27, с. 1]. Далеко неудовлетворительно работала в 1954 г. лесная промышленность. Особенно отставали по своим производственным показателям Дайбовский и Пыжинский леспромхозы. Здесь девятимесячная программа была выполнена всего лишь на 33-47% [28, с. 1]. Не справился с производственным заданием кирпично-известковый завод. Кирпича было выработано всего лишь на 66,3% от заданной программы [29, с. 2]. Не имея надёжной сырьевой базы, не выполнила годовое задание как и в прошлые годы мебельная фабрика г. Горно-Алтайска.

В завершающем 1955 году пятой пятилетки наметились положительные тенденции в развитии промышленности области. В январе на месте бывшей сапоговальной фабрики были отстроены и оборудованы цеха новой гардинно-тюлевой [30, с. 2]. В Москву была отправлена группа рабочих для ознакомления с техникой, приёмами и выработкой гардинно-тюлевого полотна. Уже в

конце января фабрика дала первые сотни метров высококачественного полотна [30, с. 2]. Рабочие нового предприятия быстро освоились с новым оборудованием. За пять месяцев 1955 г. гардинного полотна было изготовлено на 184 тыс. руб. больше, чем предусматривалось планом [31, с. 4]. Уверенно продолжала набирать темпы и швейная фабрика Облместпрома, где были установлены круговязальные трикотажные машины [32, с. 3]. Уже в первом квартале 1955 г. был наложен выпуск прессузорного и платированного шёлкового и трикотажного полотна, из которого производился пошив белья [32, с. 3]. Затем на швейной фабрике Облместпрома вступил в строй новый красильный цех с 24-ю калориферами [33, с. 1]. Все эти изменения естественным образом положительно сказались на качестве выпускаемого товара. Включившись в социалистическое соревнование, многие промышленные предприятия выполнили годовой план намного раньше срока. С опережением годового плана работали многие предприятия маслосыродельной промышленности [34, с. 1] Перевыполнила годовой план по выпуску продукции и её ассортименту и швейная фабрика Облместпрома [35, с. 1]. За десять месяцев выполнила свой годовой план городская артель «Электрометалл» [35, с. 1]. Отличных производственных успехов добились работники Дайбовского леспромхоза. Страна получила дополнительно десятки тысяч кубометров леса [36, с. 2]. Но были и предприятия, которые не справились с поставленными задачами, к их числу относятся артели промысловой кооперации. Артели этой сети недодали на миллионы рублей кирпича, извести, бондарной посуды и других товаров [37, с. 1]. Не выполнила план мебельная фабрика, некоторые сырзаводы и часть предприятий пищевой промышленности.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что местная государственная и кооперативная промышленность Горного Алтая за годы пятой пятилетки во много раз превзошла уровень довоенных лет. Больших успехов достигли работники швейного дела, сырьевого, пушного промысла и лесозаготовители. Заводы и фабрики были пополнены новой техникой, способствующей повышению производительности труда. Однако такая отрасль как пищевая продолжала зависеть от ввоза товаров из края и соседних областей. Не производились в нашей области и многие предметы хозяйственного обихода. Несудачи во многом объяснялись слабостью руководящих лиц, большой текучестью кадров, несвоевременной поставкой сырья и низким уровнем механизации на многих предприятиях. Всё же благодаря определённым результатам, достигнутым передовыми предприятиями, пятая пятилетка была признана успешной.

Библиографический список

1. Малюков, А. Местная и кооперативная промышленность Горного Алтая в пятой пятилетке. / А. Малюков // Звезда Алтая. — 1953. — №46.
2. Досрочно выполнить план 1951 года. Социалистическое обязательство работников промышленности. // Звезда Алтая. — 1951. — №152.
3. Волков, В. За досрочное выполнение плана 1951 года. / В. Волков // Звезда Алтая. — 1951. — №159.
4. Андреев, И. Продукция сверх плана. / И. Андреев // Звезда Алтая. — 1951. — №64.
5. Казанцев, П. Шире применять метод инженера Ковалёва в сырьевой промышленности. / П. Казанцев // Звезда Алтая. — 1951. — №41.

6. Бакаев, И. Успешно завершить годовой план промышленности Горного Алтая. / И. Бакаев // Звезда Алтая. — 1951. — №247.
7. Гриниченко, А. Улучшить производство кирпича в промысловых артелях. / А. Гриниченко // Звезда Алтая. — 1951. — №129.
8. Малючков, А. Об использовании местного сырья промышленными предприятиями области. / А. Малючков // Звезда Алтая. — 1951. — №99.
9. За новый подъём работы сырьедельной промышленности. // Звезда Алтая. — 1952. — №114.
10. Барышев, Н. План выполнен досрочно. / Н. Барышев // Звезда Алтая. — 1952. — №130..
11. Всемерно улучшать качество выпускаемой продукции. // Звезда Алтая. — 1952. — №155.
12. Протопопов, А. Досрочно завершить годовой производственный план. / А. Протопопов // Звезда Алтая. — 1952. — №145.
13. Выполнить полугодовой производственный план каждым промышленным предприятием. // Звезда Алтая. — 1952. — №94.
14. Малючков, А. Улучшать качество продукции на предприятиях пищевой промышленности. / А. Малючков // Звезда Алтая. — 1953. — №77.
15. Протопопов, А. В обстановке благодушия и беспечности. / А. Протопопов // Звезда Алтая. — 1953. — №67. — С. 4.
16. Настойчиво добиваться общего подъёма промышленности. // Звезда Алтая. — 1952. — №242.
17. Стерехов, П. Давать лес стране в возрастающих размерах. / П. Стерехов // Звезда Алтая. — 1953. — №45.
18. Протопопов, А. В обстановке благодушия и беспечности. / А. Протопопов // Звезда Алтая. — 1953. — №67.
19. Малючков, А. Улучшить работу предприятий выпускающих стройматериалы. / А. Малючков // Звезда Алтая. — 1953. — №25.
20. Настойчиво добиваться общего подъёма промышленности. // Звезда Алтая. — 1952. — №242.
21. Зяблицкая, Н. Улучшить качество швейных изделий. / Н. Зяблицкая // Звезда Алтая. — 1953. — №181.
22. Колчанов, А. Успех в пушном промысле. / А. Колчанов // Звезда Алтая. — 1953. — №145.
23. Малючков, А. За новый подъём промышленности. / А. Малючков // Звезда Алтая. — 1954. — №22.
24. Сазоненко, К. Поднять уровень работы промысловой кооперации. / К. Сазоненко // Звезда Алтая. — 1953. — №217.
25. Выполнить годовой план всеми промышленными предприятиями. // Звезда Алтая. — 1954. — №247.
26. Потапов, А. Оперативно руководить работой маслосырзаводов. / А. Потапов // Звезда Алтая. — 1954. — №222.
27. Улучшить качество выпускаемой продукции. // Звезда Алтая. — 1954. — №37.
28. Преодолеть отставание в лесной промышленности. // Звезда Алтая. — 1954. — №215.
29. Савин, В. Коммунисты усиливают борьбу за улучшение работы предприятия. / В. Савин // Звезда Алтая. — 1954. — №253.
30. Новая фабрика в Горно-Алтайске. // Звезда Алтая. — 1955. — №29.
31. Глухов, А. Рабочие вскрывают резервы. / А. Глухов // Звезда Алтая. — 1955. — №121.
32. Никитин, М. В борьбе за досрочное выполнение плана. / М. Никитин // Звезда Алтая. — 1955. — №35.
33. Новый цех. // Звезда Алтая. — 1955. — №41.
34. Передовики маслосыродельной промышленности. // Звезда Алтая. — 1955. — №163.
35. Всемерно улучшать организацию производства. // Звезда Алтая. — 1955. — №245.
36. Савин, П. Славные дела лесозаготовителей. / П. Савин // Звезда Алтая. — 1955. — №228.
37. Повышать качество, снижать себестоимость изделий промкооперации. // Звезда Алтая. 1955. — №245.

Горно-Алтайский государственный университет
Поступило 11.02.09.

Pak N. V.

THE DEVELOPMENT OF LOCAL AND CO-OPERATIVE INDUSTRY OF GORNY ALTAI DURING THE FIFTH FIVE-YEAR PLAN

The history of industrial development of Gorny Altai during the mentioned period is surveyed in the article, using the newspaper publications. General patterns and peculiarities of regional development are also revealed here.

Gorny Altai, industrial development, economy, local and co-operative industry

УДК 902

T. С. Пустогачева

СТРОИТЕЛЬСТВО ЧУЙСКОГО ТРАКТА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.: ВАРИАНТЫ, ДИСКУССИИ.

В статье анализируются варианты строительства Чуйского тракта в исследуемый период. Особое внимание уделяется проблеме целесообразности изменения его направления.

Горный Алтай, Чуйский тракт, варианты строительства, правостороннее и левостороннее направления Чуйского тракта, паром, переправа.

Вопросы строительства Чуйского тракта не раз становились предметом обсуждения и спора между отдельными представителями руководства Ойротской области. Начиная с 1921 г., особо пристальное внимание стало уделяться проблеме це-

лесообразности изменения направления Чуйского тракта по правому берегу р. Катунь, от ур. Коркечу (нижняя переправа) и далее вниз по течению р. Катуни до г. Бийска.

Представители области настаивали именно на правобережном варианте строительства Чуйского тракта. Подтверждённых данных об экономической выгодности этого направления опытным изыскательным путем на тот момент времени не существовало. Единственным свидетельством предположений выгодности именно этого варианта дороги являлось знание местности представителями Области. Оно было основано на личном опыте, полученном при проездах верхом по неразделённым «бомам» вдоль правого берега р. Катуны.

В противовес этому, в тот период, обычно выдвигался довольно объёмный материал, добытый партией изыскателей 1913—1914 гг. Он свидетельствует о том, что изыскатели вынуждены были семь раз отступать от Катунских бомов, переходя на левый берег реки. Это, в свою очередь, предполагало необходимость строительства не менее семи паромных переправ на новом варианте Чуйского тракта. Отсутствие же специальных технических изысканий, не позволило местным органам власти проверить действительное положение дел на местности. Краевые органы, ведавшие дорожным делом на грунтовых дорогах государственного значения, самостоятельно, без указаний свыше, этим не занимались.

Активное участие в проведении изыскательских работ приняло Сибирское отделение местного транспорта (Сибомес). В 1921 г. им на эти цели было выделено 3500 руб. [1, л. 38]. Правда, основная часть выделенных средств была затрачена на проведение новых изысканий на старом направлении Чуйского тракта. Обследование нового его направления (по правому берегу р. Катуны) Сибомес произвёл лишь частично. Этот же участок включал в себя территорию от селения Ороктоя до урочища Усть-Курата (близ Онгудая — Т. П.), с последующим выходом на старый тракт, минуя, таким образом, Семинский и Камаринский перевалы.

Президиум Ойротского исполнительного комитета, заслушав доклад комиссии о результатах изысканий в этом направлении, нашёл их, несмотря на ряд преимуществ, «не существенными». И предложил, в силу этого, продолжить изыскания вдоль правого берега р. Катуны, вверх по её течению, с выходом пути на старое направление тракта к ур. Коркечу. Однако Сибомес не принял никаких действий к осуществлению проекта, предлагаемого властями Ойротии. Он, по-прежнему, был убеждён, вопреки заверениям работников из числа старожилов, в обратном, что этот участок дороги представляет из себя узкую долину р. Катуны, сжатую непроходимыми высокими горными кряжами, которые спускаются прямо к воде сплошной каменной массой. Потому-то он и не проводил никаких изысканий на этом направлении дороги. Как и ранее, он направлял значительные государственные средства на ремонт старого направления Чуйского тракта, полагая, что настанет, в конце концов время его вероятного «шоссирования», с последующим установлением по нему автомобильного движения. И, надо сказать, такая уверенность Сибомеса породила глубокий интерес широких слоёв населения об-

ласти к его проекту. Потому-то вопрос о новом варианте строительства Чуйского тракта вышел далеко за пределы кабинетных рассуждений и ведомственных споров. Он стал, по сути дела, вопросом, которым интересовались как в русской деревне, так и в алтайском аиле.

В связи с этим, представитель Ойротской автономной области при Президиуме ВЦИК Манеев направил докладную записку во все государственные инстанции (Госплан СССР, Госплан РСФСР, Наркомторг, Наркоминдел и др. — Т. П.), в которых подчеркнул, что поднятый в свое время Ойротским областным исполнительным комитетом вопрос об изменении направления головной части Чуйского тракта, при новом направлении по правому берегу р. Катуны, до соединения со старым у устья р. Ильгумень, близ с. Коркечу, несмотря на полную (по мнению облисполкома — Т. П.) во всех отношениях выгоду, в силу не полного освещения факторов Сибомесом, не заслужил должного внимания в Центре, а потому и был оставлен без рассмотрения Госпланом СССР [2, л. 158]. В настоящее же время, писал представитель Ойротии, «когда замена колёсных арб на механическую тягу уже не мечта, то предлагаемое Сибомесом существование и использование старого направления никак нельзя оправдать. Причина тому — сильно изломанный частыми высокими перевалами профиль дороги и скверный ее грунт» [2, л. 159]. Сибомес же, по его мнению, даже не попытался предложить варианты обхода Семинского перевала. Наконец, не оставил Манеев без внимания и роль «местного богача, князя Аргыма» в решении «транспортного вопроса». Владея огромными пастбищами и иными землями в районе Тенгинского озера, он был очень заинтересован, чтобы Чуйский тракт, как и в старые времена, проходил мимо его владений [2, л. 159].

Словом, свои доводы, относительно вариантов строительства Чуйского тракта, Ойротский исполнительный комитет неоднократно доводил до сведения Сибкрайисполкома. Учитывая их, он вынес, в конце концов, 11 апреля 1927 г. свое постановление, полностью отвергавшее ходатайство Ойротского облисполкома относительно изменения направления строительства Чуйского тракта по «Катунскому варианту». Его решение было аргументировано, главным образом, весьма «большой затратностью данного строительства для государства». Расходы на прокладку дороги по новому варианту, подчеркивал он, не шли ни в какое сравнение с затратами, необходимыми на ремонт старого направления тракта. Данное мероприятие, по его мнению, не способно дать области значительную экономическую выгоду. Кроме того, оно будет препятствовать свободному прогону заготовлявшегося в Монголии скота [1, л. 41].

Наряду с этими доводами, Сибомес заявлял (к сожалению, вполне справедливо — Т. П.), что в Ойротии имеет место огромный недостаток технических средств. Устранить его она не в состоянии, так как не располагает необходимыми для этого финансовыми средствами. Эта же причина, подчеркивал Сибомес, мешает Ойротии и осуще-

ствить, в полном объеме, необходимые изыскательские работы. Несмотря на справедливость доводов Сибомеса, Ойротский исполнительный комитет заключил все же особый договор с третьим участком Гуждорог по устройству дорог областного значения. Однако в его реализацию вмешался Сибомес, в чьем подчинении находился третий участок. Сибомес, пользуясь своим правом, запретил своему представителю в г. Бийске — начальнику третьего участка Гуждорог Слащёву выезжать в Улалу самому или отправлять туда своего заместителя — инженера Леонова. Однако и без указания «сверху», руководство третьего участка Гуждорог, беседуя с членами президиума облисполкома, прямо «высказывали им пасения за свою судьбу», если они выдадут себя «за сторонников Катунского варианта Чуйского тракта» [1, л. 41].

Учитывая сложившуюся ситуацию, его отношения с Сибомесом и подчиненными ему ведомствами на местах, Ойротский облисполком, принимая во внимание то, что 80% общей протяженности Чуйского тракта падало на территорию автономии, поставил вопрос о перенесение резиденции 3-го участка в с. Улалу. Такое его постановление было вынесено 10 марта 1927 г. В соответствии с ним, член президиума В. А. Астрахов, инженер И. Е. Безответов и заведующий мелиоративным отделом областного земельного управления (ОБЛЗУ) А. П. Плюсин обязывались произвести техническое обследование правого берега р. Катуни (Катунский вариант) от г. Бийска до Усть-Чуи, т.е. до пересечения нового направления с р. Катунью и со старым Чуйским трактом [1, л. 60]. Данное обследование должно было — окончательно — выявить возможности проведения дорожного полотна по этому направлению, а также определить его стоимость. Предложение облисполкома было обсужденено Сибомесом, даже создана специальная комиссия, в состав которой вошел и председатель Сибомеса, начальник 3-го участка шоссейных и грунтовых дорог. Однако, несмотря на значимость направляемой экспедиции, представители Сибомеса так и не приняли участие в ее работе. Более того, по вине последнего, начало работы комиссии было задержано на 20 дней [1, л. 60].

Обследование же южной линии трассы проходило по тому направлению, по которому прошли их предшественники в 1913—1914 гг. В результате осуществленных исследований, было установлено, что общее протяжение «Катунского варианта Чуйского тракта» (от Бийска до Коркечу — Т. П.) составляет 308,5 км. Данное расстояние распределяется следующим образом: протяженность трассы Бийск—Чемал равна 185 км. Она ровная пригодна (даже в естественном состоянии — Т. П.) для автомобильного движения на протяжении 84,5 км. Общая же протяженность пути пригодного для передвижения (без вложения особых затрат — Т. П.) составила 269,6 км. Протяженность особенно сложных участков дороги (террасы с камнями-препятствиями, пологие и крутые косогоры, бомбы и т. д.) составляла 39 км.

Обследуя одновременно и левобережный участок старого Чуйского тракта, комиссия отмети-

ла, что в то время, когда на «Катунском варианте» была совершенно сухая дорога, на Чуйском (точнее — на Семинском перевале) наблюдалось «практически не проезжаемое состояние». Там дорога была очень загрязнена и мало пригодна для передвижения. Кроме того, в насыпях, сделанных в 1926 г. были пробиты колеи и ухабы. На вершине перевала наблюдался слой снега (более 1,5 м). Весь путь от вершины перевала до дер. Топучей находился под таким же «снежным покровом». А участок от д. Топучей до Бийска, хотя и был ремонтирован ранее, но ныне требовал ремонта вновь.

После обследования двух указанных направлений Чуйского тракта, комиссия пришла к следующему заключению: расстояние по существовавшему тракту от Бийска до Онгудая равно 277,05 км, по «Катунскому варианту» — 289,37 км, т. е. на 12,32 км длиннее первого. В дополнение к этому, комиссия указала, что существующий тракт предполагается сократить на еще 11 км, устроив новый переход на Семинском перевале. Иначе говоря, общая разница в протяженности второго варианта увеличится до 23 км.

Но у последнего были преимущества в профиле дороги. На старом тракте было два перевала: Комаринский и Семинский. На «Катунском варианте» дороги был только один, высота которого была ниже Семинского на 62 м [1, л. 76]. Уступал старый тракт новому варианту по «грунту». Самыми тяжелыми перегонами на нем была дорога от Топучей до, Теньги и Верх Комара до Черга. Здесь грунт был глинистый. По «Катунскому варианту», он, в большинстве своем был супесчанным, хрящевато-галечным и на небольшом протяжении — суглинистый, легко осушаемый. Словом «Катунский вариант» был более благоприятный для передвижения.

Иначе говоря, комиссия, произведя простые сравнения, пришла к заключению, что Катунское направление, если сделать его главной дорожной магистралью, может дать значительное преимущество и экономическую выгоду Ойротской области. Все эти выводы комиссия и изложила в своем отчете и представила его вышестоящим органам.

Однако эти доводы, как уже было отмечено выше, в штыки принял Сибомес. Не признавая справедливость представленных комиссией доводов, он стал чинить разного рода препоны намерениям «областников». Чтобы сдвинуть дело с мёртвой точки, начальнику 3-го участка шоссейных и грунтовых и местных дорог Ойротской области И. Е. Безответову пришлось выехать сначала в г. Новосибирск, а потом — г. Москву. Здесь он надеялся заручиться поддержкой Центра и осуществить проведение изысканий нового направления Чуйского тракта. Отправившись в столицу (кстати, он ехал туда с возвращавшимся из командировки председателем Госплана РСФСР Т. Певзнер — Т. П.), он намеренно не поставил в известность Сибомес, чтобы тот не «навредил делу». Вспоминая ту поездку, Иван Евграфович подчеркивал, что «товарищ Певзнер первый раз и только от меня услышал о Катунском варианте

Чуйского тракта и очень заинтересовался им. Узнав от меня, самые глубокие подробности он обещал оказать мне в Москве поддержку...» [1, л. 104]. Но Сибомес прознал о поездке И. Е. Безответова в Москву. Он и там, по словам «ойроттуринца», попытался сорвать намеченную облисполкомом работу, «объявив меня скрывшимся неизвестно куда с участка, и разославшим телеграммы о задержании меня и доставлении этапом обратно...» [1, л. 104об.]. Однако даже такие действия, а точнее, противодействия, не повлияли на ход начатого облисполкомом дела. И. Е. Безответову удалось-таки убедить Госплан в необходимости строительства нового варианта дороги. Во избежание «какого-либо вредительства со стороны Сибомеса», посланец облисполкома считал единственно правильным решением данного «спорного вопроса» — это выделение всех изыскательских работ на Чуйском тракте из сферы влияния Сибомеса.

Их же проведение свидетельствовало, согласно произведенным расчетам, могло дать автономии, краю и стране в целом только экономическую выгоду. Осуществление «Катунского варианта» будет способствовать, с одной стороны, массовому вовлечению «окрестного и иного населения» в дорожное строительство. А с другой стороны, появление новой дороги откроет возможности для промышленной переработки природно-сырьевых богатств Ойротии (бадана, золотого и маральего корня, черемши, ягод, а также кедрового ореха). Новая дорога позволит сделать первые шаги к широкому использованию отечественной промышленностью угля, нефти, полиметаллов, мрамора и леса Горного Алтая. Все это вместе взятое, вне сомнения, свидетельствовало о широких возможностях экономического роста региона, о его переходе на самоокупаемость и высвобождая таким образом автономию от получения ею ежегодной государственной дотации, исчислявшейся в 500 000 руб. [2, л. 1561а]

Не менее значимой причиной для изменения направления Чуйского тракта служил и факт включения одного из его направлений (Улала-Бийск, протяженностью в 100 км — Т. П.) в разряд государственных дорог. Оставление же его старого направления являло собой (вследствие его постоянного ремонта) неизбежный расход государственных средств, без каких-либо надеж на получение от его эксплуатации даже минимальных доходов.

Осознавая это, и продолжали областные власти и ведомства ходатайствовать перед центральными органами о разрешении строительства нового направления Чуйского тракта. Чтобы окончательно определиться в этом вопросе, Госплане СССР провел 31 августа 1927 г. в Москве заседание стройсекции с участием в ее работе представителя Ойротской автономной области при Президиуме ВЦИК РСФСР Манеева и начальника дорожного отдела облисполкома И. Е. Безответова. На нем был рассмотрен вопрос «О выборе направления строительства Чуйского тракта». В принятом стройсекцией постановлении говорилось:

«1. С 1 октября текущего года приступить к техническим изысканиям Катунского варианта Чуйского тракта. Выделить кредит на изыскания.

2. Впредь до выяснения вопроса о рациональности и обоснованности проведения Чуйского тракта по Катунскому варианту, никаких новых капитальных работ по старому направлению [тракта] не производить, закончить все начатые работы, которые необходимы для поддержания движения по существующему старому тракту» [3, л. 34].

Окончательные расчеты, сделанные Наркоматом путей сообщения по результатам всех изысканий, показали, что строительство тракта по правобережному направлению обойдется почти в полтора раза дороже, чем по старому, левобережному. И, тем не менее, сторонников правобережного варианта было немало. По их мнению, последний вариант существенно сокращал путь до советско-монгольской границы, что было очень важно для расширения и укрепления торговых связей между СССР и Монгольской Народной Республикой. Кроме этого, он создавал и более благоприятные условия для связей областного центра с районами области и г. Бийском, так как, в этом случае, тракт проходил бы в непосредственной близости (в 7-8 км) от областного центра — с. Ойрот-Туры (ныне г. Горно-Алтайск).

Суммируя все имеющееся по данному вопросу, Совнарком РСФСР санкционировал своим постановлением (от 4 апреля 1928 г.) строительство нового направления Чуйского тракта, т.е. по правому берегу Катуни. Но против такого решения, т. е. перехода тракта с правобережного направления на левобережный (в районе бома Кор-Кечу), выступили партийные и советские органы ряда районов области, население которых оставалось, в этом случае, далеко в стороне от тракта. В частности, Шебалинский и Онгудайский районы сразу же лишились прямого выхода к областному центру и г. Бийску. В таком же положении оказывались Усть-Канский и Усть-Коксинский районы. Поэтому они настаивали на том, чтобы переход с правого берега Катуни на левый был сделан в Усть-Семе, откуда тракт должен быть идти вверх, по долине реки Семы, и соединен со старым направлением в с. Черга. Такой вариант предлагался в свое время и В. Я. Шишковым. И, надо сказать, он наиболее полно и объективно отвечал потребностям дальнейшего экономического и культурного развития области. Однако сторонники этого варианта долгое время не находили поддержки. Поэтому в 1928-1930 гг. строительно-дорожные работы на участке Усть-Сема — Черга — Шебалино — Онгудай — Кор-Кечу фактически не производились. Были сделаны только некоторые технические обследования для уточнения трассы, и осуществлялась работа силами местных жителей по улучшению существующей колесной дороги.

1 октября 1928 г. вышел приказ, который санкционировал организацию самостоятельного дорожного участка №2, в ведение которого передавался старый Чуйский тракт (к югу от д. Туекты — Т. П.) [4, л. 15]. Это было сделано, в первую очередь, для более удобного руководства ра-

бот по постройке правобережного варианта Чуйского тракта, а также для максимального увеличения работ на этом направлении. Начальником нового дорожного участка был назначен И. Е. Бе-зотьев, которому устанавливалось постоянное жалование в сумме 225 руб., 35 руб. из коих предписывалось тратить на командировочные цели [4]. Содержал приказ и распоряжение о формировании технического персонала 2-го участка: он обязан был комплектоваться из состава 3-го дорожного участка [4, л. 15].

Так, разрешилась, после долгих дискуссий и трений, проблема строительства Чуйского тракта, точнее, возможность его перехода с одного направления на другое. Но это была только ви-

димая часть «айсберга». Главная его часть оставалась, естественно, «под водой». Она-то и являла собой те проблемы, с которыми постоянно приходилось сталкиваться руководство дороги. Основу их составляли, как всегда физические и финансовые проблемы. Решая их, руководству дороги приходилось, причем не раз, возвращаться к казалось бы решенным вопросам — направлениях строительства Чуйского тракта. Каждый район, блюди свою выгоду, совсем не думал о решении общей задачи — превратить Горный Алтай в экономически развитый регион, располагающий развитой сетью дорожного сообщения, как внутри его, так и за его пределами.

Библиографический список

-
1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. П-2. Оп. 2. Д. 251.
  2. Комитет по делам архивов Республики Алтай КПДА РА Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 37.
  3. Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 637. Л. 34.
  4. Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 17.02.09.

Pustogacheva T. S.

THE CONSTRUCTION OF CHUYSK HIGHWAY IN FIRST A THIRD XX CENTURY: VERSIONS, DISCUSSION

In article analyse the version of construction the Chuysk highway in first a third XX century. The special attention spare the problem of expedient this of direction.

Gorny Altai, Chuysk highway, version of construction, left-hand and right-hand version of construction the Chuysk highway, terry-boat, crossing.

УДК 902

A. Ю. Юдина

СОСТОЯНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ г. БИЙСКА В 1945 г.

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов освещены состояние и деятельность медицинских учреждений г. Бийска в 1945 году.

Послевоенное время, медицинские учреждения, врачи, медицинский персонал, больница, больные.

Первоочередной задачей страны после завершения Великой Отечественной войны стало восстановление всего, что было разрушено ею. Ошибочно было бы полагать, что в восстановлении нуждались только те регионы, на территории которых непосредственно проходили боевые действия. Нет, в восстановительной работе нуждались все регионы страны, в том числе и те, которые были удалены от театра военных действий. Особенно страшное бедствие, которое коснулось каждого уголка нашей страны, были людские потери. Они же, как известно, не имели административно-территориального подразделения. Даже там, где никогда не пролетал вражеский самолёт, не проходил солдат противника, война оставила свои неизгладимые следы.

Для ликвидации последствий войны требовалось огромные средства. Но советские люди, не взирая на трудности социально-экономичес-

кого и бытового характера, начали поднимать свою страну из руин. Не стали исключением в этом плане и наши земляки — бийчане. Эта сложнейшая, во всех отношениях работа, конечно же, сказывалась на здоровье людей: труднейшие бытовые условия, тяжелый изнуряющий труд и постоянное напряжение, естественно, не могли не отражаться на их здоровье.

Любая работа, не говоря уж о войне, всегда связана с травматизмом и заболеваниями. И события послевоенного периода не стали исключением в этом плане. Тогда, в восстановительный период нашей истории, медицинским работникам страны, и в частности, г. Бийска, приходилось трудиться, не покладая рук. Особенно много работы доставила им Великая Отечественная война. О ней им и все горожанам напоминали функционировавшие в нашем городе — с военных лет — госпитали. Их же у нас в 1945

году имелось 15. Их «вместимость», согласно источнику, составляла 5300 койко-мест [1, л. 1-11]. Вот об истории их возникновения и их деятельности в 1945 году нам бы и хотелось поделиться в настоящей статье. Источниковой базой для нее послужили архивные материалы, выявленные автором в Центре хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК — г. Барнаул), а также воспоминания старожилов города.

Начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков кардинально изменила жизнь всей нашей страны, в том числе и г. Бийска. В соответствии с решениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в восточные районы страны было эвакуировано огромное количество промышленных предприятий. Свыше ста из них, преимущественно машиностроительных, было размещено на территории Алтайского края: котельные заводы, завод механических прессов, предприятия тракторного, сельскохозяйственного машиностроения и др. [2, Чирков... с. 115]. Словом, начавшаяся война кардинально перестроила жизнь нашей страны, нашего края, в том числе и г. Бийска. Хотя он находился далеко от театра военных действий, тем не менее, дыхание войны люди ощутили и здесь: в скорее в лечебные учреждения нашего города стали поступать раненые бойцы и командиры Красной Армии. Однако тема их излечения здесь является собой тему специального исследования. Пока же мы остановимся на вопросе работы медицинских учреждений в 1945 году, т. е. после окончания Великой Отечественной войны.

За годы войны их материальная база была существенно подорвана: требовали капитального ремонта здания, в которых они находились, не хватало медикаментов, медперсонала и много другого. Но, несмотря на это, медицинские учреждения функционировали и продолжали решать возложенные на них задачи. Знакомясь сегодня с документами тех лет, можно только удивляться, без преувеличения, героизму медработников, стоявших на защите здоровья людей в ситуации, когда им многое не хватало для этого. И сегодня старожилы, с которыми, довелось нам беседовать, с огромной теплотой отзывались о врачах тех лет: Г. С. Власовой, Г. И. Нестерове, А. Пермякове, о старшей медицинской сестре М. А. Быстревской и др. [1, л. 1].

Согласно документам, главной проблемой тех лет были не приспособленные «для медицинских нужд здания», в которых находились в тот год многие наши больницы. Так, инфекционная больница располагалась тогда в ветхом здании, «совершенно не соответствовавшем элементарным санитарно-эпидемическим требованиям» [1, л. 3]. К примеру, в ней имелась только одна ванна, хотя каждый больной должен был еженедельно получать водные процедуры. Одним из главных неудобств данного лечебного учреждения являлось то, что кухня располагалась в центре здания, в силу чего около нее постоянно скапливался персонал из разных отделений. Поэтому в больнице, из-за отсутствия стацио-

нарной для этого секции, не проводились положенные вскрытия.

Не имела больница в те годы и боксов — специально оборудованных помещений для изоляции и лечения больных. В него же должен быть отдельный вход и выход, все двери (в идеале — застекленные) должны были запираться на ключ. Отсутствие этих помещений нарушило сам принцип устройства инфекционной больницы, согласно которому пациент при поступлении проходил по системе больничных помещений, не возвращаясь в те, где уже побывал и направляется в нужное для него отделение. Отсутствие необходимых для лечения помещений, естественно, нарушило правила лечения, повышало риск заражения пациента другими инфекционными болезнями или повторное его заболевание.

Статистические данные за 1945 год свидетельствуют, что, по сравнению с 1944 годом, в больнице «выросли» показатели по уровню заболеваемости брюшным тифом (на 67% — заболело 324 чел.), паратифом (на 201% — 205 чел.), корью (на 245% — 795 чел.), скарлатиной (на 18% — 59 чел.), дизентерией (на 37% — 121 чел.). Рост заболеваний брюшным тифом, паратифом и дизентерией во многом был связан, по мнению заведующего горздравотделом, с неудовлетворительным санитарным состоянием города (большой загрязненностью дворов, туалетов и т. д.) [1, л. 5].

Но, несмотря на все сложности, медперсонал инфекционной больницы, руководимый В. И. Поплавским, все делал для того, чтобы снизить заболеваемость населения опасными для человека болезнями. И, надо сказать, с такой задачей он справлялся. Благодаря его усилиям, в 1945 году удалось снизить заболеваемость по сыпному тифу (на 45,3%), возвратному тифу (на 33,4%), дифтерии (на 10%) и коклюшу (на 19%) [1, л. 5]. Возможно, результаты были бы выше, если бы больница располагала большим числом «койко-мест». В 1945 году она имела лишь 100 коек (из них 50 — детские). В отдельные месяцы в больнице проходили излечение 120 чел. Чтобы их поставить на ноги, временно было закрыто диагностическое отделение, хотя в нем больница остро нуждалась. Учитывая такую ситуацию, горисполком выделил вскоре больнице дополнительное помещение по ул. Заводской, 97, а также предоставил ей здание по ул. Заводской, 77. После ремонта, который там сразу же был начат, планировалось открыть создание одно из отделений больницы, которое бы специализировалось на какой-либо инфекции, что обеспечивало бы постоянную работу диагностического отделения [2].

Говоря об охране здоровья горожан, следует отметить, что перспективы города в этом плане выглядели в 1945 году, более или менее, обнадеживающие. Дело в том, что в пятилетний план развития города Бийска было заложено строительство новой инфекционной больницы, отвечавшей всем медицинским требованиям.

Трудная ситуация (в плане наличия помещений) сложилась в 1945 году и в городской туберкулезной больнице и санатории. В связи с не-

хваткой помещений, часть их больных размещалась в терапевтическом отделении горбольницы №1. Здесь, как и в вышеописанной больнице, кухня, опять-таки, из-за недостатка площади, была общей, не было в больнице и специального кабинета для проведения лечебных процедур. Велика была в больнице потребность в койко-местах. Однако больница и санаторий их имели всего 25 и 30 соответственно. В силу нехватки койко-мест они вынуждены были оставлять детей, больных активным туберкулезом, дома или же направлять их на лечение в детскую больницу [л. 7].

Такого же рода затруднения испытывала и венерическая больница, здание для которой горисполком выделил, но не осуществил расселение жильцов, живших ранее в нем. В силу этого, больница и диспансер выглядели, согласно описанию источника, следующим образом: « В узком коридоре... ждут своей очереди мужчины, женщины и дети с различными венерическими и кожными заболеваниями. Кабинеты, где происходили их лечение представляли собой маленькие клетушки, разделенные тонкими перегородками» [1, л. 4]

Однако такое плачевное состояние было не во всех больницах. Для примера, можно было сослаться на «Третью городскую больницу», функционировавшую на базе городского родильного дома и малярийной больницы. Она, согласно документу, была «хорошо отремонтирована». Вполне «благополучно функционировала и детская больница: в здании был проведен ремонт, были покрашены полы, двери, окна и мебель, побелены все помещения, переложены печи. Не испытывала больница и нехватку с топливом и, тем не менее, в старом здании было холодно, на что постоянно жаловались больные.

Но, наряду с проблемами, которые были «специфическими для каждой больницы, они имели и общие: каждая из них остро нуждалась в медицинском оборудовании, мягким инвентаре и т. д. К примеру, городская больница №1, рассчитанной на 190 коек, имела постельного белья всего на 1,5-2 смены. В виду его нехватки, многие больные принимались со своим бельем. Недоставало — почти во всех больницах — предметов ухода за больными: суден, желудочных зондов, подкладных клеёнок и др. Такая же ситуация была в инфекционной больнице. Не лучше были обеспечены и туберкулезный санаторий и диспансер: в них имелось лишь по одной смене халатов. Одеял в больнице почти не было: на 25 коек имелось всего 10 одеял, процент износа которых равнялся 50%, т. е. все имевшиеся в больнице подлежали только списанию. Мало было в них и посуды. Вследствие этого и недостаточного обеспечения лечебных учреждений продуктами, питание в больнице и в санатории почти не отличалось. Страдали больные не только от недуга, но и от холода. Особенно испытывали это «неудобство» пациенты лечебных учреждений, расположенных в каменных зданиях: в них постоянно было холодно. Так было (даже при натопленных печах) в каменном здании детской больницы. Это «неудоб-

ство» можно было перенести, если бы дети имели в достаточном количестве одеяла, обувь и детскую одежду. Этого не хватало, особенно белья, в родильных домах текстильного фабрики и сахарного завода.

Обо всех указанных выше недостатках, руководители лечебных учреждений города докладывали его начальству. Но последнее реагировало на все их законные жалобы и требования медиков стереотипно: войдите в положение — только закончилась война, потерпите, пожалуйста, посмотрите, ведь у многих людей нет даже крыши над головой. Понимая ситуацию и видя все своими глазами, медики, скрепя сердце, продолжали работу в неприспособленных для медицинских занятий помещениях, в обстановке материальной нехватки медицинского оборудования, лечебных материалов и многого другого.

И все же осознавая объективно складывавшиеся трудности, медработники, тем не менее, требовали решить один важный для них вопрос: обеспечить их реактивами для проведения анализов, без которых лечение больных зачастую было невозможно. В частности, в городской больнице №1 из-за отсутствия оборудования и реактивов количество лабораторных анализов на одного больного равнялось не более 1,2 единицы (в современных условиях врачи только при обследовании больного по поводу аллергии берут свыше 10 анализов). Ставили медики вопрос и об обеспечении их лечебных учреждений рентгеновскими кабинетами. Отсутствие его ставило под удар, утверждали они (вполне справедливо), работу почти каждой больницы. Особенно нуждался в нем туберкулезный санаторий, где необходимо было проводить исследования мокроты каждого пациента. Пока же количество ее исследований мокроты не превышало и трети (из 202 больных анализы прошли 79 чел.). Подобная ситуация имела место тогда и в венерической больнице, что нередко приводило к срыву полагающегося лечения больных. В таких ситуациях, весьма актуально звучало высказывание одного из лучших врачей XIX века Г. А. Захарьина, который говорил в свое время своим ученикам: «Сколько бы вы, милостивые государи, ни выслушивали и не выступали больного, вы никогда не сможете безошибочно определить болезнь, если не прислушаетесь к показаниям больного» и не проверите их путем анализов [5, л. 140]. К сожалению, в 1945 году, в силу объективных причин, о которых уже упоминалось выше, главным оружием медиков в борьбе с заболеваниями были, в немалой степени, распросы, выслушивание, выстукивание и врачебный опыт.

Большую работу проводили в то время медики с ранеными и с инвалидами войны. Первых, естественно, лечили, а вторых осматривали врачебные комиссии и после их заключения, инвалидам устанавливалась соответствующая заболеванию группа и они направлялись на курортно-санаторное лечение. На такое лечение направлялись и рабочие и служащие города, но они проходили его в домах отдыха. Проводили медицинские комиссии и переосвидетельствования

состояния здоровья людей. В случае отклонения от нормативных медицинских показаний рабочие и служащие отправлялись на другую работу. Так, в 1945 году на другую работу были направлены 107 чел. И 1202 чел. Получили, по рекомендации врачебных комиссий, усиленное диетическое питание.

Значительную работу проводила в 1945 году и городская малярийная станция: она обследовала на малярию учащихся школ, рабочих и служащих заводов, воспитанников детских садов и ясель, проводила обследование населения, проживающего в районах сахарного завода, текстильной фабрики и мясокомбината [3].

Наряду с непосредственной работой по лечению больных и профилактике заболеваний среди населения, проводили медицинские учреждения города и курсы по повышению квалификации особенно среди среднего медицинского персонала. С этой целью в городе проводились краткосрочные курсы, научно-практические конференции, семинары, тематика занятий на которых всецело определялась складывавшейся в городе ситуацией по заболеваниям, а также показателями заболеваемости среди населения. Наиболее распространенными темами занятий в то время были: «Инфекционные заболевания: тифы паразитарные, кишечные инфекции», «Детские инфекции», «Диагностические ошибки» и др. [4].

Конечно, среди общего количества перечисленных недостатков в системе здравоохранения в города Бийска достижения 1945 года могут показаться весьма скромными, но это было связано не с нежеланием медицинских работников и руководства горздравотдела наладить должное функционирование медучреждений, а с общими трудностями в жизни населения города Бийска в то время и страны в целом. Для нормального функциониро-

вания всех сфер жизни населения необходимы были и средства, и специалисты, которых, увы, не хватало по указанным выше причинам.

И всё же, несмотря на это, медработники, местные власти предпринимали усилия по улучшению материальной базы медицинских учреждений, их оснащению оборудованием, обеспечению их медикаментами и др. Не оставляли они в стороне и вопросы профессиональной подготовки медперсонала, что положительно сказывалось, в конечном счете, на состоянии заболеваемости горожан.

Знакомясь с положением медицинского обслуживания населения Бийска в 1945 году, нынешние его жители, естественно, не выразят желания воспользоваться его услугами. Однако профессиональная подготовка медицинских работников того времени — наших земляков — оценивалась не только нашим старшим поколением бийчан, но и профессионалами тех лет из краевых, республиканских и даже союзных медицинских инстанций очень высоко. Об этих заслуженных людях мы уже упоминали выше. Это их усилиями, поколением наших земляков тех лет было заложена система здравоохранения, услугами которой мы пользуемся сегодня. Тогда в 1945 году закончилась Великая Отечественная война. Однако бой за жизнь людей, бой со смертью продолжался. Его-то и вели наши земляки — врачи, медицинские работники нашего города [5]. Своим, без преувеличения, героическим подвигом они заслужили то, что называется доброй памятью. Мы их обязаны поминать о них всегда, а не только в случаях, когда на приходится обращаться к услугам людей в «белых халатах». Наши земляки-медработники 1945 года своим самопожертвованием, стойкостью и гражданским мужеством заслужили это.

Библиографический список

1. Управление архивных дел Алтайского края. Ф. 726, оп. 1, д. 484. Годовые статистические отчеты. — Бийск. 1945.
2. Мищенко В. Т. Энциклопедия Алтайского края. В 2 т. Т. 2. — Барнаул, Алт. кн. изд-во, 1996 г.
3. Палеева Н. Р. Справочник медицинской сестры. — М.: НИО «Квартет», «Крон-Пресс», 1993.
4. Кондрашенко В. Н., Попова Н. М. Гигиена детей и подростков. — М.: Медицина, 1980.
5. Шубин Б. М. Дополнение к портретам. — М.: Изд-во «Знание», 1988.

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина
Получено 17.02.09.

Yudina A. Yu.

THE CONDITION AND THE ACTIVITY OF MEDICAL INSTITUTIONS OF TOWN BIYSK IN 1945 YEAR
In article, on the published and archive materials throw light The condition and the activity of medical institutions of town Biysk in 1945 year

Post-war-time, medical institutions, doctor, medical personnel, hospital, patient.

УДК 902

Т. В. Анкудинова

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГОРОДА ГОРНО-АЛТАЙСКА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В статье, на основе архивных источников и опубликованных материалов проанализированы основные тенденции экономического развития города Горно-Алтайска в послевоенные годы.

Горный Алтай, экономическое развитие, промышленные артели, промысловая кооперация.

После окончания Великой Отечественной войны в Горно-Алтайске как и в Горно-Алтайской автономной области в целом начался длительный и тяжелый этап восстановления народного хозяйства.

Тенденции промышленного развития г. Горно-Алтайска в основном совпадали с общим развитием региона. В народно-хозяйственном плане города первое место занимала промышленность. Однако следует оговориться, что его промышленность была развита очень слабо, несмотря на то, что город являлся промышленным центром области, в котором находилась основная масса предприятий легкой, пищевой, деревообрабатывающей промышленности и других отраслей, дававших больше половины валовой продукции промышленности всего Горного Алтая. В послевоенный период городская промышленность состояла из 24 предприятий, в том числе государственного значения с подчинением краю — 6; предприятий местной промышленности — 4, промысловых артелей многопромсоюза — 11; инвалидных артелей системы коопсоюза — 2. [1, с. 23]. Все эти предприятия занимались различной деятельностью. Так инвалидные артели системы коопсоюза — («Путь», «Эмелюк»), промышленные артели («Труженик», «Единение», «Оиротка») занимались шитьем головных уборов, платьев, костюмов, шуб. Промартели «Быт», «Красный кожевник» были заняты скорняжно-щепочным, кожевенным, роговым, мехокрасильным, химическим производствами. «Деревообделочник» заготовлял лес, проводил его распиловку, а также столярно-плотничным, бочаро-бондарным, клепочным, щепным производством и изготовлением деталей обоза. Кроме этого существовали и такие многопрофильные промартели как «Заря Алтая», «им. Чапаева», «Новый путь» «Красный транспортник», «Памяти Крупской», «Электрометалл» [2, с. 209].

Если говорить о предприятиях государственного значения и предприятиях местной промышленности Горно-Алтайска, то в их число входили горнолзавод, лесмостоп, хлебокомбинат, мясокомбинат, валяльно-войлочная фабрика, лесозаготовки, кондитерский цех, завод безалкогольных напитков, пивоваренный цех, цех по производству джема, солодовенный цех, весоремонтная база, известковый завод, гончарный цех, металлзавод, кузница, мебельная фабрика, швейный цех, сапожный цех, кожзавод, кирпичный завод, электростанция, авторемонтная мастерская, мельница [2, с. 210].

Ведущее место среди них занимали хлебокомбинат, мясокомбинат, валяльно-войлочная фабрика, швейная фабрика, мебельная фабрика, металлзавод областного подчинения, кирзавод областного подчинения, гортоп, электростанция и др. Сразу же после окончания войны началось укрупнение предприятий местной промышленности: в 1946 г. мебельная, швейная фабрики, металлзавод были объединены в городской промышленный комбинат. Позднее, в 1948 г. горпромкомбинат был ликвидирован, а входившие в его состав предприятия были выделены в самостоятельные организации с подчинением их областной местной промышленности [3, с. 125].

С целью улучшения оперативного руководства промышленными артелями, Оиротский областной многопромсоюз (образованный в 1942 г.) был разделен в 1947 г. на два союза: городской много-промсоюз (с 11 артелями) и межрайонный много-промсоюз (с 39 артелями). В состав Оирот-Туринского городского многопромсоюза вошли следующие артели: «Красный кожевенник» — (кожевенное производство), «Оиротка» — (швейное производство), «Заря Алтая» — (пимокатное и кожевенное производство), «Новый путь» — (текстильное, ткацкое, деревообрабатывающее и лесозаготовительное), «Быт» — (металлическое производство), «Красный транспортник» (в январе 1947 г. была переименована в артель им. Калинина) — (перевозки грузов), «Памяти Крупской» — (швейное производство), «Единение» — (пищевкусовое производство), «Труженик» — (трикотажное, кожевенное), «им. Чапаева» — (текстильное, ткацкое производство) [4, с. 30].

Восстановление промышленности, достижение ею довоенного уровня происходило в полном соответствии с «Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.», и уже первый послевоенный, 1946 г. был для промышленности города годом новых сдвигов в ее восстановлении. Общий объем производства (валовая продукция промышленности) в 1946 г. превзошел довоенный уровень на 2,6% [5, с. 45]. Тем не менее, в целом состояние промышленности и особенно отдельных ее отраслей оставалось еще слабым.

Аналогичное положение наблюдалось и в ряде других отраслей промышленности. Даже при выполнении государственного плана выпуска продукции в валовом исчислении системами облмеспрома, облпищепрома и крайлегпрома не выполнялся план выпуска продукции в ассортименте.

Особенно плохо шло выполнение плана по номенклатуре изделий системой многопромсоюза. Эта система была самая разветвленная в городе. Но его предприятия изготавливали в 1946 г. из 50 запланированных по плану только 9, а для жителей сельской местности, т. е. по районам Горно-Алтайской области — из 52 изделий только по 17. А ведь здесь вопрос шел о бытовых нуждах населения: оказания помощи транспортом, перевозке грузов культурно-просветительным учреждениям города.

Не выполняли данные предприятия план по выпуску валовой продукции. По сравнению с 1945 года, этот показатель сократился на 73,390 руб. или на 2,5%. Плохо сработали они в 1 квартале 1946 года: государственный план был выполнен только на 85% [6, с. 390], т. е. из 11 артелей выполнили производственную программу только 5 артелей и 3 увеличили выпуск валовой продукции по сравнению с 1944 г. В частности промартель «Ойротка» дала прирост — 6%, «Новый путь» — 55%, Память Крупской — 10%. Плохо сработал «Электрометалл», который выполнил годовой план всего на 89%, не добавив государству выпуск валовой продукции на 39400 руб., артель «Труженик» выполнившая годовой план на 75% и сократившая выпуск продукции на 162700 руб. [7, с. 23]

Основными причинами невыполнения планов являлись распыленность, многоотраслевой характер производства, особенно в промышленных артелях, а также отсутствие необходимого количества сырья — одного из основных условий успешной работы местной промышленности. Не последнюю роль играл недостаток квалифицированной рабочей силы, поскольку даже имеющиеся производственные мощности из-за ее нехватки использовались не в полную силу. Так, в системе межрайногопромсоюза, мощность кирпичных заводов использовалась на 16,1%, кожевенных — на 8,3%, лесопильных — на 26,6%, деревообрабатывающих цехов — на 15,9%, мельниц — на 38,3% [8, с. 414].

Очень низким был и уровень технической вооруженности труда рабочих. В системе облместпрома, к примеру, было всего 2 токарных станка; в силу этого металлообработка в обозостроении, валяльном, кирпичном производстве и деревообработка осуществлялись вручную.

Одним из важнейших показателей степени развития промышленности в городе, да и в области в целом являлось производство товаров на душу населения. Если проанализировать показатели производства потребительских товаров, на изготовлении которых в основном специализировалась промышленность города и области в исследуемый период, то уровень их производства был невысоким. Многие насущные потребности населения области удовлетворялись за счет ввоза этих товаров из других районов страны.

С начала 1941 г. в структуре промышленности местного подчинения все больший удельный вес начало занимать производство, работавшее на привозном сырье, что имело, с одной стороны, положительное значение, так как способствовало росту производимых товаров в ассортименте, и

приближало производство к потребителю, а с другой стороны, завоз готового сырья отрицательно сказывался на изыскании и использовании местного сырья. В результате складывавшейся практики, отрасли промышленности, имевшие большие перспективы для развития, например промышленность стройматериалов, вместо расширения, начала сокращать производство. В силу этого, в 1946 г. промышленность, работавшая на привозном сырье, занимала в общем объеме производства уже 54,6% [9, с. 24]. Слабое использование местных ресурсов остро поставило вопрос о необходимости более глубокого исследования недр края и использования его богатств в интересах быстро развивающегося народного хозяйства страны.

Одним из важнейших условий промышленного освоения природных ресурсов Горного Алтая было развитие транспортных коммуникаций. В 1946 г. основным видом транспорта являлся автомобильный. Его главная артерия — Чуйский автомобильный тракт, пересекавший всю область с севера на юг, к этому времени был в хорошем состоянии. Это способствовало неуклонному росту грузооборота автомобильного транспорта. Однако обширная территория области, располагавшая разведенными природными богатствами, прежде всего лесными массивами, оставалась в стороне от тракта, в труднодоступных горных районах, куда подъездных путей не было вообще.

В пределах города автогрузовыми и гужевыми перевозками и связанными с этим приемо-сдаточными операциями занимался транспортный отдел автомобильного и гужевого транспорта (сокращено «горкомтранс»), находившийся в ведении горкомхоза, который был образован постановлением Ойрот-Туринского горисполкома.

Поскольку в годы четвертой пятилетки развитие промышленности во многом зависело от восстановления производственных площадей и замены устаревшего оборудования, машин и станков, то в 1947 и последующих годах капитальные вложения государственных и кооперативных предприятий города использовались в основном в этих целях, причем в их структуре доля расходов на строительно-монтажные работы была преимущественной. Расходы на восстановление производственной базы предприятий в послевоенные годы составили 64% от всех капитальных вложений в промышленность, расходы на приобретение оборудования — 36% [10, с. 42]. Доля оборудования, машин и станков в структуре капитальных вложений была относительно небольшой. Эти данные наиболее точно характеризовали, с одной стороны, восстановительное направление в развитии промышленности, а с другой, объясняли условия послевоенной реконструкции промышленного производства города.

Капитальные вложения в промышленность с каждым годом возрастили. Но из-за отсутствия развитой строительной индустрии часть предприятий местной, пищевой, маслосыродельной, легкой и кооперативной промышленности неправлялась с планами капитальных работ. Но, тем не менее, за послевоенные годы производственная база промышленности в значительной мере была об-

новлена. В 1949 г. были пущены в эксплуатацию два сырзавода, способных перерабатывать 600 тонн молока в год, кирпичный завод, швейный и приготовительный цеха в промартели «Текстильщик», гидроэлектростанции в промартели «Большевик» и сапоговальской фабрике [11, с. 156]. Одновременно с обновлением производственных площадей происходило и внедрение в производство нового оборудования и машин. В 1949 г., впервые в работе государственных лесозаготовительных предприятий города и области стали использоватьсь мотоэлектропилы, лебедки и трелевочные тракторы.

Росту производства способствовало и распространение в промышленности передовых методов труда и достижений техники, дальнейшая борьба за качество продукции. В различных формах социалистического соревнования участвовали десятки и сотни рабочих промышленных предприятий, это способствовало, в конечном счете, успешному завершению производственной программы 1948 г.

В ходе послевоенной реконструкции промышленности и широко развернувшегося социалистического соревнования за досрочное выполнение четвертого пятилетнего плана часть предприятий города добилась высоких производственных результатов. В числе передовых предприятий были: металлизавод, выполнивший годовой план 1946 г. на 111%, горизонтальный завод, выполнивший девяти месячный план на 138%, типография — 114,3%, промартель «Текстильщик» — на 124,5% [12, с. 42]. Неплохо сработала и промартель «Электрометалл», добившаяся выполнения производственной программы на 156,5% и увеличившей производительность труда на 14,8%, снизившей себестоимость продукции на 12% и перевыполнившей план накоплений. Плановые задания были превзойдены и некоторыми другими предприятиями: Майминским леспромхозом, лесопромысловыми артелями «Красное знамя», «Большевик» и «Заря», промартелями «Трудовик», «Труженик».

Неплохих показателей добились и артели промышленной кооперации, а также швейная фабрика, которая уже в конце 1949 г. значительно (на 33%) превзошли уровень производства, установленный по пятилетнему плану на 1950 г. В послевоенный период последняя значительно увеличила выпуск изделий предназначенных для государственных предприятий торговли. Правда, производство товаров народного потребления, поставляемых в торговую сеть, не всегда было высокого качества и требовало его повышения. Рост

выпуска продукции вызвал необходимость и строительства нового корпуса фабрики. В 1950 г. было построено деревянное двухэтажное здание на 365 кв.м. где было установлено 35 швейных машин с ножным приводом, а в 1952 г. — на фабрике была введена в действие дизельная электростанция, это позволило запустить в работу 42 швейные машины с электрическим приводом. Внедрение новой техники позволило фабрике дать сверх плана в пятой пятилетке продукции на 1,4 млн. руб., а также повысить производительность труда на 53%. Близки к этому были и некоторые предприятия пищевой промышленности и промысловой кооперации города.

В результате работ, проведенных за 4 года, наиболее крупными промышленными предприятиями города стали к 1949 г. промартель «Текстильщик», «Электрометалл», ваяльно-войлоковая фабрика, пошивочная легпрома и мебельная фабрика [13, с. 43].

Постоянное увеличение капитальных вложений, оснащение предприятий новой техникой, внедрение в производство передовой технологии, высокий трудовой энтузиазм трудящихся обеспечили в годы первой послевоенной пятилетки быстрые темпы развития отдельных отраслей промышленности. К концу пятилетки валовая продукция промышленности города превзошла довоенный уровень на 10,8%.

Однако восстановление довоенного уровня производства на базе мелких предприятий, какими было большинство промышленных предприятий города, не обеспечивало дальнейшего роста производства и замедляло оснащение его высокопроизводительной техникой. И поэтому, несмотря на известные достижения в подъеме промышленного производства, в выполнении четвертого пятилетнего плана народного хозяйства предприятиями города обнаружились серьезные недостатки, преимущественно в организации технологического процесса производства на предприятиях. Именно это обстоятельство и стало причиной того, что по производительности труда ими не был достигнут уровень довоенных лет.

Таким образом, в послевоенные годы, происходило постепенное возвращение области, в т.ч. и города к мирной жизни, которое предполагало, прежде всего, восстановление экономики и ее переориентацию на мирные цели. Война задержала развитие народного хозяйства страны примерно на десятилетие. Поэтому основной задачей после ее окончания стало восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, разрушенного войной.

Библиографический список

1. Казанцева, В. П. Горный Алтай в первом послевоенном десятилетии (1946-1953 гг.) / В. П. Казанцева. — Горно-Алтайск, 1992.
2. Город любимый. Горно-Алтайск в документах и фотографиях. Сб. документов. — Горно-Алтайск, 1998.
3. КГДА РА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 486.
4. КГДА РА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 445.
5. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Под ред. Л. П. Потапова. Горно-Алтайск, 1973.
6. Память народа. Сборник документов по социально-экономической и культурной истории области. — Горно-Алтайск, 1993.
7. КГДА РА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 448.
8. Казанцева, В. П. Горный Алтай в первом послевоенном десятилетии (1946-1953 гг.) / В. П. Казанцева. — Горно-Алтайск, 1992.
9. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Под ред. Л. П. Потапова. Горно-Алтайск, 1973.

10. Казанцева, В. П. Горный Алтай в первом послевоенном десятилетии (1946-1953 гг.) / В. П. Казанцева. — Горно-Алтайск, 1992.
11. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Под ред. Л. П. Потапова. Горно-Алтайск, 1973
12. КПДА РА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 487.
13. КПДА РА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 449.

Горно-Алтайский государственный университет
Поступило 17.02.09

T. V. Ankudinova

ECONOMICAL DEVELOPMENT OF GORNO-ALTAISK DURING THE POSTWAR PERIOD

In the article, on the basis of archival sources and published materials, the main tendencies of economic development of Gorno-Altaisk during the postwar period are analyzed.

Gorny Altai, economic development, industrial artel, fishing co-operation.

УДК 902

T. V. Ankudinova, A. G. Гонохов

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРНОГО АЛТАЯ В 90-е гг.

В статье, на основе архивных источников и опубликованных материалов, проанализировано состояние сельского хозяйства Горного Алтая в 90-е гг. XX в., показаны основные направления его развития.

Горный Алтай, агропромышленный комплекс, растениеводство, животноводство, потребительский рынок.

Агропромышленный комплекс (АПК) — в широком смысле слова включал в себя сельское хозяйство (растениеводство и животноводство), переработку сельскохозяйственного сырья и производство продовольствия, сельское и мелиоративное строительство, тракторное и сельскохозяйственное машиностроение. Агропромышленный комплекс являлся одним из основных секторов народнохозяйственного комплекса Горного Алтая.

Территории администраций нынешней Республики Алтай представляли собой в основном сельские местности. В республике было зарегистрировано 254 населенных пункта, в том числе один город (Горно-Алтайск), и два поселка городского типа — Акташ и Веселая Сайка. Людность поселений была не одинакова. Основная часть поселений была расположена вдоль Чуйского тракта, к населенным пунктам, расположенным в стороне от тракта, были проведены в основном гравийные дороги. Только 92 населенных пункта имели пассажирское сообщение транспортом общего пользования. Территориальное разделение труда в сельском хозяйстве, размещение отраслей, и как следствие этого, формирование производственных типов хозяйств происходило под влиянием потребностей народного хозяйства в различных видах сельскохозяйственной продукции и в то же время существенно зависело от природных и экономических условий и факторов, в которых находилось то или иное предприятие [1, с. 49].

Горный рельеф предопределял отрасли специализации региона. Сложившаяся структура экономики РА имела аграрно-сырьевую направленность. Природно-климатические и geopolитические условия на протяжении многих лет способствовали развитию сельскохозяйственного сектора: отгонное животноводство, козоводство, овцеводство, яроводство. Республика располагала возможностями для

развития пантового мараловодства и оленеводства, в горах и предгорных районах могло эффективно развиваться табунное коневодство, широко было распространено мясное скотоводство, имелись предпосылки для производства высококачественных сыров и диетических молочных продуктов.

В 1990-е годы, как в России, так и в Республике Алтай произошли существенные преобразования в сельском хозяйстве. Завершилась реорганизация колхозов и совхозов, которые в большинстве своем приняли новые организационно-правовые формы хозяйствования.

Заметные изменения произошли и в производстве сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств. До 90-х гг. основными производителями в сельскохозяйственном секторе являлись сельскохозяйственные предприятия, на долю которых приходилось 60% продукции. В ходе реформирования аграрной сферы сформировался широкий круг сельскохозяйственных товаропроизводителей, отличающихся многообразием форм собственности и хозяйствования [2, с. 128].

К началу 2000 г. в сельском хозяйстве действовало 29 колхозов и государственных предприятий, 97 товариществ, всех типов, акционерных обществ, производственных кооперативов и прочих предприятий, 1311 крестьянских (фермерских) хозяйств и 49,9 тыс. семей, имеющих личные подсобные хозяйства [3, с. 65].

В 1990-2000 гг. наблюдались разнонаправленные тенденции в производстве продукции сельскохозяйственными предприятиями и индивидуальными хозяйствами. При значительном сокращении производства в сельскохозяйственных предприятиях, объем продукции в хозяйствах населения увеличивался. В результате этого, доля населения в производстве продукции сельского хозяйства увеличилась почти в два раза.

В 90-х годах формировался и новый уклад в экономике сельского хозяйства — крестьянские (фермерские) хозяйства. Доля производимой ими продукции в 1991-2000 годах составляла более 7%. Динамика структуры сельскохозяйственного производства по категориям хозяйств характеризовалась данными, приведенными в таблице 1.

Таблица 1

Динамика структуры сельскохозяйственного производства по категориям хозяйств
(в фактически действующих ценах;
в % от хозяйств всех категорий) [3, с. 78]

	1990	1995	1998	1999	2000	2001
Сельскохозяйственные предприятия	63,8	36,1	21,5	20,6	22,3	19,7
Хозяйства населения	36,2	25,7	71,1	72,4	69,9	72,2
Крестьянские (фермерские) хозяйства.	-	4,2	7,4	7,0	7,8	8,1

Развитие индивидуального сектора в сельском хозяйстве в начале 90-х годов активизировалось в связи с либерализацией цен, дефицитом продовольствия, перераспределением земель, интенсивным выделением земельных участков собственникам личных хозяйств, владельцам садов и огородов, фермерским хозяйствам.

Развитие крестьянских хозяйств, как экономической категории началось в республике с 1991 года и продолжилось до 2000, сохраняя тенденцию роста — с 1054 до 1265 предприятий. При этом площадь, приходившаяся на данные предприятия, увеличилась почти вдвое и по данным Госкомстата РА составляла на начало 2000 г. 199 га на одно крестьянское хозяйство.

Природно-климатические условия не позволяли развивать в республике товарные отрасли растениеводства и, прежде всего, зерноводство. Из 1781,0 тыс. га сельскохозяйственных угодий под пашней находилось только 143,7 тыс. га, что составляло 8,06%, сенокосы занимали 124,4 тыс. га (6,9%), оставшиеся площади приходились на пастбища, что предопределяло специализацию отрасли. Доля пастбищ в общей земельной площади повышалась по мере перехода от низкогорья к высокогорью. В то же время доля сенокосов, наоборот, понижалась от пояса низкогорий к поясу высокогорий. В этом же направлении снижалась распаханность земель. 2/5 территории сельскохозяйственных предприятий занимали леса. Лесистость снижалась от низкогорий к высокогорьям. Соотношение основных видов земельных угодий менялось в разных типах природной среды.

Характерной особенностью земель Республики Алтай являлась их эрозионная уязвимость. Почти 90% сельскохозяйственных угодий можно было отнести к эрозионно опасным землям. Около 10% сельскохозяйственных угодий практически

были эродированы и нуждались в восстановлении утраченного плодородия.

Наибольшие площади земель в республике были заняты кормовыми культурами. Растениеводство было ориентировано на производство кормов для содержания скота. В связи с сокращением поголовья основных видов скота, уменьшились и площади кормовых культур (к уровню 1991 г. на 23,5 тыс. га или 22,4%) [4, с. 19].

Площади, занятые зерновыми и зернобобовыми, также из года в год сокращались. В 2000 г. они составляли 19,4 тыс. га, что на половину меньше, чем было их в 1991 г.

Основными производителями зерна в республике являлись сельскохозяйственные предприятия (18,7 тыс. тонн в весе после доработки), доля их во всех категориях хозяйств к 2000 г. составляла 91,5%. По сравнению с 1999 г., валовой сбор зерновых культур увеличился на 46,6%, а к уровню 1990 г. он сократился на половину.

В структуре производства зерна более 52% занимали овес, 26% — пшеница, 20% ячмень и около 2% приходилось на рожь, гречиху и зернобобовые культуры.

Валовые сборы картофеля и овощей всех категорий к уровню 1999 г. по сравнению 2000 г. сократились на 20,3 и 18,5% соответственно в результате снижения урожайности (на 20,5 и 9,2%). Прекращение производства картофеля в колхозных хозяйствах осложняло формирование продовольственного фонда для обеспечения городских жителей и спецпотребителей через торговую сеть и общественное питание. В производстве овощей, как и в картофелеводстве, определялась тенденция увеличения удельного веса личных хозяйств при одновременном сокращении доли колхозных предприятий.

Производство картофеля и овощей было сосредоточено в основном в хозяйствах населения, которыми в 2000 г. было выращено 36,7 тыс. тонн картофеля (98,9% от общего сбора во всех категориях хозяйств) и 12,7 тыс. тонн овощей (97,9%) [5, с. 21].

Анализ структуры производства продукции сельского хозяйства показал, что она значительно изменилась: в 1,3 раза увеличилась доля животноводства в 2001 г. сравнению с 1995. Наибольший темп роста данного показателя наблюдался в личных подсобных хозяйствах (в два раза).

Если, в 1991 г. производство всех основных видов сельскохозяйственной продукции было рентабельным, то в конце 1999 г. почти все отрасли животноводства не могли стабилизировать производство и достигнуть положительных результатов.

Несмотря на выделение субсидий, с помощью которых предпринималась попытка покрыть убытки отрасли, число малоэффективных и убыточных хозяйств оставалось высоким, если в 1990 г. убыточные хозяйства составляли 2%, то в 2000 г. — процент убыточных хозяйств вырос до 48%.

На финансовые результаты в основном влияло удорожание продукции сельского хозяйства за счет материальной части затрат. Если в 1995 г.

материальные затраты составляли 52% от затрат на производство продукции, то в 2000 г. они составляли 63% [6, с. 123].

Средние затраты на производство большинства видов сельскохозяйственной продукции превышали цены их реализации, хотя в предыдущие 1998, 1999 гг. ситуация несколько изменилась в обратную сторону, и цены реализации некоторых видов сельскохозяйственной продукции оказались выше себестоимости, что привело к некоторому сокращению убыточности этих видов.

Особенно остро стояла проблема сдерживания спада в отраслях животноводства. Сравнительно высокая трудоемкость, капиталоемкость, энергоемкость животноводческих отраслей при свободных ценах на энергоносители и комбикорма привели к значительному росту себестоимости и снижению доходности производства продукции, особенно в овцеводстве и скотоводстве. Животноводство, также как и вся экономика республики, находилось в сложном состоянии. Так, за период с 1990 г. по 2000 г. во всех категориях хозяйств, поголовье КРС, овец и коз, свиней и лошадей сократилось более чем на треть, к 2000 г. по сравнению с 1990 г. на 81 — 87%, лошадей на 71% [7, с. 45].

Для большинства хозяйств производство молока, мяса, шерсти стало убыточным, возникли сложности с реализацией продукции, особенно шерсти. Всё это снизило заинтересованность хозяйств в расширении производства, что при неотработанном ценовом механизме между сельскими товаропроизводителями, перерабатывающей промышленностью и торговлей привело к сокращению численности скота, спаду производства животноводческой продукции.

За период с 1991 г. по 2000 г. во всех категориях хозяйств произошло снижение производства продукции сельского хозяйства: мяса (скот и птица в живой массе) — на 46%, молока — на 40%, яиц — на 50%, шерсти на — 69%, пантов на — 2%. Продолжалось сокращение численности скота в коллективных хозяйствах.

Анализ производства животноводческой продукции Сибирского федерального округа показал,

Библиографический список

1. Макошев, А. П. Сельское хозяйство / А.П. Макошев. — Горно-Алтайск, 1996.
2. Захаров, Ю., Гурьева Т. Становление рыночных отношений в агропромышленном комплексе / Ю. Захаров, Т. Гурьева. — М., 1997.
3. Зотов, М. П. Горный Алтай — мировой лидер на пути к ноосферному развитию / М. П. Зотов, С. Л. Ленкин. — М., 1999.
4. КПДА РА. Ф. 59. Оп. 8. Д. 135.
5. КПДА РА. Ф. 59. Оп. 8. Д. 154.
6. Назаренко, В. И. Государственное регулирование сельского хозяйства в странах с рыночной экономикой / В. И. Назаренко, А. Г. Папцов. — М., 1997.
7. Стратегия развития Республики Алтай до 2010 года / Под ред. Л. М. Шодоевой. — Горно-Алтайск, 2004.

Горно-Алтайский государственный университет
Поступило 17.02.09

T. V. Ankudinova, A. G. Gonofov

AGRICULTURAL CONDITION IN GORNY ALTAI IN 90S

In the article, on the basis of archival sources and published materials, the condition of agriculture in Gorny Altai in 90s is analyzed, and the main tendencies are also shown here.

Gorny Altai, agricultural complex, plant breeding, animal breeding, consumer market.

что животноводческий комплекс Республики Алтай переживал такой же, по глубине, кризис как и другие сибирские регионы. Так, в Республике Алтай количество голов коз и овец с 1990 г. по настоящее время уменьшилось в 2,5 раза, то в СФО — в 6,5.

Показатели сокращения производства молока, скота и птицы на убой в регионе аналогичны показателям РФ и СФО (произошло двукратное уменьшение объемов производства). Производство яиц в РА уменьшилось в 3 раза. Сокращение производства сельскохозяйственной продукции обусловлено было также снижением эффективности животноводства, уменьшением продуктивности, особенно мясной и молочной продукции.

Экономические условия хозяйствования и ряд других факторов социального характера обусловили перераспределение поголовья в сторону индивидуального сектора.

В процессе осуществления аграрной реформы произошли глубокие изменения на селе. Они связаны с переходом к рыночным отношениям и охватывали экономические, организационные, технико-технологические, социальные, правовые и другие аспекты ведения сельского хозяйства и других отраслей АПК. На смену монополии государственной и близкой к ней коллективно-хозяйственной форм собственности пришло их многообразие. Однако экономические реформы, осуществляемые в сельском хозяйстве и перерабатывающих отраслях, без всесторонне продуманных и четких ориентиров, при недостаточной, порой бессистемной финансовой и материальной поддержке государства, внешней незащищенности товаропроизводителей, разрыве устоявшихся хозяйственных связей и отсутствии надежных рынков сбыта продукции привели к затяжному кризису в агропромышленном комплексе, который проявился, прежде всего, в спаде производства продукции, в ухудшении экономического и финансового состояния сельскохозяйственных предприятий всех форм собственности.

УДК 902

А. Г. Гоножов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРНОГО АЛТАЯ В 90-е гг. XX в.

В статье, на основе архивных источников и опубликованных материалов, рассмотрены некоторые проблемы развития сельского хозяйства Горного Алтая в 90-е гг. XX в., а именно: материально-техническая база, трудовые ресурсы и т. д.

Горный Алтай, сельское хозяйство, материально-техническая база.

В становлении и развитии сельского хозяйства Горного Алтая в 90-е гг. XX в. одним из важнейших вопросов было состояние материально-технической базы. Все более остро стоял вопрос об обновлении и пополнении парка основных видов сельскохозяйственной техники, не имея которых сельчане просто физически не могли заниматься производством сельскохозяйственной продукции.

Основной причиной сокращения машин — тракторного парка в сельском хозяйстве являлась все возрастающий диспаритет цен между товарами сельского хозяйства и промышленности.

Основные фонды сельского хозяйства, включая скот по балансовой стоимости, в 2001 г. составляли 2769 млн. руб. Уровень износа основных фондов сельского хозяйства на начало 2000 года в РА составлял 40,5%, а удельный вес полностью изношенных — 4,4%. Коэффициент обновления (в процентах от общей стоимости производственных основных фондов сельскохозяйственного назначения на конец, 2000 г.) составлял 5,8%. Коэффициент ликвидации — 2,9% [1, с. 38].

В 2000 г. обеспеченность сельскохозяйственных предприятий в сравнении с нормативной составляла: по тракторам — 79,9%, плугам — 28,7%, сеялкам — 56,3%, культиваторам — 18,3%. В РА с 1990 г. сельскохозяйственная техника обновилась всего на 0,9%. Сезонные же нагрузки на технику были в два — четыре раза выше нормативных [2, с. 45].

Основой развития любого производства являлись трудовые ресурсы. В сельском хозяйстве среднегодовая численность занятых снизилась с 23,1% в 1995 г. до 15,6% в 2000. Одной из причин этого являлось снижение привлекательности труда в отрасли: если средняя заработка плаата работника в 1995 г. составляла 49,6% от среднереспубликанского уровня, то в 2000 г. — 33,5%. За это время увеличился уровень сельской безработицы, миграция из села в город, на фоне общих проблем экономических реформ обострились актуальные проблемы сельского населения.

Сложившаяся структура АПК Республики Алтай характеризовалась остро выраженной неразвитостью сферы хранения, переработки и реализации готовой продукции. Такое положение сложилось вследствие того, что рост вложений не сопровождался созданием соответствующей базы хранения и переработки. К тому же имеющиеся перерабатывающие предприятия не соответствовали современным требованиям организации про-

изводства, зачастую были оторваны от сырьевых ресурсов.

Указанные обстоятельства, вместе с кризисным состоянием экономики у производителей сырья, являлись основными причинами спада производства конечной продукции АПК.

Сокращение производства конечных продуктов предприятиями молочной и мясной промышленности опережало сокращение объемов сырья для промышленной переработки. Причем темп спада производства дорогостоящих, транспортабельных продуктов (сливочное масло, сыры, колбасные изделия) был ниже, чем сокращение производства продуктов повседневного спроса (цельно- и кисломолочных, мясных полуфабрикатов и др.). Низкая покупательная способность населения вела к сужению емкости продовольственного рынка, спаду производства, снижению продовольственного обеспечения населения республики.

Снижение среднедушевого потребления продуктов животного происхождения делало питание неполноценным, особенно с точки зрения обеспечения рационов белком. При этом снижалась и общая калорийность питания, хотя она в определенной мере поддерживалась относительно высоким потреблением хлеба, хлебопродуктов, картофеля.

Дефицит продовольствия в республике, если его оценивать не наличием товаров на рынке, а покупательной способностью, степенью удовлетворения требований полноценного питания, что должно быть главным критерием развития АПК, усиливался.

Ещё более осложнилось положение на потребительском рынке в 1996 г. Повышение рыночных цен на животное масло, колбасы и копчености сделали малодоступным их приобретение для широких слоев населения. Удорожание хлеба, молока, кисломолочных продуктов и яиц также снизило платежеспособный спрос на эти продукты.

Учитывая оценку сложившейся ситуации в АПК республики, стабилизация положения в агропромышленном комплексе требовала разрешения ряда первоочередных проблем, среди них в приоритете находилась система организационно-экономических мер, включающая реконструкцию материально-технической инфраструктуры продовольственного рынка республики.

За время проведения экономических реформ в стране возросли физические объемы производства сельскохозяйственной продукции. За последние десять лет наблюдалась его положительная ди-

намика, как в Российской Федерации, так и в Сибирском Федеральном округе. В Республике Алтай за этот же период произошло снижение объемов производства сельского хозяйства на 22%. Доля сельскохозяйственной продукции в валовом региональном продукте занимала к началу 2000 г. более 18,2% (в 1995 г. — 34% ВРП). С 1995 г. по 2000 г. удельный вес предприятий сельскохозяйственного назначения снизился с 34% до 10% в общей численности предприятий республики [1, с. 29].

В сельском хозяйстве РА основные проблемы развития были связаны с наращиванием производства продукции, увеличением ее товарности, получением устойчивой прибыли. Под влиянием регионального разделения труда, использования земельных ресурсов, почвенно-климатических условий и других факторов, Республика Алтай среди других регионов Сибири выделяется своеобразной многоотраслевой животноводческой специализацией.

Итоги реформирования аграрного сектора республики указывали на ряд негативных моментов,

характерных для всех регионов России, основные из них следующие: прогрессирующий спад производства сельского хозяйства; ухудшение продовольственного обеспечения населения республики; продолжающееся отставание темпов роста цен на реализованную сельскохозяйственную продукцию от темпов удорожания промышленной продукции и услуг; разрушение накопленного производственного потенциала АПК из-за возрастающего дефицита материальных и финансовых ресурсов, порождаемого диспаритетом цен.

Кроме того, реформирование отношений собственности «субъектов хозяйствования» в аспекте использования ресурсного потенциала сопровождалось: нарушением инфраструктуры материально-технического обеспечения; разрывом существовавших ранее производственно-технических и технологических связей на всех уровнях хозяйствования; отсутствием материально-технических средств, что вынуждало свертывать инвестиционную деятельность и осуществлять сужение воспроизводства основных фондов.

Библиографический список

-
1. Стратегия развития Республики Алтай до 2010 года / Под ред. Л.М. Шдоевой. — Горно-Алтайск, 2004.	2. Зотов, М.П. Горный Алтай — мировой лидер на пути к ноосферному развитию / М.П. Зотов, С.Л. Ленкин. — М., 1999.
-

Горно-Алтайский государственный университет
Поступило 17.02.09

A.G. Gonohov

SOME PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN GORNY ALTAI IN 90S OF THE 20TH CENTURY

In the article, on the basis of archival sources and published materials, some problems in development of agriculture in Gorny Altai in 90s of the 20th century are reviewed: resources base, labor resources, in particular.

Gorny Altai, agriculture, resources base.

УДК 902

P. В. Мезенцев, Д. И. Сидоренко

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (на примере Алтая)

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, анализируется кризисная ситуация, сложившаяся в Русской Православной церкви в период Февральской буржуазной революции 1917 года (на примере Алтая).

Русская Православная церковь, Февральская революция 1917 года, монастыри, священники, сектанство, раскол, часовни.

Каждое из столетий в истории России имело для Русской Православной Церкви (РПЦ) свою, особую драматургию, определявшуюся периодами ее экономического роста и застоя, духовными исканиями и реакцией. Не стал исключением в этом плане и XX век, который вобрал в себя ряд экономических скачков, три революции, поочередную передачу эстафеты власти от «верхов» к «низам» и, наоборот, разные

типы политического устройства (от демократии до тоталитаризма) и многое другое. В это время столкнулись в бескомпромиссной схватке различные теоретические концепции общественного развития и политические программы, различные модели переустройства российского общества. На этом долгом, неоднозначном пути было испытано и отброшено немало идей, принесено много напрасных жертв.

С высот сегодняшнего дня отчетливо видится, что на рубеже XIX — XX вв. Россия столкнулась с огромным отставанием от передовых стран Европы. Для его преодоления необходимы были гигантские усилия центральной власти и всего общества в целом. Свою роль в этой непростой ситуации должна была выполнить и Русская Православная Церковь. Однако в силу объективных причин, ее социально-экономическое состояние и положение оставляли желать много лучшего.

К началу революционных потрясений 1917 г. Русская Православная Церковь находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Внешне она представляла собой внушительную силу. В Российской империи было почти 125 млн. православных верующих (около 70% населения), 78 тыс. храмов и часовен, около 120 тыс. священников, диаконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1253 монастыря и скита с 95 тыс. монашествующих и послушников, 57 духовных семинарий и 4 духовных академии [1, с. 67]. Однако авторитет и влияние этой мощной организации оказались в значительной степени подорванными.

Кризис в Русской Церкви, зrimо проявившийся в начале XX столетия, нарастал постепенно на протяжении двух последних столетий. Отмечена, в начале XVIII в. патриаршества, введение синодальной системы, лишение Церкви былой самостоятельности и подчинение ее бюрократическому аппарату, привели к утрате ею церковной свободы, попранию начал соборности в церковной жизни, уподобили приходского священника — полицейскому чиновнику, который присягал служить властям и был обязан сообщать о политических настроениях своей паствы. Это привело к бюрократизации духовенства и потерю им своего прежнего авторитета. Видимым проявлением этого неблагополучия явилось падение религиозности среди населения, рост сектанства, усиление религиозного безразличия. Ложность положения Церкви состояла еще и в том, что формально она была государственной, а потому противники легко могли возлагать на нее долю ответственности за репрессивную политику самодержавия и все социальные несправедливости, творимые государственным аппаратом. В результате, с конца XIX в. в среду широких народных масс начали проникать антиклерикальные настроения. Уже во время первой российской революции 1905-1907 гг. были отмечены случаи погрома домов священников, их изгнания с места службы и даже убийства.

Чтобы поднять авторитет Церкви в стране и обществе правительство пошло на предоставление ей некоторых экономических льгот. Духовные учреждения всех вероисповеданий, включая православные, были освобождены от уплаты подымной подати, поземельного налога, а в губерниях Привисленского края — налога со всего недвижимого городского имущества. Подворья и строения архиерейских домов и монастырей Православной Церкви, в том числе сдаваемые в наем, а также строения и лавки, принадлежащие церквям, освобождались от городского налога и от прочих городских повинностей. Обложению госу-

дарственным промысловым налогом, которым облагались все торговые, промышленные предприятия и так называемые «личные промышленные занятия», не подлежали заведения духовного ведомства, печатавшие и продающие книги и пособия учебного и духовно-нравственного содержания, изготавлившие и продававшие необходимые для богослужения предметы, а также предприятия, торговавшие лампадным маслом и ладаном. Имущество, поступившее в пользу церквей, монастырей и церковных причтов в силу закона, духовного завещания, по царскому пожалованию, дарению и другим безвозмездным актам, было освобождено от уплаты государственной пошлины [2, с. 32-39].

Помимо этого, архиерейские дома и монастыри, в силу «высочайших предписаний», наделялись государственной властью «загородными дворцами, рыбными ловлями, землями и другими угодьями», которыми они стали владеть на правах собственности, но не могли отчуждать их. В число имущества, принадлежавшего Церкви, вошли земли и угодья, переданные в дар государством, приобретенные церквями в собственность покупкой, дарением или завещанием от частных лиц. На сельских прихожан была возложена обязанность обеспечивать церковный причт в установленном размере земельными наделами. Кроме государственных ассигнований и доходов, получаемых в результате использования церковных земель, на содержание православного духовенства предназначались установленные законом сорбры с прихожан: плата за обязательные требы и натуральные сорбры в пользу причта.

Но, несмотря на некоторые экономические улучшения, Русская Православная Церковь, по-прежнему, находилась в «тесных объятиях» государства [3, с. 20]. Отсутствие ее главы и экономической основы ее независимости, практически полное подчинение чиновничьему-бюрократическому аппарату лишили ее самостоятельности, возможности влиять на состояние общества, предопределили многие негативные процессы как внутри самой Церкви, так и во взаимоотношениях с государственной властью, полностью проявившие себя в XX в.

В сложном положении в предреволюционное время находился церковный организм и на периферии Российской империи. Общее неудовлетворительное состояние Церкви преломлялось здесь через региональную специфику.

К началу XX в. Православная Церковь на Алтае, после длительного периода становления, достигла, наконец, определенной устойчивости. В 1910 г. в ее распоряжении здесь находилось 3 православных монастыря, более 200 церковно-приходских школ, 2 духовных училища, 372 церкви, 53 молельных дома и 25 часовен [4; с. 6-51]. В крупных городах — Барнауле и Бийске — действовали отделения противораскольнического Братства Святого Дмитрия Ростовского [5, с. 5].

Несмотря на внешнюю устойчивость, в первом десятилетии XX в., в условиях нарастания в массах революционных настроений, во внутренней жизни РПЦ стали достаточно ясно обнару-

живаться кризисные явления, связанные с потерей самостоятельности и тесной зависимостью от самодержавно-монархического государства. Это неблагополучие выражалось в первую очередь в усилении религиозного безразличия, небрежном отношении к церковным обрядам, ухудшении нравственного состояния общества, особенно в сельской местности, утрате былого авторитета священнослужителями и, наконец, в отпадении части православного населения от Церкви. Так, например, согласно клировой ведомости, крупнейшей в г. Барнауле Богородице-Одигитриевской церкви, из 1303 ее прихожан главные христианские таинства — исповедь и святое причастие — не исполняли в 1908 г. 474 человека (36,3 %), причем 256 из них (19,6%) вообще не посещали богослужения «по нерадению, наклонности к сектанству и расколу» [6, л. 44-45].

В 1911 г. Томская Духовная Консистория, в своем послании одному из Благочинных Бийского уезда, указывала на то, что прихожане, во время церковных церемоний, «оставленные без надлежащего надзора, относятся к святыням без должного благоговения, несут хоругви на плечах, как самые обыкновенные предметы, и даже позволяют себе надевать в это время шапки» [7, л. 132].

10 апреля 1912 г. в газете «Жизнь Алтая» появилась статья, в которой ее автор, отмечая усиливающееся в сельской местности пьянство, неуважение к родителям, деградацию семейных отношений, преступность, пришел к неутешительным выводам: «Деревня, жившая не так еще давно патриархальными порядками и чистыми нравами, падает нравственно с невероятной быстротою, ... погрязшая в разврате молодежь, потеряла совесть и религию» [8, с. 4].

Все попытки духовенства бороться с негативными явлениями общественной жизни не имели должного успеха, поскольку к этому времени уровень доверия населения к священнослужителям значительно снизился. Ярким свидетельством тому являются итоги выборов в Барнаульскую городскую Думу в августе 1917 г. Избирательный блок «Братство православных церквей Барнаула», включавший в себя 15 кандидатов: священников И. Шарина, Л. Н. Казанцева, И. Д. Седакова, дьякона И. Н. Пульхрова и 11 прихожан, набрал всего 38 голосов из общего числа 9,5 тысяч выборщиков [9, л. 17].

Однако РПЦ не была замкнутой в себе религией культурного прошлого. В ней созрела своеобразная «революционная ситуация». С 1905 г. основная часть духовенства, в том числе и епископата, проявляла недовольство политикой Святейшего Синода и существовавшей системой в целом. Появилось много признаков обновления, стремления к церковным реформам. Создавались разнообразные приходские братства, религиозно-нравственные кружки и общества, выходили православные журналы, возрождалось проповедничество и т. д. Но Русской Церкви так и не удалось до 1917 г. обрести желательную самостоятельность, созвать (из-за противодействия правительства) Поместный Собор. Более того, засилие в годы первой мировой войны в

Синоде ставленников Г. Распутина, определявших церковную политику, способствовало дальнейшему значительному росту антисемитских настроений в стране [1, с. 68].

Падение монархии и установление республиканского строя было встречено основной массой приходского духовенства с симпатией и сочувствием. В. г. Барнауле, например, после сообщения об отречении императора Николая II от власти, на Новобазарной площади при большом стечении народа, был проведен торжественный молебен, на котором, по воспоминаниям очевидца, служивший его священник приветствовал революцию словами Апостола: «Для свободы вы, братие, рождены». Барнаульская Дума даже приняла решение: на месте молебна воздвигнуть памятник, а площадь переименовать в площадь Свободы [10, с. 7].

Кризис самодержавия пробудил надежды на изменение отношений Церкви и государства и у епископата. Поэтому даже члены Синода отказались 26 февраля 1917 г. обратиться с возвнанием к народу поддержать монархию. Более того, 6 марта Синод опубликовал послание, в котором призвал «верных чад Православной Церкви» поддержать новое Временное правительство [3, с. 35-36].

Февральская революция 1917 г., сопровождавшаяся рядом антицерковных акций, в то же время фактически стала и «религиозной революцией», уникальной в истории Православия. В марте—апреле 1917 г. по стране прокатилась волна чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями, с кафедр было смешено свыше 10 скомпрометированных архиереев, а вновь избранные епархиальные советы значительно ограничили епископскую власть. Были также введены и выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально-представительное начало церковного управления, демократизировалась и приходская жизнь [11, с. 37].

На Алтае православное духовенство смогло провести 3 таких съезда. На них присутствовало от 7 до 50 делегатов. Первый такого рода съезд, прошедший 17 марта 1917 г. в г. Бийске, одобрил Февральскую революцию, оценив ее как «свершившееся великое событие», признал легитимность Временного правительства и «сердечно приветствовал его» [12, с. 9]. Второй, наиболее представительный съезд духовенства Барнаульского уезда, работавший в краевом центре с 18 по 20 апреля 1917 г., высказался за «наиболее желательную» форму республиканского правления, призвал к полному отделению Церкви от государства и постановил: «Предоставить мирянам право, по примеру древней Церкви, выбирать себе пастыря по желанию, чтобы в тоже время выборное начало было введено для всей иерархии и во всех церковных учреждениях» [12, с. 12-13]. Наконец, третий съезд сельских священнослужителей Бийского уезда для практического проведения в жизнь заявленных ранее преобразований и «ближения духовенства и народа», 16 мая 1917 г. принял решение образовать особый «Объединительный комитет». Он должен был оперативно решать «местные дела в приходах» и разбирать

спорные моменты во взаимоотношениях церковнослужителей и мирян [12, с. 18-19].

К июлю 1917 г. обновленный Священный Синод утвердил право епархиальных съездов выбирать себе епископов, наделил приход статусом самоуправляющейся основной демократической единицы Церкви с широкой активизацией мирян, учредил Предсоборный совет по подготовке Поместного Собора. В ряде епархий впервые в истории Русского Православия прошли выборы архиереев, в том числе митрополитов Московского и Петроградского.

Открывшийся 15 августа 1917 г. в Москве Всероссийский Поместный Собор стал заметным явлением общехристианской истории. Ряд его решений и постановка самих вопросов во многом «пережали весь христианский мир». Выборы членов Собора были свободными и тайными. Впервые на уровне приходов в них участвовали женщины. Из 564 его депутатов больше половины — 299 — составляли миряне. На ходе первых заседаний сказывались серьезные разногласия их участников. Особенно они проявились в вопросе возрождения Патриаршества. Еще в Предсоборном совете большинство во главе с архиепископом Сергием (Старогородским), отвергло эту идею. Левое крыло Собора также активно предлагало ввести — вместо Патриаршества — демократически-коллегиальную систему управления, в которой голос приходского духовенства был бы равен архиерейскому. Настроение стало меняться с октября 1917 г., по мере назревания политического кризиса. Становилось все яснее, что в условиях разгула антирелигиозных сил им должна противостоять Церковь, возглавляемая конкретным духовным вождем. Кроме того, теперь отпадали обоснованные сомнения в том, что введение Патриаршества не утвердит Временное правительство. 30 октября 1917 г. подавляющим большинством голосов Собор принял решение восстановить дол-

жность Первосвятителя, а 5 ноября Патриархом был избран митрополит Московский Тихон (Беллавин). Согласно уставу, при Патриархе учреждались Священный Синод (из архиереев и Высший Церковный Совет с выборным представительством белого духовенства и мирян). Учитывая неопределенность тогдашнего положения и неизвестность будущего, Собор также принял 25 января 1918 г. беспрецедентное постановление, сыгравшее важнейшую роль в дальнейшей истории Русской Церкви, о предложении Патриарху самому избрать нескольких Блюстителей Патриаршего престола на случай его болезни, смерти и т. д., чем обеспечивалось сохранение их имен втайне [13, с. 9-21].

Всего с 15 (28) августа 1917 г. по 7 (20) сентября 1918 г. состоялось 3 сессии Собора, затем он был вынужден прекратить работу, не завершив ее. Среди принятых постановлений следует отметить определения об активизации женщин в церковной жизни, о братствах ученых монахов, о проповедничестве. Успел Собор и выпустить уставы новой соборной структуры всей Церкви, основанной на началах широкой инициативы и выборности — от Патриарха до самоуправляющихся приходов, окончательно узаконив большую часть преобразований «церковной революции» 1917 г. [14, с. 10-12].

Поместный Собор 1917-1918 гг. явился событием эпохального значения. Упразднив канонически ущербную и окончательно себя изжившую синодальную систему церковного управления, восстановив Патриаршество, он провел рубеж между двумя периодами русской церковной истории. «Определения» Собора укрепили внутреннее и организационное единство РПЦ. Несомненно, что без этого обновления ей было бы значительно сложнее пережить наступившую вскоре агрессию новой атеистической власти.

Библиографический список

1. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 гг.). М., 1999.
2. Клочков В. В. Закон и религия. М., 1982.
3. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995.
4. Кривоносов Я. Е. Храмы Алтая: справочник. Барнаул, 1997.
5. Православные церковные братства в России // Храм: специальный выпуск. 1997. Февраль.
6. ЦХАФАК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 38.
7. Архивный отдел администрации г. Бийска (АОАБ). Ф. 1. Оп.1. Д. 9.
8. Жизнь Алтая. 1912. 10 апреля.
9. ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 118.
10. Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае.
11. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.
12. Съезды, конференции, совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Алтайской губернии (март 1917 — ноябрь 1918). Томск, 1992.
13. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917-1990. М., 1994.
14. Русская Православная Церковь и право. М., 1999.

Бийский государственный педагогический университет им. В.М.Шукшина
Получено 17.02.09.

R. V. Mezenchev, D. I. Sidorenko

THE CRISIS OF PHENOMENONS IN RUSSIAN CHRISTIAN CHURCH AT THE PERIOD OF FEBRUARY BOURGEOIS-DEMOCRATIC REVOLUTION 1917 YEAR (on example Altai). In article, on the basis of documentary sources analysis the crisis situation, turn out in Russian Christian church at the period of February bourgeois-democratic revolution 1917 year (on example Altai).

Russian Christian church, February bourgeois-democratic revolution 1917 year, cloisters, priests, sectarianism, split, chapels.

РЕЦЕНЗИИ

Павленко Н. И. Царевич Алексей. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 299[5] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1088).

В истории Государства Российского есть немало периодов, которые во все времена неоднозначно оценивались и современниками, и потомками. Однако ни один из них, надо полагать, не сравнялся полярностью своих оценок и заключений, выпавших на долю первой половины XVIII века, т.е. на время преобразований, осуществленных Петром I, воздействие которых испытывали на себе и социальная структура, и экономика, и государственное устройство, и вооруженные силы, и внешняя политика, и культура, и быт. Будучи, по характеру всеобъемлющими, они, естественно, не обошли стороной ни одну сферу жизни Русского государства, в том числе и старомосковский уклад. Правда, если брать во внимание только быт, то они затронули лишь «верхи» общества. Что касается широких масс, в частности, крестьян, то они жили по-старому. Например, многие их поколения так и не расстались ни с бородой, ни с сермяжным зипуном, ни с лаптями. Кстати, последние были вытеснены лишь в советское время. Но, как бы там ни было, преобразования в стране имели место, при этом многие «новшества», введенные в жизнь Русского государства Петром I, были столь глубокими и устойчивыми, что дали все основания многим историкам и публицистам середины XIX века, возвести их в ранг «революционных», а самого преобразователя считать — не менее как — первым «революционером» России, причем не ординарным, а «революционером» на троне.¹

Однако преобразования Петра Алексеевича, конечно же, не были революционными, ибо они не сопровождались ломкой господствовавших в России общественных отношений. Более того, существовавшее в стране экономическое и политическое господство помещиков и крепостнический строй не только не исчезли в Российском государстве, но, наоборот, они еще больше укрепились в нем. Иначе говоря, в стране продолжали функционировать феодальные общественные отношения со всеми институтами, присущими данной формации как в области базисных, так и в области надстроек явлений.²

И как часто это бывает с преобразованиями, и Петровские в этом плане не исключение, они вызвали неоднозначную реакцию у современников. Даже среди тех, достаточно широких дворянских кругов — светских и духовных, — кто, в принципе смирился с «новшествами» Петра I, было немало недовольных его преобразованиями. В частности, высшую аристократию не устраивало то, что они лишали ее руководящей роли в государственном управлении. Недовольство духовенства было обусловлено тем, что оно подпадало, в результате осуществленных преобразований, во все возраставшую зависимость от светской власти, а также тем, что оно лишилось отныне (в связи с секуляризацией монастырских владений) былой хозяйственной независимости. Не в восторге были от Петровских реформ и часть боярства, усиленно боровшаяся за сохранение своего влияния в государстве и за старые порядки. Словом, все это вместе взятое и породило заговоры боярства и духовенства против Петровских преобразований, а, следовательно, и против

¹ Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. — М., 1994. — С. 5.

² Там же. — С. 6.

самого преобразователя, раскрытием которых занялся Преображенский приказ, начиная с 1697 года.

Эта «неприязнь» тех и других к «нововведению» и к Петру I наиболее ярко проявилась в деле царевича Алексея, жизнь и смерть которого стали темой скрупулезного исследования известнейшего в нашей стране и за ее пределами ученого, старейшего автора серии «Жизнь замечательных людей», всемирно признанного знатока Петровской эпохи и классика историко-биографического жанра Николая Ивановича Павленко. Опираясь на фундаментальную источниковую базу, автор убедительно раскрыл обычаи и нравы той, без преувеличения, жестокой эпохи, в которую довелось жить сыну Петра I от первого брака с Евдокией Федоровной Лопухиной.

В связи со сказанным, представляется уместным привести высказывание автора рецензируемой книги о том, что «деяния Алексея Петровича» давно уже привлекли к себе внимание и зарубежных, и отечественных исследователей. Первопроходцем, по словам Н. И. Павленко, среди последних академик Н. Г. Устриялов, первым введшим в научный оборот при изучении «дела царевича Алексея» документы, хранившиеся до этого в архиве «за семью печатями и считавшимися государственной тайной».³ Заслугой Николая Герасимовича явилось также и привлечение в своей работе документов, хранившихся в Венском архиве, в значительной степени способствовавших расширению представлений читателей о «делах давно минувших дней».⁴

Жизнь и смерть царевича Алексея, автор рецензируемой работы убедительно раскрывает перед читателем, взяв за основу три конфликтные ситуации, имевших место между наследником и царем. И главнейшая из них — это, безусловно, конфликт между отцом и сыном. Не уступает ей по трагизму и вторая конфликтная ситуация — отношения между Петром I и его супругой Евдокией Лопухиной. И завершает все это — третий конфликт, являющийся бесспорным «порождением» двух, предыдущих: взаимоотношения между царевичем и его супругой — принцессой Бланкенбургской Шарлоттой, из дома Брауншвейг-Вольфенбюттельского Антона Ульриха.

Забегая несколько вперед, можно подчеркнуть, что брак с родственницей жены курфюрста Саксонского и короля Польского Августа (союзника Петра I) очень устраивал правителя России. Дело в том, что через этот брак Петр I вступал в «свойство» с австрийским императором Карлом VI, который был женат на старшей сестре невестки — Елизавете. Наибольшее, что привлекало Петра в «породнении» с Карлом так это «наличие общего у них врага — Османской империи».

Однако, подыскивая невесту сыну, отец целиком и полностью руководствовался в этом

«деле» своими политическими мотивами и совсем не учитывал мнение сына, относительно выбранной ему невесты. Последняя же, по словам царевича, хотя и была «добра сердцем», все же не понравилась жениху с самой первой встречи, состоявшейся в местечке Шлакенверт, близ Карлсбада, куда он прибыл для лечения. В силу этого, и намерен был царевич жениться на русской невесте.

В контексте вышесказанного, как справедливо подметил автор рецензируемой работы, понять Петра можно, правда, отчасти. Дело в том, что с самого начала своего самостоятельного правления он всегда считал себя «слугой государства», при этом Петр твердо верил в возможность «пополнить Россию лицом к Западу», который по всем параметрам жизни значительно опережал ее. Поэтому, ради достижения этой «великой цели» — «превращения отсталой России в передовую и могучую страну» — Петр не жалел «жизноты своего». Успешному решению вышеуказанной задачи, он подчинял все свои физические и нравственные силы. Такой же самоотдачи требовал царь и от своих подданных, в том числе и от своего сына. И тут преобразователь России, справедливо подчеркивает Николай Иванович (с чем нельзя не согласиться), допускал «серезную ошибку», которая заключалась в том, что та самоотдача, ради которой Петр не жалел своих «жизненных и физических сил», была не под силу подавляющему большинству его подданных, в числе и его сына. Такой ритм жизни, который задал себе отец, не в состоянии был вынести «слабый духом и телом царевич». Хотя, если припомнить первые годы «его приобщения» отцом к «европеизации России» давали определенные надежды на то, что «отцовский экзамен на прочность» сын пройдет с успехом. Порукой тому были исполненные им отцовские поручения: заготовка фуражка для армии и пополнение ее рекрутами, а также меры, предпринятые царевичем по укреплению Москвы на случай подхода к ней шведских войск. Иначе говоря, на почве участия Петра и наследника в «общем деле» между ними могла установиться атмосфера взаимного уважения и солидарности. Могла бы, но не установилась. И причины этого «неустановления» убедительно раскрыты Н. И. Павленко. При этом он особо подчеркивает, что в случившемся данном «несогласии», вины Петра — нет. Во всем этом «повинны», согласно признанию самого наследника, его «забавы с попами и чернецами и с другими людьми», первой скрипкой среди которых, как убедительно доказано автором рецензируемой книги, был духовник царевича — Александр Кикин, бывший в недалеком прошлом денщиком Петра.

Общеизвестно, что Петр принадлежал к числу тех людей, которые были беспощадны к казнокрадам и лихоимцам, «чинившим ущерб государству». За это он сразу же рвал прежние отно-

³ Там же. — С. 5.

⁴ После Н. Г. Устриялова, сюжетами, связанными с царевичем Алексеем, занимались М. П. Погодин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров и др. Подробнее об этом. См. рецензируемую книгу. — С. 297.

шения с такими людьми и уже никогда не восстановливал их. Так, в свое время поступил Петр и с Кикиным. От смерти спасло последнего, как известно, только заступничество Екатерины. Затаив злобу на Петра, бывший денщик, став духовником царевича, все делал для того, чтобы настроить его против отца, уговорить жаждавшего царского трона Алексея бежать за границу, где, опервшись на иноземные штыки, вернуться в Россию, низложить отца и занять его трон.⁵ Что вышло из этой затеи, наглядно и убедительно раскрыл в своей книге Николай Иванович. Ее содержание всецело свидетельствует о том, что «подлинным организатором побега царевича за границу и главным виновником его трагического конца был никто иной как Кикин. Убедительно и заключение, подведенное итог следствию по «делу царевича Алексея», который дал основание Петру считать царевича «своим сыном по рождению, но злодеем по делам». И в этом заключении, нет какой — либо авторской категоричности. Более того, он предстает перед нами не только гуманным и этичным писателем и исследователем: он дает право читателю самому сделать свой выбор: принять авторский вывод или оспорить его.⁶

Не продолжая далее разговор о достоинствах рецензируемого труда, сделаем лишь полагающийся итоговый вывод о том, что в рецензируемой книге убедительно обоснованы основные положения, приведшие к столкновению Петра и Алексея. Его, по мнению Н. И. Павленко — и это вполне справедливо, — не следует рассматривать только как семейную трагедию, порожденную различиями в темпераменте, складе характера, духовном облике отца и сына. Суть возникших между ними противоречий состояла не только в том, что Алексей, обуреваемый честолюбием, подогреваемым А. В. Кикиным, не брезговал никакими средствами, чтобы овладеть престолом, что, вне сомнения, накаляло атмосферу их взаимоотношений. Корни данного противостояния, справедливо подчеркивает автор, уходили намного глубже. Они, как убедительно показано автором, коренились в противостоянии двух концепций: настоящего и будущего России. Одну из них претворял в жизнь отец, другую — диаметрально противоположную — намеревался осуществить его сын, в случае сосредоточения в его руках государственной власти. Словом, «ставки» были велики, да и дороги их расходились весьма круто. Россия либо продолжала идти по пути преобразований, которые выводили ее в число могущественных стран Европы, либо она возвращалась «на круги своя» и все больше и больше отставала от нее.

⁵ Павленко Н. И. Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. — 297.

⁶ Там же. — С. 241.

И в заключение — пару непринципиальных замечаний, устранение которых только бы повысило, на наш взгляд, качество рецензируемой работы. Книги серии «Жизнь замечательных людей» рассчитана, как известно, на широкий круг читателей, а посему «загадок» для них в такого рода публикациях, естественно, не должно быть. Однако одну из таковых, автор задал им в самом начале книги. В данном случае речь идет о «Кикине» (с. 6), которого автор справедливо назвал главным виновником трагической гибели царевича. Но при первом его упоминании одной фамилии злодея — для широкого читателя, видимо, мало. Наверное, здесь надо было присовокупить: что это был «бывший денщик Петра» или же сказать, что он являлся в рассматриваемое время «духовником царевича», как это сделано автором в дальнейшем. Второе замечание. Основу источниковой базы рецензируемой книги составляет архивный материал. Но его цитирование в ней не всегда оформлено необходимыми в таких случаях сносками. К примеру, на с. 22 говорится о сборе «всякого хлеба 98 тысяч четвертей и сена свыше 500 тысяч пудов» (и дана сноска 8. Следующий абзац извещает читателя о неудачной поставке рекрутов в 1707 году — вместо 3018 чел., поставлено «к 31 мая... только 308». И ссылки на источник — нет. Если это сообщение отнести к сноски 9, то там речь идет совершенно о другом: о приезде в Смоленск доктора Блюментраста. То же самое характерно для с. 23 и многим другим.

И, последнее, о «технических погрешностях», которые должны устраниться автором, а на заключительном этапе — «техническим корректором». Таковых в книге — аж три. В числе «техогрешков» — отсутствие знаков пунктуации, которыми положено выделять причастные и деепричастные обороты, наречие и т. д. Лишь два примера: с. 19 — «Он по-прежнему проводил время...». Наречие «по-прежнему» — должно быть выделено запятыми. Или с. 65. — «Спустя неделю (запятая) супруга...». Еще один упрек в адрес техкорректоров. На с. 128 дана хронология движения царевича: «19 декабря они (царевич и Евфросинья) были в Бреславле, 1 января 1718 года (нужен дефис) в Данциге (Гданьске), 18-го (дефис) в Новгороде, а 22-го (дефис) в Твери».

Однако высказанные замечания, ни в коей мере не меняют общего впечатления от прочитанного и той высокой оценки, которой по-праву заслуживает рецензируемый труд, автором которого является Николай Иванович Павленко.

Н. С. Модоров,
доктор исторических наук
(Горно-Алтайский государственный университет)

ИНФОРМАЦИЯ**УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!**

Лаборатория по комплексному изучению истории и культуры народов Южной Сибири Горно-Алтайского государственного университета формирует сборник научных статей «История и культура народов Южной Сибири в прошлом, настоящем и будущем».

Основная тематика сборника:

- Мировоззрение древних и традиционных обществ народов Южной Сибири: пути и методы изучения;
- Новые подходы к изучению истории освоения Южной Сибири Русским государством;
- Состояние и изученность материальной и духовной культуры народов Южной Сибири и Центральной Азии;
- Верования и обряды народов Южной Сибири и Центральной Азии в прошлом и настоящем;
- Влияние мировых религий на формирование региональных синкретичных мировоззренческих систем народов в прошлом и настоящем;
- Искусство народов Южной Сибири и Центральной Азии как отражение их религиозных представлений;
- Культура и традиционное мировоззрение народов Южной Сибири (в дорусский и пострусский периоды);
- Религиозная политика российского самодержавия и государств Центральной Азии;
- Этно-конфессиональные процессы в Южной Сибири и на сопредельных с нею территориях в прошлом и настоящем;
- Современная религиозная политика России и государств Центральной Азии.

Авторы, желающие опубликовать свои статьи, могут рассмотреть и другие вопросы, но в рамках обозначенной тематики сборника.

Для публикации статьи в сборнике необходимо **до 15 июня 2009 г.** прислать ее текст (в печатном и электронном варианте), а также сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, учено звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст и иллюстрации до 12 страниц (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: все поля — 2,5 см). К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Образец оформления статьи и списка литературы:

И.И.Иванов
Горно-Алтайский государственный университет

СОВРЕМЕННАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Ссылки в тексте: (1, с. 132)

Библиографический список (оформляется в порядке цитирования)

1. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — М-Л., 1953. 453 с.
2. Иванов И.И. Освоение юга Сибири Русским государством в XVII в.// Горный Алтай.

Исторический сборник. Вып. 9. Горно-Алтайск, 2007. С.27-33.

Статьи следует высылать по адресу:

64900, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1. Горно-Алтайский государственный университет, Исторический факультет, Модорову Николаю Семеновичу.

Электронная почта: nmodorov@yandex.ru или mns@gasu.rudashkovskiy@fpa.asu.ru; dpk142@hist.asu.ru
Контактный телефон: (388 22) 2-68-15 (деканат)

**Федеральное агентство по науке и инновациям Российской Федерации
Правительство Республики Алтай
Горно-Алтайский государственный университет
Исторический факультет**

Исторический факультет Горно-Алтайского государственного университета
приглашает к участию в новом ежегодном научном издании: **Исторический вестник**

Цель вестника: предоставление исследователям возможности публикаций научных результатов, представляющих интерес для широкой аудитории историков.

Вестник открыт для участников из любых регионов страны.

Для публикации в историческом вестнике необходимо, чтобы оргкомитет получил в печатном и электронном виде (на диске 3,5 или по e-mail: hf@gasu.ru) следующие документы:

1. Заявка (заполняется на каждого автора отдельно), где указаны Ф.И.О. автора (полностью), название ВУЗа или организации, полный адрес ВУЗа название статьи.
2. Материалы принимаются объемом до 10 стр. через полуторный интервал. Формат текста Word for Windows — 97/2000, формат страницы: А 4, все поля — 25 мм. Шрифт: размер — 12; тип — Times New Roman. Статьи предоставлять без таблиц, графиков и схем.
3. Последний срок предоставления материалов **до 15 мая 2009 г.**

Инициалы и фамилия автора(ов) печатаются строчными буквами, шрифт жирный, выравнивание по правому краю. Ниже через один интервал строчными буквами — полное название организации, город, шрифт — курсив. Ниже через двойной интервал прописными буквами, выровнено по центру, печатается название, шрифт — жирный. После отступа в два интервала следует текст. Сноски концевые.

Информацию можно получить по адресу:

649000 Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 32
Горно-Алтайский государственный университет, Исторический факультет
Тел. (8388-22) 2-68-15 (Пустогачева Татьяна Станиславовна — декан исторического факультета)

**Кафедра археологии, этнологии и источниковедения Горно - Алтайского
государственного университета планирует издание сборника научных трудов
посвященного 10-летию образования кафедры**

**«ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
(АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ)»**

К публикации принимаются материалы, посвящённые теории, методике и практике полевых исследований.

Проблематика сборника:

- Роль археологических памятников в реконструкции материальной и духовной культуры
- Мировоззрение древнего и средневекового населения Горного Алтая
- Этнические процессы: история и современное состояние
- Применение методов естественных наук в археологии
- Материальная и духовная культура коренного населения Горного Алтая
- Историографические аспекты взаимодействия археологии и этнографии

Допускается, при желании авторов, рассмотрение и других аспектов вне рамок тематики сборника

Материалы статей (электронный и бумажный вариант) принимаются до 1 мая 2009 года. Объём статей до 5 страниц вместе с библиографией. Выполняются в текстовом редакторе Word 97/2000 XP, шрифт Times New Roman, кегль 12 с одинарным интервалом, ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках [1, с. 2-5], в библиографическом списке в порядке цитирования. Поля: все по 20мм. Страницы не нумеровать. Допускается одна иллюстрация или фотография в формате jpg, после библиографии.

К статье, отдельным файлом, прилагается информация об авторе: Ф.И.О., место работы, звание, должность, адрес почтовый и электронный

Статьи должны точно соответствовать критериям оформления, быть тщательно выверены, полностью готовые к публикации

Сборник статей выходит к концу 2009 г.

Адрес редакции:

649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина ,1, Горно- Алтайский государственный университет,
кафедра археологии, этнологии и источниковедения, Дворникову Эдуарду Павловичу
Электронная почта: kaei@gasu.ru Контактный телефон: (38822) 2-53-77

Всероссийская научная конференция
**Экономическая история
Сибири XX – начала XXI в.**

Уважаемые коллеги!

Центр экономической истории Алтайского государственного университета **27–28 июня 2009 г.** проводит II Всероссийскую научную конференцию «Экономическая история Сибири XX – начала XXI в.»

Задачи конференции: обсуждение результатов научных изысканий по проблемам экономической истории, определение перспективных направлений будущих научных исследований, привлечение общественного внимания к проблемам экономической истории.

Планируется обсуждение следующих **проблем**: экономические реформы XX – начала XXI в. в Сибири; подъемы и кризисы в сибирской экономике; трудовые ресурсы и рынок труда; городская и сельская экономика; региональные рынки; экономика повседневности; налоговая политика и практика; предпринимательская деятельность; сибирская кооперация; промыслы; история аграрного сектора, отраслей промышленности, нефтегазового комплекса; внешние экономические связи Сибири; создание баз данных массовых источников по экономической истории; экологические последствия хозяйственного освоения Сибири, историографические и источникovedческие проблемы экономической истории.

В **программе** конференции – пленарное заседание, работа секций, **круглые столы**: «Экономическая история в исследованиях и практике преподавания: состояние и перспективы», «Экономические кризисы в истории XX – начала XXI в.».

Заявки на участие в конференции и **тезисы докладов** (до 4 тыс. знаков) принимаются до **1 июня 2009 г.** Тезисы докладов и дневник конференции будут размещены на сайте Алтайского государственного университета.

По итогам работы конференции планируется издание сборника статей. Полные **тексты статей** (до 20 тыс. знаков, сноски в конце текста) следует направить по электронной почте **до 26 июня 2009 г.** или передать на дискете при регистрации участников конференции. Оргкомитет оставляет за собой право отбора материалов для публикации.

Заявка на участие в конференции

1. Фамилия, имя, отчество _____
2. Ученая степень, звание _____
3. Место работы, должность _____
4. Название выступления _____
5. Почтовый адрес _____
6. Адрес электронной почты _____
7. Контактные телефоны _____
8. Необходимое оборудование _____

Электронная почта: econhist@hist.asu.ru

Контактные телефоны:

(3852) 24-66-67; 8-905-924-08-51

Демчик Евгения Валентиновна

Адрес оргкомитета:

656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ,
исторический факультет, кафедра новейшей
отечественной истории, оргкомитет конференции

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождена рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);
- УДК;
- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).
- Ключевые слова (на русском и английском языках)
- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.-2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на диске) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации не принимаются.

Статьи аспирантов публикуются в журнале бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

Образец оформления статьи

Sidorenko D.I. Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921). In the article, on the basis of documentary sources for the first tame introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in 1920-1930 years.

Key words: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

УДК 902

Сидоренко Д.И.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг.».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти, касавшихся религиозных объединений, началось на Алтае только в начале 1920 г. Существовавшие же здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) ее органы власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86,88]. Это был результат ТЕКСТ...

Библиографический список

1. Будегечиева, Т.Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т.Б. Будегечиева // Мелодии «Хоомея» / Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994. и т.д.